

СОДЕРЖАНИЕ

І. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

КОЧИЕВА А.Г. ПРЕДПОСЫЛКИ ЗЕМЕЛЬНО-СОСЛОВНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 50-60 ГГ. XIX В.	3
АББАСОВА Н. В. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. Т. ЛОРИС- МЕЛИКОВА В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (1863-1875 ГГ.).....	8
БУЗАРОВА И.В. РЕДАКТОРЫ «ТЕРСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»	16
НИКАЕВ Х.Р. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	23
ХАЧИРОВ С.С. СТАНОВЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ	31
ЦАРИКАЕВА А.Р. ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ РАБОЧИХ Г. ВЛАДИКАВКАЗ В ГОДЫ НЭПА	39
КУЦЕВЛЯК Д.И. КАЧЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1920-1930-Е ГОДЫ	45
ХУБУЛОВА Д. В. ПИСЬМА УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	50

ІІ. КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ДАУЕВА Т. Т. УМЫКАНИЕ ДЕВИЦ КАК ФАКТОР КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В ОСЕТИНСКОМ ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	62
МАРГУШЕВА А. М. АДАТ И ШАРИАТ В ПРАВОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	67
АКОЕВА В. В. ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ОСЕТИН	77
БЕДОЕВА И.А. ОСЕТИНСКОЕ ЗАСТОЛЬЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ	84
ГИБИЗОВА С. Р. НОВОГОДНЯЯ ОБРЯДНОСТЬ ГОРОДСКИХ ОСЕТИН.....	91
ТАВАСИЕВА Э. И. ВДОВА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.....	97

III. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА
В ЯЗЫКЕ, ФОЛЬКЛОРЕ, МИФОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КAVКАЗА

АБАЕВА Ф. О. ОТРАЖЕНИЕ «МУЖСКОГО» И «ЖЕНСКОГО» В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ОСЕТИН.....	102
БИДЕЕВА С.Г. ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОСЕТИН О ВОДЕ И ВОДНЫХ ИСТОЧНИКАХ.....	111
ЗАЛЕЕВА З.Т. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕТСКИХ БОЛЕЗНЯХ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕТИН.....	117
БАРОЕВА А.В. КОНЦЕПТ «СВОЙ — ЧУЖОЙ». К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	123
ГАГЛОЕВА А.Х. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В ОСЕТИИ 40-50-Х ГОДОВ XX В. И РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ТРУДАХ НАФИ ДЖУСОЙТЫ	129
ИКАЕВА Э.А., ЦАЛИКОВА И.Д. КРАТКАЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	140
ГАГЛОЕВА М.В. ОБРАЗ ЗАЩИТНИКА РОДИНЫ В ПОВЕСТЯХ М. ЦАГАРАЕВА «НАСЛЕДНИЦА» И «САГО»	145
IV. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	
ЖУРТОВА А.А. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В 20-Х — 80-Х ГГ. XX В.	150
КЕЛОЕВА Е.Т. АНАЛИЗ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ.....	158
КИРГУЕВА И. В. ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ	162
ДЗАДЗИЕВА Е. А. «СИМВОЛЬНАЯ ЭЛИТА» КАК ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ. (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА 1990-Х ГГ.).....	168
БАГАЕВА З. Г. ДИАСПОРЫ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	180
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	187

**І. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ**

**КОЧИЕВА А.Г.
аспирант СОИГСИ**

**ПРЕДПОСЫЛКИ ЗЕМЕЛЬНО-СОСЛОВНЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В 50-60 ГГ. XIX В.**

В 50-е годы XIX века обозначился военный перевес России в противостоянии с вооруженными силами имамата Шамиля. Теперь Российская администрация могла приступить к решению здесь проблем социально-экономического характера.

Особую озабоченность администрация выражала по решению сословно-земельного вопроса, что было обусловлено участвовавшими выступлениями крестьян против феодалов.

В отличие от Центральной России, народы Северного Кавказа отставали в своем политическом и общественно-экономическом развитии. Здесь накануне крестьянской реформы отсутствовали ярко выраженные капиталистические отношения. Также наряду с господствующими феодальными порядками большую роль играли еще патриархальные пережитки.

Тем не менее, это не исключало экономический фактор как одну из необходимых предпосылок освобождения зависимых сословий среди горских народов Северного Кавказа и проведения здесь земельной реформы. К тому же Россия, твердо ставшая на путь капиталистического развития, требовала приспособления экономики отсталых окраин к нуждам буржуазного развития. Нужно было создать условия для развития покупательной способности населения.

Иначе говоря, феодальные отношения были уже не в интересах русского капитала.

Другой причиной, диктовавшей проведение крестьянской и земельной реформы, была борьба, которую вело крестьянство против усиливавшейся феодальной эксплуатации. Эта борьба настолько обострилась, что, по признанию властей, «нужны были особые усилия, чтобы отклонить кровавые столкновения» [4, 302] между крестьянами и феодалами.

Важной особенностью реформы на Северном Кавказе было то, что, в отличие от Центральной России, она проводилась по этапам. Первый этап — проведение земельной реформы. Второй этап — освобождение зависимых сословий [2, 94].

С этой целью в 40-50 гг. XIX в. были открыты сословно-поземельные комитеты под руководством П.П. Нестерова, Г.В. Новицкого, М.С. Ильинского, Э.С. Алехина, Г.Р. Эристова, барона И.А. Вревского, А.П. Грамотина, М.А. Кундухова, В.В. Орбелиани и др. [5, 26].

В 1847 году во Владикавказе открылась комиссия по разбору земельно-сословных прав под председательством начальника Владикавказского округа Нестерова. Что касается сословного вопроса, комиссия стала на позиции признания феодального строя, признания старшин привилегированным сословием и признания за ними «прав над народом» [6, 164]. Также, видя, как обострилась вражда против старшин со стороны фарсаглагов, им было принято решение поселить их отдельно.

Так как комиссия Нестерова не дала конкретных указаний о размежевании земли на плоскости, она была упразднена, и в 1851 был учрежден новый комитет под председательством барона Вревского, который должен был принять конкретные меры по размежеванию земли. Им было принято решение, во-первых, признать алдар высшим сословием и наделить их землей большего количества сравнительно с другими сословиями, во-вторых, фарсаглаги и кавдасарды должны были быть поселены отдельно от алдар, в-

третьих, Вревский предлагал аулы называть по урочищам, а не по имени алдар.

На основании этих принципов комитет отмежевал земли из такого расчета: семейству из алдар, как высшему сословию, по 225 дес., остальному же населению—по 36-37 дес. на двор. Но исходя из этих расчетов земли не получили 49 дворов алдар и 334 двора кавдасардов и фарсаглагов, т. е. земли не хватило.

Комиссии не решили земельный вопрос ни в Чечне, ни в Кабарде, ни в Осетии, и впоследствии они были упразднены. Взамен их был создан новый «Комитет для разбора личных и поземельных прав туземцев левого крыла Кавказской линии» под председательством Граммотина.

Комитет занимался главным образом разбором сословных прав и привилегий горской знати. Для крестьян было сделано очень мало. Все комиссии и комитеты, действовавшие с 1847 по 1861 гг., признавали вотчинные права местных феодалов. Они предлагали правительству поддерживать сложившиеся земельные отношения. До конца 50-х годов правительство, занятое подавлением движения под руководством Шамиля, соглашалось с этим. Но после поражения Шамиля участились отступления от этого правила. По признанию наместника Кавказа, накануне реформы 60-х годов «все распоряжения наши по земельным делам, вызванные большею частью лишь военными соображениями, имели характер временных мер, не могли уже удовлетворить ни видам правительства, ни потребностям горцев» [3, 270].

В 1861 г. кн. Орбелиани разработал новый проект земельной реформы, который он изложил в своем «отзыве» на имя военного министра. При выработке проектов земельных реформ наиболее сложным и спорным оказался вопрос о том, какую систему землевладения принять за основу: общинную или частнособственническую? По мнению кн. Орбелиани, сельская община имела то преимущество, что она препятствовала пролетаризации крестьянства; частная же собственность могла содействовать более совершенному развитию сельского хозяйства. Орбелиани предлагал закрепить за князьями и дворянами определенные земли на правах частной собственности, но с условием, чтобы они не предъявляли никаких претензий на другие земли, а равным образом и земли лиц, которых они считали своими вассалами-крепостными. Орбелиани предлагал дать землю тем лицам, которые по происхождению не принадлежали к высшему сословию, «но своим усердием и преданностью» принесли царскому правительству

«огромную пользу» и в службе достигли тех чинов и наград, «которые по законам империи дают право дворянства» [3, 303]. Таким образом, князь предложил сочетать общинную форму землевладения с частной. Этот проект в Петербурге получил одобрение.

В связи с одобрением проекта реформы, представленного кн. Орбелиани, все окружные комитеты и комиссии, учрежденные в разное время, были упразднены.

Однако до приезда на Кавказ великого князя Михаила Николаевича к его реализации никто не приступал. Деятельность Центрального Комитета и уездных дворянских собраний также оставалась формальной.

Осенью 1862 г. во Владикавказе и в других округах Терской области были открыты новые поземельные комиссии, но их деятельность оказалась такой же неэффективной, как и предыдущих, поэтому в июне 1863 г. начальник Терской области Д.И. Святополк-Мирский подал рапорт Главнокомандующему Кавказской армией с ходатайством об упразднении этих комиссий и комитетов и об учреждении новой, одной общей для всей Терской области. Председателем Терской сословно-поземельной комиссии был назначен чиновник для особых поручений при наместнике Кавказа, коллежский советник Д.С. Кодзоков [5, 31].

За основу своей работы она взяла положение о том, что «земля, занимаемая жителями на плоскости, есть казенная». При таком подходе к земельному вопросу правительство имело основание считать все занятые горцами земли государственным достоянием и распоряжаться ими по своему усмотрению.

Комиссия занималась также изучением сословно-правовых отношений горского населения и проведением крестьянской, аграрной и податной реформ в округах Терской области, проделав «огромную работу по сбору материалов по истории хозяйственно-экономического и социально-политического строя населения Северного Кавказа» [3, 305].

Завершив размежевание земель в плоскостной части Терской области, 31 декабря 1869 г. комиссия Кодзокова была преобразована во временную «Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» с подчинением ее главному управлению наместника Кавказа. С небольшими перерывами комиссия просуществовала до 1908 года.

Таким образом, реформы 60-х гг. были следующим шагом по пути

ликвидации феодальных отношений. В результате реформ было введено общинное владение земле на плоскости и объединение бывших феодалов и их зависимых в одну массу общинников.

Примечания

1. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII — 80-е годы XIX века. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2005.

2. Зембатов Ч.С. Земельная реформа и освобождение зависимых сословий в Северной Осетии // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989.

3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.) / Под ред. А.Л. Нарочницкого. М.: Наука, 1988. Т. 2.

4. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1967. Т. 1.

5. Кузьминов П.А. Причины и подготовка преобразований у народов Северного Кавказа в 50–70-е гг. XIX века // Известия СОИГСИ. Вып. 5(44), Владикавказ, 2011.

6. Скитский Б. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. Владикавказ, 2009.

АББАСОВА Н. В.
аспирант КБГУ, г. Нальчик

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
(1863-1875 ГГ.)**

В политической истории дореволюционной России имена людей, близко стоявших к власти, сменялись как в калейдоскопе. Среди них блистало и имя Михаила Тариеловича Лорис-Меликова. Выходец из армянского дворянского рода, он своими реальными заслугами, без протекций достиг высочайшего положения в империи, став вторым человеком в государстве. «Метеор, пронесшийся в высших правительственных сферах и оставивший яркий след», «либерал, мечтающий о конституции», «диктатор сердца». Не многовато ли для человека, который всего лишь чуть больше года занимал высшие правительственные посты в России? Человек и власть — вот жизненная проблема, которая прошла красной нитью через судьбу Лорис-Меликова.

В этом многоликом и многоплеменном мире, который представлял собою Кавказ, складывался характер будущего государственного деятеля.

Человек редкого бескорыстия, остроумный и веселый собеседник, обходительный и деликатный, Лорис всегда охотно и внимательно выслушивал возражения, но оставался верен личным убеждениям, которые сопрягал с государственными интересами. Убежденно веря в прогресс человечества и необходимость России примкнуть к его благам, он способствовал развитию науки и образования, как в Терской области, так и в масштабах государства.

Начав военную службу и набравшись на Кавказе военного и административного опыта, он достиг вершин государственной карьеры империи. Этот взлёт был обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, Лорис-Меликов был представителем старинного дворянского рода; во-вторых, получил блестящее военное образование в знаменитой столичной «Школе подпрапорщиков»; в-третьих, владел мест-

ными языками: армянским, грузинским, татарским, турецким, персидским, а значит, был незаменим в конфиденциальных отношениях с горской элитой. В-четвёртых, он «был определен состоять для особых поручений при Главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцове», — то есть его служба проходила на глазах высшего военного командования на Кавказе, которое поощряло талантливого молодого офицера из хорошей семьи; в-пятых, женитьба на племяннице прославленного боевого генерала способствовала военной карьере, но были еще и храбрость, мужество, энергичность, умение нестандартно выполнять поставленные задачи. И наконец, здоровое честолюбие, которое ставило высокие цели в жизни и требовало их реализации. Лорис-Меликов был смел, умен, сообразителен, и был отмечен и другими видными военными и административными российскими руководителями на Кавказе: Н.Н. Муравьевым, Д.А. Милютиным, А.И. Барятинским.

После завершения Кавказской войны перед царским правительством встала исключительно сложная задача включения новых территорий в политико-административную структуру империи, что совпало с эпохой проведения буржуазных реформ в стране в целом.

Лучшие качества военного чиновника и администратора среднего звена проявились у Лорис-Меликова в Терской области, которую он возглавлял с 1863 г. по 1875 г. В то время Терская область включала земли Терского казачьего войска, северную часть территории Дагестана — Кумыкию, Чечню, Ингушетию, Северную Осетию, Кабарду и Балкарию. Назначение на эту должность требовало не столько способностей военного лидера и личной храбрости, сколько качеств политика, разбирающегося в тонкостях горского менталитета, дипломата, рачительного хозяина.

Обстановка в Терской области в начале 60-х гг. XIX в. была тревожной. Соседство русских поселенцев и терских казаков с многочисленными народами Северного Кавказа, особое экономическое и стратегическое положение края, наследие Кавказской войны — все это ставило перед администрацией серьезные проблемы по организации мирной жизни.

Мощные антифеодальные и антиколониальные восстания в Ингушетии, Чечне свидетельствовали о реальной опасности новых конфликтов. Осетию и Кабарду разрывали внутренние противоречия, связанные с нерешенностью земельных вопросов и социальных отношений.

От нового начальника области требовались одновременно твердость и такт, умение завоевать популярность населения и способность избегать втягивания в борьбу различных группировок внутри местных элит. Михаил Тариелович Лорис-Меликов этим требованиям соответствовал. Он стал, по мнению Д.Д. Данилова, частью огромной бюрократической машины, но не бездумным винтиком, а полномочным правителем [1].

Наиболее острыми проблемами для народов, проживающих в области, являлись: установление военной диктатуры и связанное с этим отсутствие демократических начал общественного самоуправления; неупорядоченность правовых отношений; разрушение устоявшегося уклада жизни и традиций; санкционированное правительством переселение горцев в Турцию.

В силу того, что начальник Терской области соединял в своем лице практически неограниченную власть на вверенной ему территории, роль личности данного должностного лица была очень велика.

В период управленческой деятельности Лорис-Меликова в Терской области начались не только основные интеграционные процессы, но и проводились реформы, приведшие к росту промышленного и сельскохозяйственного производства, развитию рыночных отношений в регионе. Здесь же, на Кавказе, оформляется «фирменный» политический стиль Лорис-Меликова. С одной стороны, он стремился обеспечить своей деятельности поддержку населения. С другой, — любые попытки посягательств на государственные интересы в том виде, как сам Лорис-Меликов их понимал, пресекались быстро и безжалостно.

Особое внимание Лорис уделял реформированию аграрных и социальных отношений народов Терека в 60-е годы XIX в., созданию новой системы налогообложения, введению новой системы судостроительства и судопроизводства. Данная программа, блестяще реализованная в Терской области, отражает политические и идеологические приоритеты её автора.

Необходимо было установить и строгий порядок, и в меру лояльные отношения с местным населением, проявлять уважение к чужим обычаям, традициям и нравам. И надо сказать, Лорис-Меликову это удавалось. Народ относился к нему благожелательно, что способствовало выполнению его требований. Во всяком случае, власти ценили его деятельность. В послужном списке генерала отмечено: «За усердие и труды, понесенные по народному правлению и по введению но-

вого порядка, со времени покорения Дагестана, награжден орденом Святого Владимира II степени с мечами» [2,1].

Лорис-Меликов акцентировал внимание на расширении самоуправления, привлечении выборных от общества к обсуждению законопроектов. На современном этапе именно этот выбор политической стратегии представляется наиболее действенным. Это была реальная попытка демократизации и оздоровления общественной жизни. Немаловажен и тот факт, что Лорис с особой щепетильностью и уважением относился к прессе, полагая, что она источник формирования общественного мнения, и ее необходимо использовать в нужном для правительства русле. При этом Михаил Тариелович выбирал наиболее эффективные способы воздействия, нежели силовое давление, поддерживал контакты с ведущими редакторами газет и журналов, советовался с публицистами.

За те двенадцать лет, что он занимал должность начальника Терской области — 1863-1875 гг., здесь были проведены масштабные преобразования, которые во многом изменили социально-экономический и административно-культурный облик области, способствовали стабилизации обстановки, подъему местной экономики и культуры.

Вникнув в суть болезненных кавказских проблем и желая смягчить их остроту, он пытался социальными мерами избавить южные пределы империи от очага внутренней нестабильности. Творчески выполняя поставленные правительством и наместником Кавказа задачи, он ликвидировал здесь элементы патриархального рабства и зависимых отношений, которые тормозили развитие края, создал новую систему управления, ввел юридически оформленные земельные отношения у плоскостных чеченцев, ингушей, кумыков, осетин, кабардинцев, балкарцев.

Проведение земельной реформы в области ускорило процесс социального освобождения, поскольку появилась реальная возможность отдельно расселить дворянскую элиту и крестьян, и, таким образом, создать условия для свободного проживания бывших зависимых и холопов. Лорис-Меликов тщательно контролировал ход преобразований в области. В случае возникновения осложнений, требующих его вмешательства, он немедленно выезжал на место для урегулирования конфликтных ситуаций.

Так, например, в ходе подготовки реформы по освобождению зависимых сословий в Кабарде начались волнения. Готовившаяся

реформа подрывала экономическое благосостояние представителей высшего сословия. Князья решили, что лучше переселиться в Турцию вместе с подвластными, чем терять своё имущество и права на зависимые сословия. Но в канцелярии Начальника области им было объявлено, что решение правительства «твёрдо и неизменно», а сам Лорис-Меликов на встрече с представителями князей заявил, что князья могут переселиться куда угодно, но их рабы и крестьяне останутся в России и будут свободны. Непреклонность и приверженность Лорис-Меликова государственным принципам стали слагаемыми мирного решения конфликта [3, 40].

Одновременно Лорис-Меликов и Начальник Кабардинского округа полковник А.А. Нурид предложили князьям, уоркам и таубиям принять личное участие в мероприятиях правительства и подготовить собственный проект по освобождению зависимых сословий. Владельцы приняли это предложение и уже 8 августа 1866 г. представили свой проект эмансипации зависимых сословий.

Одновременно была проведена административная реформа. 30 декабря 1869 г. Государственный совет России утвердил «Положение о Кубанской и Терской областях», в соответствии с которым Кабардинский округ был преобразован в Георгиевский, Осетинский — во Владикавказский, Кумыкский — в Хасавюртовский, а также созданы новые округа — Грозненский, Веденский и Кизлярский [4, 89].

Земельная, крестьянская, податная и административная реформы были осуществлены достаточно быстро. В этом немалая заслуга М.Т. Лорис-Меликова. Цель, которую преследовала российская администрация, — стабилизация обстановки, снижение напряжённости, ликвидация последствий Кавказской войны — была достигнута. За успешное проведение аграрно-крестьянской реформы Лорису 20 сентября 1867 г. было объявлено «именное монаршее благоволение» [5,14].

В 1869 г., то есть уже через 10 лет после пленения Шамиля, в крае были введены некоторые общероссийские органы управления и суда. Учреждённые суды были лучше приспособлены к новой обстановке в регионе. Однако действие новых судебных уставов было распространено только на русское население области. Для горского населения предусматривалось временное сохранение народных судов, учрежденных в 1858 г. В округах был введен окружной словесный суд под председательством начальника округа или его помощника. Вскоре осетины и кабардинцы высказались за введение у них россий-

ских судебных институтов вместо горских судов. 28 октября 1871 г. был создан мировой отдел Владикавказского окружного суда взамен упраздненного словесного, а прошение элиты Кабарды осталось без внимания. Реформе подверглись и низшие звенья судебной системы. В Кабарде, Балкарии, Осетии, плоскостной Чечне были учреждены аульные суды, а в горной Чечне — участковые.

Введение новой системы судопроизводства было, безусловно, положительным явлением, так как российское законодательство второй половины XIX в. в большей степени отвечало новым условиям жизни горцев, связанных с освобождением зависимых сословий и развитием товарно-денежных отношений.

Начали работать первые банки во Владикавказе, Кизляре, Георгиевске, Грозном. Обороты первых трёх банков в 1871 г. достигли 3-х млн рублей, из которых большая часть приходилась на Владикавказский банк. Было положено начало устройству поземельного банка, выдававшего кредиты для покупки земли и развития земледелия и скотоводства. В области создавалась транспортная сеть, связывавшая округа с участками и аулами, а также с центром области — Владикавказом. Огромное значение для дальнейшего экономического развития края имело строительство Владикавказской железной дороги, которая соединила Владикавказ с Ростовом-на-Дону. При Лорис-Меликове была проложена первая телеграфная линия [6, 24-25].

Наряду с развитием экономики края М.Т. Лорис-Меликов уделял огромное значение распространению грамотности в области. До 1863 г. здесь существовало лишь несколько училищ низшего разряда (во Владикавказе, Нальчике, Пятигорске, Кизляре, Моздоке), в которых обучалось несколько сот детей. Через шесть лет после назначения начальником Терской области он увеличил численность учащихся до 4 тысяч, из которых 53% принадлежало казачьему населению, 28% — городскому, 19% — горскому. Благодаря Лорис-Меликову Пятигорское уездное училище 1 января 1866 г. было преобразовано в классическую гимназию. В 1870 г. Владикавказская реальная прогимназия, где обучались 333 воспитанника, была «переименована» в гимназию. В 1871 г. на средства Владикавказа и пожертвования частных лиц, по предложению Лорис-Меликова, во Владикавказе было открыто Константиновское начальное училище. К этому времени во всех казачьих станицах и многих горских аулах были открыты школы.

Распространению грамотности среди горцев Лорис-Меликов уделял особое внимание, видя в этом средство укрепления российского

влияния в крае. Так, 14 февраля 1868 г. он лично присутствовал на открытии училища в Назрани. Во Владикавказе, Нальчике, Грозном открывались курсы по подготовке станичных и сельских учителей, предпринимались меры по развитию женского образования. В 1872 г. было расширено женское училище в станице Слепцовской; в 1873 г. открыто Александровское женское училище в Моздоке; Владикавказское женское Ольгинское училище было переименовано в гимназию. Численность учебных заведений возросла при Лорис-Меликове до 300 с лишним.

Заслугой Михаила Тариеловича является организация выпуска первой областной газеты в гор. Владикавказе — Терские ведомости. 18 мая 1867 г. начальник Кавказского Горского управления известил начальника Терской области, что «Его императорское высочество главнокомандующий армией изволил, согласно ходатайству Вашему, разрешить издавать «Терские ведомости», и доверяет цензурное наблюдение за изданием «под личную Вашу ответственность» [7]. Газета «Терские ведомости» начала выходить с 1 января 1868 г.

Лорис-Меликов полагал, что его деятельность на посту начальника Терской области должна обеспечить нормальные условия для мирного сосуществования русского населения и горцев Кавказа, которое приведет к сближению российского и горского социумов. Практически каждому крупному шагу Михаила Тариеловича предшествовали консультации с уважаемыми в среде горцев людьми и духовенством.

За свою деятельность по благоустройству Терской области Лорис-Меликов неоднократно награждался высшими правительственными наградами. В 1869 г. он был удостоен ордена Александра Невского, а в 1870г. Лорису были присвоены права генерал-губернатора по управлению Терской областью.

В период управления Терской областью М. Т. Лорис-Меликовым (1863-1875 гг.) царская администрация разрешила основные проблемы, стоявшие перед ней: налаживание мирной жизни и проведение реформ. Земельная, крестьянская, административная и судебная реформа были осуществлены в достаточно короткие для преобразований такого масштаба сроки — 10 — 12 лет. Цель, которую преследовала российская администрация, — стабилизация обстановки, снижение напряженности, ликвидация, в определенном смысле, последствий Кавказской войны — была достигнута.

Для реализации широкого комплекса преобразований требовались компетентные, проверенные люди. Михаил Тариелович Лорис-

Меликов этим требованиям соответствовал. Можно с уверенностью сказать, что путь М.Т. Лорис-Меликова к вершине власти в Российском государстве был долгим, но ярким, честным, самоотверженным.

В 1875 г. М.Т. Лорис-Меликов — заслуженный, добропорядочный чиновник, бережно относившийся к казенным деньгам, подал прошение об отставке с поста начальника Терской области по состоянию здоровья. За отличие по службе произведен в генералы от кавалерии с отчислением от занимаемых должностей и с назначением состоять при Его Императорском Высочестве великом князе Михаиле Николаевиче. Лорис, взяв отпуск, отправился на лечение за границу [8,6].

Прекрасный администратор, он сумел стабилизировать обстановку в Терской области после Кавказской войны, и даже добился ее относительного процветания. Яркая личность, не запятнавшая себя пороками своего времени, сочетающая в себе высокие моральные и духовные качества с реальными деяниями на пользу Отечества. Великий гражданин России, имя которого возвращается в нашу историю для того, чтобы занять в ней достойное место. Выдающийся государственный и военный деятель, который, находясь на ответственных постах, думал не о своем благе, а о благе страны.

Примечания

1. Данилов Д. Д. М.Т. Лорис-Меликов: карьера парадоксального диктатора // Вопросы истории. 1998. № 11-12.
2. ЦГА РСО-Алания. Ф.92. Оп.1, Д. 3.
3. Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Репринт. М., 1992. Вып. 1.
4. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995.
5. РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д.40.
6. Ибрагимова З.Х. Терская область под управлением М. Т. Лорис- Меликова. (1863-1875). Авторефер. канд. дисс. М., 1998.
7. Диктатор сердца // www.hayastan./Armvest/Jurna07//S.16.htm/.
8. ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 1.

БУЗАРОВА И.В
аспирант СОИГСИ

РЕДАКТОРЫ «ТЕРСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Газета — первое, старейшее средство массовой информации, созданное для информационного обслуживания общества или какой-то его части. До появления в России частной прессы «Ведомости» зачастую были единственной газетой в провинциальных городах, которая объединяла вокруг себя местную интеллигенцию. На страницах газет обсуждались вопросы развития региона, публиковались статьи по истории, географии, статистике, экономике края, содержавшие уникальный материал, собранный местными краеведами.

По обилию и ценности историко-этнографического материала, широте охвата вопросов истории, культуры и быта осетинского народа газета «Терские ведомости» не имеет себе равных. Она издавалась в течение столетия и печатала на своих страницах довольно уникальный материал краеведческого характера. «Терские ведомости» выходили во Владикавказе с 1868 по 1918 гг., сначала один раз в неделю, с 1884 г. — два раза, с 1892 г. — три раза, а с 1901 г. — пять раз в неделю [1, 3]. Газета состояла из двух отделов: официального, в котором помещались правительственные распоряжения, приказы начальства, сведения о должностных перемещениях и другие официальные сведения, и неофициального, где печатались местные известия, статьи по географии, истории, этнографии, криминальная хроника. В городских новостях содержалась информация о ярмарках, народных гуляниях, театральные заметки, практические советы, а также частные объявления и реклама [2, 16].

Авторы «Терских ведомостей», в число которых входили люди разных национальностей и религиозных воззрений, придавали слову особое значение. Для кавказской интеллигенции выступление в печати означало важный поступок, патриотичное дело. Уже тогда она видела в печати могучее средство развития культуры народа [2, 23].

За долгие годы много редакторов сменилось в «Терских ведомостях»: А.-Г. Кешев, Н. Л. Благовещенский, Е. Д. Максимов, И. Ф. Стефановский, А. П. Самойлов, П. А. Головинский, Г. А. Вертепов, Б. Л. Ширинкин, Г. П. Валаев, С. П. Гортинский. Каждый редактор приносил в «Терские ведомости» свои мысли и идеи, но направление всегда оставалось одно [3, 1].

Первый номер «Терских ведомостей» вышел 1 января 1868 г. Редактором был назначен коллежский асессор Адиль-Гирей Кешев (1837—1872). Он был одним из самых образованных людей края, талантливым публицистом и писателем, знатоком жизни горцев [4, 3]. Благодаря А.-Г. Кешеву и другим сотрудникам редакции определилось лицо газеты с ее отчетливым стремлением к публицистичности. Сообщая о типичных явлениях жизни края на языке сухих фактов и цифр, она уже в какой-то мере выполняла публицистические функции. Основной темой для своих публикаций редактор выбрал кавказскую действительность в российской научно-популярной литературе. До него о Кавказе писали лишь отдельные исследователи, но подчас их творчество страдало грубыми ошибками. Для того, чтобы развеять эти ложные представления, Кешев счел необходимым познакомить российского читателя с подлинными историей, бытом и фольклором кавказцев [2, 17-18]. Многие из опубликованных фольклорных и этнографических материалов впоследствии составили целые тома «Сборника сведений о кавказских горцах», а очерк Кешева «Из кабардинских (адыгских) преданий», впервые опубликованный в «Терских ведомостях», был включен в «Сборник сведений о Терской области», вышедший во Владикавказе в 1878 г [2, 19].

К чести газеты, основные вопросы, в числе которых были названы «нравы и обычаи горцев, изучение общественного и домашнего быта, языка и религиозных понятий», [5] «Терские ведомости» освещали довольно разносторонне. Публикации, касавшиеся аграрного вопроса, здравоохранения и судопроизводства, появлялись еженедельно. Авторами этих публикаций нередко были русские ученые — исследователи Кавказа или военные, по долгу службы находившиеся на Северном Кавказе десятки лет [2, 17].

Несомненный интерес представляет и тот факт, что в период работы А.-Г. Кешева редактором (1868—1871) в газете появились такие отделы, как «Библиография», где анализировалась современная научная и популярная литература о Кавказе; «Российские известия», где помещались материалы, перепечатанные из «Санкт-Петербургских

ведомостей» и «Северной пчелы» «Судебная хроника», содержащая репортажи о наиболее «громких» судебных делах. Постепенно сами читатели стали предлагать газете новые темы. Например, по предложению одного из читателей, газета в нескольких номерах печатала «Песни терских казаков» и стихи, написанные Терцем.

Много нового было намечено газетой и лично самим редактором, но большинству этих идей не суждено было сбыться. В 1872 г. в возрасте 32 лет скончался А.-Г.Кешев [2,20-21].

При сменивших его редакторах, вплоть до 1880 г., «Терские ведомости» существенно изменились только с приходом на должность редактора неофициальной части газеты Н.А. Благовещенского, чье имя в российских литературных кругах было хорошо известно, и газета вновь обрела свое лицо. В ноябре 1880 г. Н.А. Благовещенский возглавил редакцию газеты, а через год программа издания была уже несколько расширена. «Терские ведомости» стали более многоплановыми: наряду с обязательными правительственными материалами в газете появилась богатая и разнохарактерная информация как из столицы (путем перепечаток), так и с мест, часто из далеко расположенных от центра и труднодоступных полков. Позитивно сказалось на рейтинге газеты и то, что Н.А. Благовещенский, учитывая особенность горного земледелия, привлек к сотрудничеству профессионалов-агрономов, тем самым продолжив усилия Кешева, направленные на всестороннее развитие края. В «Терских ведомостях» появились статьи агротехнического содержания, и с 1884 г. она стала выходить два раза в неделю и вместо четырех занимала шесть полос. Газета обогатилась настолько разнообразной информацией, что вскоре была замечена столичной печатью. Современные исследователи справедливо указывают, что «по обилию и ценности историко-этнографического материала, широте охвата вопросов истории, культуры и быта осетинского народа газета «Терские ведомости» не имеет себе равных».

В этом, несомненно, есть и заслуга Н.А. Благовещенского. В 1889 г. Н.А.Благовещенского не стало. Его жизнь, с ее быстрым взлетом и резким падением, оборвалась неожиданно. Тысячи владикавказцев прощались с публицистом, «честнейшим служителем добра, правоты», как назвал его местный священник В.С. Лихачев [2,23-26].

Редакцию возглавил один из наиболее активных сотрудников газеты, знаток местной жизни, исследователь-экономист Е.Д. Максимов. Будучи членом правления Статистического комитета области, он вы-

ступал в «Терских ведомостях» как с научными, так и с публицистическими материалами, посвященными в основном теме приобщения горского населения к культуре России. Новому редактору предстояло приумножить и развить сделанное Н.А. Благовещенским, благодаря усилиям которого ведомости встали на уровень лучших российских губернских изданий. Сам редактор познакомил читателей со своими «Путевыми заметками об Осетии», в которых был затронут важный для судеб осетинского народа сословный вопрос, породивший много проблем. Главным в творчестве Е.Д. Максимова — журналиста были вопросы культуры и просвещения на Кавказе. Он анализировал их в контексте других, не менее важных для обсуждения в печати, проблем. Такой была и проблема разоружения местного населения — необходимость покончить с разбоями, грабежами и воровством в Терской области. Некоторые статьи, появившиеся в этой газете, так и назывались — «К вопросу о разоружении туземцев». По тому поводу Е.Д. Максимов нередко выступал и на страницах столичных журналов. 1 января 1892 г. газета добилась официального разрешения на выход три раза в неделю. В том же году программа издания была несколько расширена. Она состояла из следующих отделов: «1. Руководящие статьи. 2. Хроника: а) заключающая в себе известия, касающиеся интересов всего края; б) городские известия и происшествия; в) известия из области. 3. Сведения о ценах на хлеб в Ростове, Новороссийске и важных рынках Терской области. 4. Корреспонденции из разных мест области. 5. Материалы по всестороннему исследованию области. 6. Научный фельетон (исторический, статистико-экономический и т.п.). Фельетон научных новостей, путешествий и обыденной жизни. 7. Практические полезные сведения. 8. Телеграммы Северного агентства. 9. Смесь, мелкие заметки. 10. Справочные сведения и частные объявления» [2,26-28].

«Терские ведомости» нередко имели приложения:

1901-1905 — сельскохозяйственные;

1901-1905, 1907-1910, 1914-1916 — очередной газетный материал и телеграммы;

1906, 1912-1915 — списки лиц по выборам в Государственную и городскую думы;

1906-1907 — газета «Казачья неделя»;

1912 — «Сборник общества любителей казачьей старины»; 1912-1915 — списки убитых, раненых и без вести пропавших нижних чинов [6, 20].

Наиболее плодовитыми журналистами 1892 г. оказались сам редактор — Е.Д. Максимов, Г.А. Вертепов, более известный под псевдонимом В. Грабов, и Е.З. Баранов. С таким штатом сотрудников газета могла надеяться на успех, но в самом начале 1893 г. Е.Д. Максимов «перевелся на высшую должность в Петербург», после чего газету покинул и Е.З. Баранов, ставший ответственным секретарем газеты «Северный Кавказ». Для «Терских ведомостей» это были ощутимые потери. Временно обязанности редактора были возложены на П.Ф. Стефановского (1860—1896), секретаря Статистического комитета, редактора «Терского календаря» и «Терского сборника» — сборников научных исследований по фольклору и экономике Терской области. По-видимому, публицист и социолог П. Стефановский не мог уделять газете много внимания, и она стала терять облик периодического издания, еще совсем недавно заполнявшего информационную нишу в области. «Информационная» часть газеты стала иссыхать, а большие по объему публикации, подчас перепечатанные из названных выше сборников, не могли удовлетворять потребности местного общества. «Терские ведомости» становились все более похожими на научный журнал [2,29]. Цензурное ведомство все чаще беспокоило редакторов «Терских ведомостей». Особенную строгость оно выказало, когда в должность редактора вступил А.П. Самойлов, сразу сделавший резкий поворот, как он писал, «к объективному обсуждению вопросов народной местной жизни», что непосредственно «послужит поднятию вообще материального и нравственного уровня местного органа печати; стало быть, поможет проникнуть свету туда, где особенно темно...» [7,1]. А.П. Самойлов изменил политику газеты в сторону освещения местной жизни. Он старался, чтобы информация поступал из всех уголков области и договорился, чтобы статьи (порой весьма острые) писали учителя и священники станичных и сельских школ. Такая деятельность Самойлова не раз вызывала недовольство областного начальства и цензурного комитета. Редактору особенно доставалось за острые фельетоны. В результате в сентябре 1897 года «Терские ведомости» возглавил Григорий Абрамович Вертепов, личность, известная не только владикавказцам, но и всей Терской области. Его кипучая энергия, казалось, была безгранична. Не было, кажется, отрасли, которая не занимала бы его. Этнограф и историк, археолог и журналист, Вертепов был членом различных благотворительных обществ, руководил множеством общественных организаций, его трудами был создан Терский областной музей. При Вертепове «Терские

ведомости» стали содержательным и солидным изданием. Существенно улучшилась материальная база газеты, и в июне 1899 года редакция вместе с типографией переехала в новое здание, собственный дом на Сергиевской (ныне Тамаева) улице, где и оставалась до 1917 года. Оставив пост редактора, Григорий Абрамович продолжал сотрудничать с газетой. Личность многогранная и деятельная, он приложил много сил для процветания Терского казачества и Владикавказа. Вертепов сделал бы еще больше, но, к сожалению, весной 1919 года умер от тифа.

Весной 1917 года редакция «Терских ведомостей» во главе с С.П. Гортинским намечала, как будет праздноваться 50-летний юбилей газеты, но случиться этому было не суждено. После февральской революции, со 2 мая 1917 года, газета была переименована в «Терский вестник», последний номер которого вышел 31 декабря 1917 года. В этом номере С.П. Гортинский опубликовал самое печальное в жизни газеты сообщение: «За отсутствием бумаги газета «Терский вестник» 1 января 1918 года выход прекращает». Так, на пороге своего юбилея прекратила свое существование газета, долгие годы дарившая читателям свежие новости [3,1].

Все, что делалось в Осетии и в области, всегда предварительно обсуждалось в газете. Немало идей и планов, осуществленных впоследствии, получили свой первый импульс от газетных публикаций «Терских ведомостей», «Терские ведомости» сыграли серьезную роль в освещении таких важных вопросов экономической, общественно-политической и культурной жизни Терской области, как развитие капитализма, переселенческий вопрос, распространение просветительских идей и многие другие.

Характерно, что, о чем бы ни писала газета — будь то проблемы сельского хозяйства, железнодорожного строительства, развития промышленности, здравоохранения, просвещения, — в ней всегда присутствовал критический взгляд на их современное состояние и будущее, на роль в экономическом и культурном развитии края. В этом — просветительская миссия «Терских ведомостей». Открывая свою неофициальную часть страницами, посвященными исключительно кавказоведению, газета содействовала не только экономическому и культурному росту регионов, но и расширению познаний о нем в мировой науке, исправлению многих ошибок в известных трудах европейских ученых — кавказоведов, более близкому знакомству российского общества с жизнью и культурой народов Кавказа. Эти

статьи служили первоисточником и для позднейших исследований, многие из которых не утратили своего значения и по сей день, содержат богатые, а подчас уникальные сведения. Особенно ценно, что сотрудников газеты интересовало не только историческое прошлое Терской области, но и насущные современные вопросы. Газета поддерживала любую инициативу общества в популяризации знаний; ее позиция консолидировала усилия ученых как среди русских, так и местных интеллигентов, стремившихся пробудить в среде коренного населения интерес к жизни и культуре всей России [2, 32-34].

«Терские ведомости» просуществовали дольше всех других периодических изданий: с 1868 по 1917 гг. До сих пор — это самый богатый историко — этнографический источник. Без обилия сведений о прошлом Осетии, которые можно в них почерпнуть, трудно изучать тот или иной аспект истории, этнографии, фольклора, литературы и языка осетинского народа. Заслугой «Терских ведомостей» является и то, что их редакция впервые образовала корреспондентскую сеть, состоявшую из представителей коренного населения Осетии, благодаря чему сообщения приходили из дальних сел и аулов.

Примечания

1. Чибириков Л.А. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т.3. Орджоникидзе, 1987.
2. Таказов В.Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (2 половина XIX — начало XX). СПб.: Издательство СПбГУ, 1998.
3. Киреев Ф. Из истории «Терских ведомостей»// Терские ведомости. Владикавказ, 2011.
4. Хашхожева Р.Х. Кешев Адыль-Герей. Избранные произведения. Нальчик, 1976.
5. Терские ведомости. 1868. №1.
6. Хоружев Ю.В. История в печатной строке. Владикавказ. 2003.
7. Самойлов А. От редакции //Терские ведомости. 1896. №1.

НИКАЕВ Х.Р.
маг., КБГУ, г. Нальчик

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Прошлое доходит до нас в определенных формах в исторических источниках, которые являются продуктом деятельности людей. Любой источник субъективен, ибо отражает прошлое в форме индивидуальных образов. Но вместе с тем он представляет собой форму отражения объективного мира, эпох, стран и народов, их бытие на том или ином этапе истории. В этом смысле исторические источники могут рассматриваться как основа познания исторической действительности, дающие возможность реконструировать события и явления социальной жизни прошлого. Но специфика исторических источников такова, что необходимость их научной критики, анализа, извлечения истинной и определения ложной информации вполне очевидна.

Подлинность источника не гарантирует его достоверность. Часто извлеченные из него сведения неточны и ошибочны. Иногда причины искажения информации очевидны — достаточно, например, задуматься о том, в какой мере был осведомлен автор об описываемых им событиях или какие личные интересы преследовал, участвуя в них. Важно представлять обстоятельства появления источника, личные, политические, сословные, религиозные, партийные пристрастия его создателя. Всё это важно для установления истины, без этого не пробиться к объективной основе сообщений источника о событиях. Историю невозможно изучать без исторических источников, которые являются основой любого исторического исследования. Они несут информацию о людях и том времени, когда были созданы. Её надо не только извлечь, но и критически оценить, правильно интерпретировать.

Вопрос о дефиниции «исторический источник» является дискус-

сионным. Так, известный учёный конца XIX — начала XX века А.С. Лаппо-Данилевский считал, что исторический источник—это «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [1]. И.Д. Ковальченко относил «к историческим источникам всё то, что связано с историей природы и человеческого общества» [2,3]. Но доминирующим в начале XXI века стало мнение И.Н. Данилевского, согласно которому исторический источник—«это всё, откуда можно получить информацию о развитии общества» [3,9].

Особой формой исторического источника является периодическая печать, представляющая собой зеркало общества. Периодика неоднократно становилась предметом научного изучения, поскольку она отражает основные вопросы жизни общества, такие как общественно-политическая обстановка, социально-экономические отношения, культура, быт и т.д.

Таким образом, периодическая печать — это «мощные средства информации, и в то же время они являются средствами организации общественного сознания, воздействия на мнения и настроения общества в целом, отдельных его классов, социальных слоёв и групп» [2,326]. Подобной точки зрения придерживаются и современные учёные, которые отмечают, что периодическая печать — это «вид исторических источников, представленный долговременными изданиями периодического характера, функциями которых являются организация (структурирование) общественного мнения, осуществление идеологического воздействия государства, информационное обслуживание экономической деятельности в сфере частного предпринимательства, установление обратной связи в системе управления» [3,452].

Тем самым важно отметить, что, несмотря на имеющиеся место различия в подходе к изучению данного вопроса в советской и постсоветской историографии, определение термина «периодическая печать» по сути не претерпело больших модификаций.

Периодическая печать, как столичная, так и провинциальная, развивалась в соответствии с закономерностями, обусловленными общественно-политическими, экономическими и культурными условиями в России, а во-вторых, провинциальная журналистика, в том числе каждой провинции в отдельности, «обладала спецификой, которая, не снимая общих закономерностей существования прессы, требует учёта в периодизации её истории» [3,452].

Наиболее распространенным видом периодики по праву считается газета. Достаточно обоснованным является определение ежедневного или еженедельного органа печати, содержащееся в словаре Брокгауза и Ефрона: «Под именем газеты разумеется периодически выходящее произведение печати, в котором сообщаются и обобщаются текущие события и новости из области политической, общественной, религиозной, экономической, научной и художественной и т.д. Основным признаком, отличающим газету от других видов печатных произведений, является регулярная периодичность их появления, колеблющаяся между одним днём... и одной неделей. Периодические издания, выходящие в более редкие промежутки времени, обыкновенно обозначаются терминами журнал, обозрение, сборник» [4,791]. Современные словари в целом не противоречат данной формулировке [5].

Во второй половине XIX в. сложилось три вида печати:

1. «Толстые» журналы: «Вестник Европы»; «Сын Отечества»; «Русский вестник»; «Русская старина»; «Современник»; «Отечественные записки»; «Дело»; «Кавказский вестник» и др.

2. Повременные издания научных обществ: «СССК»; «ССКГ»; «СМОМПК» и др. [6].

3. а) официальные газеты: «Ставропольские губернские ведомости»; «Донские войсковые ведомости»; «Терские ведомости»; «Кубанские областные ведомости» и др.

б) частные газеты: «Терек»; «Новое обозрение»; «Казбек» и др.

Во второй половине XIX века окончательно оформляется тип «толстого» ежемесячного общественно-политического и литературно-художественного журнала с постоянным литературным, а также научным отделом, где читатель находит «беллетристику, статьи научного содержания, по преимуществу по историческим и общественным вопросам». Обязательной структурной частью «толстого» журнала были отделы: «внутренняя и иностранная хроника», «Библиография», «Художественное обозрение», «Смесь» [2,282], отражавшая различные стороны экономической, общественной и культурной жизни страны.

Универсальность и разносторонность тематики журналов, носивших общероссийский характер, привлекал и к ним широкий круг провинциальных читателей и наиболее значительные литературные силы. Среди авторов этих журналов мы видим крупных писателей, учёных, выдающихся деятелей культуры и искусства, композиторов, художников, деятелей народного образования [2,283].

Второй вид представлен учёными трудами различных обществ и научных учреждений, формально именуемых периодическими. По своему характеру эти издания ближе к сборникам и альманахам, нежели к журналам и газетам. Однако нужно отметить, что их выпуск не отличался регулярностью, они выходили «время от времени, по мере накопления материалов» [2,244]. Тираж подобных изданий был ограниченным, по сравнению с газетами и журналами и не превышал 1000 экземпляров.

Официальные издания, подобно «Ставропольским губернским ведомостям», состояли из двух частей: официальной и неофициальной. Содержание официальной части в основном составляли «распоряжения губернского правления и начальника губернии, выговоры и награды чиновникам, перемещения их по службе; сметы и раскладки повинностей и сборов; объявления о судебных делах и неудовлетворённых прошениях, о беглых и бродягах, мёртвых телах и утерянных документах; сообщения об эпидемиях, налётах саранчи и других бедствиях» [7,152]. Даже скудные сведения о прошлом или настоящем региона дают современному исследователю ценную фактическую информацию по истории хозяйства, административного управления, особенностях быта, традиций, норм права и др.

В неофициальной части, которая представляет для нас гораздо больший научный интерес, помещались «известия о чрезвычайных происшествиях в губернии, о фабриках и заводах, промыслах, торговле, ярмарках и рыночных делах, о способах улучшения сельского хозяйства и состоянии урожаев, о путях сообщения, о метеорологических наблюдениях и необычайных явлениях природы, об открытии в губернии новых учебных заведений и др.» [7,153]. Довольно часто «Ставропольские губернские ведомости», как и иные издания, перепечатывали из центральных газет и ведомостей других губерний различные сведения по медицине, внешней политике, внутреннему управлению.

В то же время во второй половине XIX в. стали появляться частные газеты, которые имели весьма неустойчивый статус. Но уже в 70-е годы XIX в. они упрочили своё положение в системе местной печати, прежде всего количественно. Однако отношение правительства и цензуры к частным газетам на всём этапе их существования «не изменилось, и они чаще, чем официальные, подвергались гонениям» [7,148].

Частные печатные издания по сравнению с официальными, отличались недолговечностью, что было связано с целым рядом причин.

Например, недостаточное финансирование, в отличие от правительственной печати, которая активно развивалась на территории Российской Империи. Помимо этого довольно часто подобные повременные издания закрывались либо по причине цензуры, либо от разорения.

Периодическая печать как «источник напрямую зависит от породившей его социальной действительности. Одна из задач источниковедения — познать источник как явление общественной жизни, как исторический факт [8,19].

Повременная печать как вид исторических источников обладает особенностями формы и содержания. Они обусловлены её практическим назначением в жизни общества. То, что потом стало исторической информацией, зафиксированной в исторических источниках, первоначально являлось информацией, необходимой для удовлетворения практических нужд [1]. Назначение периодики — воздействовать посредством информации на мнение как отдельных людей, так и общества в целом. Раскрыв общие свойства этой информации, можно выяснить характер и значение данного источника. Периодическая печать стала качественно новым источником для второй половины XIX в., когда в российских регионах как следствие общего экономического развития сложились условия для её возникновения.

Именно поэтому «газетная и журнальная периодика характеризуется с точки зрения их участия в собственно научном уровне развития исторической науки, исторической мысли и исторического знания в их естественной неделимости, образующей вариативные сочетания на уровне функционирования в индивидуальном сознании, а также в ходе перевоплощения (материализации) в некий новый «текст-источник» (газетную, журнальную, книжную публикацию по истории, авторскую и документальную)» [9,8]. Изучение газет невозможно без их детального исследования, так как зависимость содержащихся в них материалов от характера издания, в котором они помещены, очевидна. Поэтому на первом этапе работы необходимо составить представление, о каждом органе в целом (издатели и редакторы, периодичность, основные читатели, формат, внутренняя структура, направление, стоимость номера, подписки и т.д.), о том месте, которое занял в нем интересующий нас вопрос.

Без знания причин, «вызвавших к жизни данный источник и соответственно отразившихся в его содержании, понять и истолковать содержание источника невозможно» [1]. Так, в периодической печати

востребовано то, что обладает новизной, или то, чему приходится завоёвывать себе место среди массы существующих аналогов.

Большое значение в этом плане имеет вопрос об авторе (писателе, журналисте). Знание автора и времени появления публикации помогает уточнить конкретные причины возникновения данного материала. Систематизация публикаций по авторам (сферам жизни и конкретным именам и изданиям) — эффективный метод для выявления закономерностей, тенденций исторического развития, которые в ней отразились [1].

Периодическая печать должна быть подвергнута как текстологическому (установление автора, времени и места создания текста, его прочтения), так и палеографическому (изучение шрифтового начертания) анализу. Текстологическое и палеографическое изучение — основная часть внешней критики источников. Текстологическое прочтение отличается от палеографического. Прочитать текст текстологически — это значит понять его [8,67]. Надо попытаться понять, что хотел сказать автор, почему он именно так выразился.

Прочтение текстов повременной дореволюционной печати не встречает особых затруднений. Но все же следует учитывать:

- а) специфику терминологии, используемой в ней (устаревшие понятия, различного рода термины);
- б) большое количество анонимных публикаций;
- в) наличие постоянных рубрик, разделов;
- г) возможные опечатки и др.;

Одним из важных компонентов определения адресата того или иного материала (статьи), кроме её содержания — мог быть характер газеты, в которой она была помещена. Ибо каждое издание имело определённую читательскую аудиторию.

Как и другие письменные источники, периодическая печать подвергается внешней и внутренней критике. Под внутренней критикой понимается истолкование, интерпретация содержания, установление степени достоверности, полноты, научной значимости источника. Ведь следует учитывать, что в задачу источниковедческого исследования входит выявление информативных возможностей источника и оценка заложенной в нём информации, а не получение исторических фактов само по себе [10,30-31].

Нельзя судить о достоверности исторического источника исходя только из его видовой принадлежности. В источниковедении прочно утвердилось мнение, что «проблема достоверности видовым разли-

чем решена быть не может, источниковедческая ценность памятника определяется целой суммой признаков, среди которых вид лишь один и к тому же не самый главный» [2,13]. Степень достоверности источника должна определяться конкретно в каждом отдельном случае. «Нельзя делить источники по сортам» [8,76]. Любой источник отражает историческую реальность особым, присущим только ему способом. Поэтому методика его изучения должна основываться на понимании этого способа. Как справедливо отметила А.А. Сальникова, «источник может содержать и достоверные и недостоверные сведения по разным вопросам ... Одна и та же информация может быть и достоверной и недостоверной в зависимости от ... аспекта исследования» [11,76].

Периодическая печать не исключение. Хотя особенности жанра определенно сказываются на качестве (ценность, достоверность, возможность проверки) отдельных текстов-источников. Важно понять принципы отражения и воплощения реальной действительности в источнике. Достоверность повременной печати в определенной степени контролируется действительностью. С.Н. Быковский в своей методике исторического исследования среди условий, снижающих вероятность искажения информации источника, назвал возможность её перепроверки с помощью параллельных, одновременных свидетельств [12,77].

Основной метод определения степени достоверности и полноты сведений периодики, выяснение соотношения её информации с реальностью — применение сопоставительного анализа. Метод сопоставления и взаимопроверки однотипных, но не одинаковых данных различных источников является одним из наиболее надёжных способов извлечения достоверной информации. При этом не следует забывать, что «достоверность» источника — понятие достаточно условное.

Представительность и массовость повременной печати позволяют отнести её к массовым источникам. Массовые источники «не обязательно должны быть составлены при ординарных обстоятельствах и по строгому формуляру, но должны содержать характеристику одних и тех же массовых объектов по повторяющимся признакам, должны отличаться однородностью информации с точки зрения объекта» [13,22]. При изучении большой совокупности массовых данных целесообразно использование выборочного метода.

Таким образом, специфика периодической печати как исторического источника заключается в том, что она ярче других источников

соединяет в себе типическое и индивидуальное. С одной стороны, многие материалы печати (статьи, рецензии, памфлеты и т.д. — Авт.) необычны, индивидуальны, с другой — являются отражением общего, повторяющегося. С этим связаны особенности методики изучения периодики — возможности применения как описательных, так и статистических методов. Однако вряд ли возможно создание методики, учитывающей все случаи, с которыми приходится сталкиваться в ходе изучения конкретного материала.

Примечания

1. Цит. по: Медушевская О.М. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. Режим доступа: <http://www.avorhist.ru/publish/istved0.html>
2. Источниковедение истории СССР. Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981.
3. Данилевский И.Н., Кабанов В.В. Источниковедение. М., 2004.
4. Газета // Энци. словарь / Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. СПб. 1891.Т.7а. СПб.,1914.
5. Толковый словарь русского языка в 4-х т. / Под ред. Д.Н.Ушакова. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>; Ожегов С.И. Словарь русского языка. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>.
6. СССР — Сборник сведений о Северном Кавказе; ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах; СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
7. Орудина Л.Т. Дореволюционная периодика Ставрополья и её библиография // Публицистика Дона и Северного Кавказа / Под ред. А.И. Станько. Ростов-на-Дону, 1979.
8. Галанин С.Ф. Газетная реклама как исторический источник: По материалам Казанских газет второй половины XIX века: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 1999.
9. Мохначёва М.П. Указ. соч.
10. Пронштейн А.П., Лубский А.В. Методологические проблемы источниковедения в современной советской литературе // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. М., 1979.
11. Сальникова А.А. Проблема достоверности источников по истории Великого Октября в американской немарксистской историографии // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991.
12. Быковский С.Н. Методика исторического исследования. Л., 1931.
13. Воронкова С.В. Проблемы источниковедения истории России периода капитализма. (Итоги и задачи изучения). М., 1985.

ХАЧИРОВ С.С.
аспирант СОГУ

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Физическая культура как сфера социальной деятельности, направленной на укрепление здоровья и развитие физических способностей человека, и спорт как система организации и проведения соревнований, максимально раскрывающих физические и интеллектуальные возможности человека, издавна играли видную роль в обществе.

С древнейших времён национальные физические упражнения, игры и единоборства спортивного характера (метание, плавание, бег, стрельба из лука, борьба, кулачный бой, верховая езда и т. п.) использовались народами, населявшими современную территорию России, в целях физического воспитания подрастающих поколений, подготовки их к труду и военной службе [1]. Не была исключением и Северная Осетия, всегда отличающаяся отменной физической подготовкой своей молодёжи.

Цель статьи заключается в том, чтобы реконструировать процесс формирования физкультурно-спортивного движения в первые годы Советской власти и определить степень его воздействия на молодёжь.

Начиная с 1923 года, в прессе появляются статьи, целью которых было задать тон спортивной работе в ГАССР, направить её в организованное русло. Популяризирующие здоровый образ жизни, статьи отмечали те блага, которые спорт может дать населению, приводились примеры спортивной жизни других стран, комментировались их успехи и неудачи: «После войны 19 века производственные способности Франции, не заботившейся о физическом воспитании своих трудящихся, значительно понизились. В Германии же, где почти каждый рабочий состоит членом спортивного или гимнастического клуба, мы видим огромную работоспособность, помогшую герман-

ской нации после версальского грабежа восстановить промышленность в очень короткое время» [2]. Как мы видим, автор довольно смело рассуждает о взаимосвязи физического воспитания и производительности труда, отводя физкультуре очень важную роль.

В Стране Советов спорт и физкультура использовались также для привлечения молодёжи в свои организации, ведь спортсмены — это, как правило, целеустремлённые, наделённые силой воли и обладающие лидерскими качествами люди. Все эти качества были необходимы молодому государству для построения «жизни по-новому», для восстановления разрушенного хозяйства. «...(спорт) является могучим орудием не только в деле физического оздоровления пролетариата, но и в борьбе с мелкобуржуазными влияниями. Он привлечёт к профсоюзам всю пролетарскую молодёжь, ещё не втянутую в производство, разовьёт в ней трудовые навыки и сблизит с интересами фабрично-заводского пролетариата» [2].

В 1920 году были созданы Единый Владикавказский военно-спортивный центр им. Н.И. Подвойского и гарнизонный клуб им. Я.М. Свердлова. Возобновили работу клубы «Унитас», «Маккаби» и «Сокол». Помимо учебной работы, они организуют спортивные соревнования по гимнастике, штанге, лёгкой атлетике, велоспорту, играм. Так, в 1920 году велосекция клуба «Унитас» провела первенство города, учредив почётное звание «Чемпион нарукавного знака города Владикавказа» [3, 83-84].

Особое место в структуре повседневной жизни до революционного Владикавказа занимало общество «Трэк». Здесь проходили почти все городские спортивные соревнования. После революции «Трэк» не потерял своего назначения, оставаясь спортивно-культурным центром Северной Осетии. В 1920 году городской Ревком своим постановлением передал городской сад-парк «Трэк» в ведение городского земельного отдела, за которым закреплялось и административно-хозяйственное управление «Трэком» [4].

Однако на «Трэк» претендовали также и военные. В середине июля того же года управление Терского территориального полка обратилось вторично в Горревком с ходатайством о предоставлении им сада-парка «Трэк» для организации Красного Спортивного клуба, имеющего целью допризывную подготовку и физическое развитие рабочей и учащейся молодёжи. Коллегия горревкома, приняв во внимание высокие государственные задачи, которые поставил перед собой Красный Спортивный клуб, решила предыдущие постановле-

ния отменить в пользу полкового округа [5]. Уже 8 августа на «Трэке» начальником и комиссаром управления Терского территориального полкового округа Калмыковым торжественно был открыт Центральный областной спортивный клуб, куда приглашалось всё трудовое население города Владикавказа [6].

Через некоторое время в прессу просачиваются недовольные отклики граждан, обеспокоенных царившим в парке запустением: «В былое время «Трэк» открывался официально с 1 апреля. К этому времени все работы по благоустройству парка заканчивались. Если в прошлом году «Трэк» — это «краса и гордость» Владикавказа, — представлял мерзость запустения, то теперь его оставлять в том же положении ни в коем случае не следует...» [7].

Столь пристальное внимание, уделяемое саду-парку «Трэк», объясняется тем, что практически все массовые спортивные соревнования, проводимые в ГАССР, брали своё начало именно здесь. И не только соревнования, но также тренировки спортсменов и физкультурников разных возрастных категорий.

Стоит заметить, что меры по благоустройству «Трэка» были проведены лишь к началу открытия сезона в 1924 году [8].

Самой популярной спортивной игрой в Северной Осетии был футбол. Еще в 1912 году по инициативе группы местной молодёжи на артиллерийском манеже впервые состоялся футбольный матч. Позже футбольные матчи стали устраиваться за плату, в пользу различных обществ [9,169].

Во время первой мировой и последовавшей за ней гражданской войны спортивная жизнь Осетии замерла, но уже в 1920 году сборная команда Владикавказа по футболу играет с командой г. Грозного, выигрывая со счётом 2:0, однако проигрывает сборной г. Георгиевска со счётом 0:3.

В последующие годы футбольные матчи в Северной Осетии проходили с завидной частотой; играли между собой в основном заводские команды, а также коллективы, представляющие армию, и спортивные клубы. Играли обычно либо на «Трэке», либо на различных армейских плацах, в чём, несомненно, было мало удовольствия. Играть на жёстком покрытии опасно, и зачастую игроки получали травмы. Практически все корреспонденты того времени, описывающие ход событий футбольных матчей, отмечали грубую игру соперников: «...неудача значительно повлияла на игру грозненцев и их игроки позволяли себе грубые выходы и нетактичную игру» [10], «под конец

игра велась страшно грубо с обеих сторон, (по почину железнодорожников), что является большим недостатком игры» [11]. Но самым вопиющим случаем стал эпизод, описанный в газете «Власть Труда» от 2 октября 1924 г.: «Судья Котц провёл игру самым скверным образом, благодаря чему игра моментами превращалась в костоломку. Одному из игроков даже пришлось применить искусственное дыхание» [12]. Негодование автора статьи судьейством не было единичным случаем, практически каждая игра заканчивалась недовольством работой арбитра. Очень хорошо обнажила проблемы местного футбола статья некоего «Буки»: «... прошла весна, прошло лето, а восемь футбольных команд играют безо всякого календарного плана, по инициативе отдельных игроков, когда придётся и с кем придётся. «Беспризорные» игроки переходят из одной команды в другую, как только им заблагорассудится... частенько можно слышать первосортную ругань и угрозы «набить ряшку»» [13].

Уже через два месяца после выхода данной статьи чаяния и пожелания автора претворились в жизнь. 30 ноября 1924 года было проведено организационное собрание любителей футбола г. Владикавказа. Собрание единогласно высказалось за немедленное создание Лиги. В оргбюро избраны: Слободской (председатель), Хачатуров (секретарь) и Игнатъев. Принято «Положение о Лиге», переданное на утверждение в Губсовфизкульт.

В 1924 году поднимается вопрос о постройке стадиона, в котором была большая потребность: «...следует задуматься каждому из нас, в особенности красной молодёжи г. Владикавказа над этим вопросом...» [11].

Несмотря на множество проблем и неорганизованность футбола в Республике, всё же футбольные матчи были самыми популярными у публики. Основу болельщиков, посещавших футбольные матчи, составляла молодёжь: «Несмотря на хмурую погоду присутствовало много городской публики, преимущественно молодёжи» [10]. Зачастую футбольные матчи проходили в торжественной обстановке и преподносились как праздник: «Два оркестра музыки, игравшие во время матча, собрали много публики, с большим интересом следившей за ходом игры...» — и в конце статьи автор замечает: «футбол становится самым популярным видом спорта» [14].

Помимо футбола большой популярностью в республике пользовался велосипедный спорт. «Трэк» был оборудован велодромом, и там периодически проводились соревнования, также немало сорев-

нований было проведено на ипподроме. Но и этот вид спорта, как и футбол, был слабо организован: «... взяли наконец судьёй т. Бауэра, дали ему в руки часы, бумагу, карандаш и гонки начались. О том безобразии, что там творилось, не стоит почти и говорить, — это знают (те), кто был (там), и, наверное, возможные хихикающие рассказали в понедельник всему городу» [15].

Если в начале 20-х годов в республике были распространены гонки трековые, то с 1924 года всё больше велосипедистов из Северной Осетии выезжали за её пределы на соревнования в Ростов-на-Дону, в Тбилиси и другие города региона. «Велопробеги» и «велопрогулки» — эти слова всё чаще и чаще появляются в прессе тех лет.

Из интеллектуальных видов спорта лучше всего дело обстояло с шахматами, хотя и здесь были свои организационные трудности. С каждым годом во Владикавказе росло число шахматных кружков. Самыми сильными в городе считались кружки при Наркомфине и Хлебопродукте, между которыми летом 1924 года состоялся впервые матч. Победу отпраздновали «финансисты». Помимо звания сильнейшего кружка города, по условиям встречи проигравший выплачивал победителю три рубля [10]. Место проведения шахматных баталий не было определено, турниры и встречи проводились то в зданиях кружков, то на «Трэке». Здания, специально предназначенного для игры, не было.

При наличии множества кружков городу явственно не хватало шахматной секции, «... без которой немислима организация общегородского турнира и посылка делегатов на ожидающийся в Москве Всесоюзный съезд» [10]. Скептический настрой автора статьи оправдал себя лишь наполовину, делегаты не смогли выехать в Москву из-за отсутствия средств, но общегородской турнир всё же состоялся. Было заявлено 45 участников, однако каждый день приходили новые люди, изъявлявшие желание принять в нём участие. После окончания турнира все игроки на основании результатов были разбиты по категориям, и тогда состоялся финальный турнир с присуждением победителю звания чемпиона города Владикавказа.

Кружки испытывали серьёзные материальные проблемы. Денег не было даже на спортивный инвентарь, необходимый для игры. Так, каждое объявление о приглашении на турнир заканчивалось всегда одинаково: «Желательно чтобы играющие принесли свои доски» [16]. Но, несмотря на трудности, популярность шахмат в Республике неуклонно росла: «Ощущается сильная потребность в литературе

(шахматной), для получения какой-либо надо провести коллективную подписку» [17].

Как и в других видах спорта, главным «спарринг-партнёром» местных шахматистов были спортсмены г. Грозного. Так, 13 июля 1924 года в помещении Наркомфина состоялась матчевая встреча между представителями этих городов. Владикавказ был представлен Бельчинским и Котляром. Итоговый счёт матча 2:2 — ничья.

Большое оживление в шахматной жизни Владикавказа произошло с приездом именитых шахматистов из Ленинграда и Москвы. Так, в том же двадцать четвёртом году в республику приехал ленинградский композитор, пианист и шахматист Ю.И. Тюлин. В свободное от выступлений на сцене время он давал сеансы одновременной игры местным любителям шахмат. И хотя результат сеанса трудно назвать удовлетворительным, всего два очка из тринадцати, всё же эти встречи трудно переоценить. Они, как индикатор, выявляли уровень северо-осетинских спортсменов.

Большой интерес у всех возрастных категорий вызывало плавание. Этот вид спорта, как известно, считается одним из самых полезных для оздоровления организма. Вот как описывает утренний «Трэк» современник: «Каждый день к 7 часам на «Трэке» собираются члены «Унитаса». Взрослые, малыши торопятся на купанье, урок плавания до 8 часов. Большой пруд дрожит от сотен рук, взметающих сверкающие на солнце брызги. Опытные пловцы, легко рассекая воду, тренируются к состязаниям» [18]. Но так продолжалось только в тёплые месяцы года. К сожалению, в республике не было крытых общедоступных бассейнов. А это значило, что в зимний период работа не велась.

Одной из главных проблем спортивной жизни Северной Осетии в начале 20-х годов была равномерность распределения спортивных мероприятий на протяжении всего года. Официально «Трэк» закрывался в конце октября, а открывался в начале апреля, это значило, что долгие пять месяцев соревнования не проводились: «Чувствуется, что красный спорт оживает с наступлением лета, работа начинается с ранней весны» [19]. В различных видах спорта эта проблема решалась по-разному. Например, к 1925 году велосипедисты ячейки им. Ленина по инициативе Волынчика смастерили велотренажёр, который вполне отвечал всем требованиям езды [20].

Наряду с проблемой неполноценного сезона, у северо-осетинских спортсменов и физкультурников двадцатых годов, было ещё

одно препятствие на пути к совершенствованию в виде нехватки инструкторов и их компетенции. Вот что писал по этому поводу один из членов ячейки РЛКСМ «Кавцинк»: «Ячейкой нашей был организован спорт-кружок, состоящий из двух групп (мужская и женская). В общих группах насчитывается человек сто. Цифра солидная. Комсомольцы и девушки очень интересуются занятиями. Инструкторов женской и мужской группы выбрали из своей среды. Но ребята не слушают инструкторов, их нужно ещё самих учить [21]». Вторит ему член спортивного клуба при Всевобуче, подписавшийся «Спортсменом»: «Всюду и везде спортклубы служат предметом особого внимания не только партийных организаций, но и настоящей публики. К сожалению, у нас спортклуб при Всевобуче лишён почти всякой заботы. Нет солидных руководителей, учителей гимнастики, фехтования и других упражнений» [22].

Оживление в спортивную жизнь республики вносили ежегодно проводимые «Недели физкультуры». Основной целью «Недель» была агитация о значимости спорта. В период «Недель» проводились состязания по всем видам спорта и митинги, главным лозунгом которых был лозунг: «Красный спорт должен быть прежде всего «красным»» [23]. Советские функционеры от спорта заботились о том, чтобы процентный состав рабочей молодёжи в спорте приблизить к максимальным показателям.

Стоит отметить тот факт, что в сельской местности Северной Осетии в 20-е годы спортивная жизнь практически отсутствовала, а в городе не все районы охвачены физкультурным движением; так, на «Владимирской» и «Молоканской» слободках слабо была поставлена спортивная работа [24]. Вот что писал некто Г. Гацоев о ситуации: «Владимирская слободка — почти одна восьмая часть нашего Владикавказа — и там нет ни одного культурно-просветительного учреждения, кроме одной школы 1-й ступени» [25]. Естественно, именно здесь, на окраинах Владикавказа степень воздействия спорта и физкультуры на молодёжь была неудовлетворительной. Молодёжи просто некуда было пойти, нечем заняться: «Соберутся ребята и девчата у кого-нибудь «развлечься» и развлекаются песнями, гармоникой или музыкой, а главное аракой и об этом вспоминают с отвращением, но... идти некуда и опять вечеринка» [26]. Неудивительно, что эти районы были самыми «хулиганскими» в городе.

Несмотря на неорганизованность спортивного движения и многочисленные проблемы, в целом государство добилось значительных

успехов в становлении спорта в республике. Большая масса молодёжи была задействована в спорте и физкультуре, что являлось предпосылкой для дальнейшего развития спорта в регионе. Полученные результаты в деле физкультуры и спорта становятся ценнее, если учесть, при каких обстоятельствах приходилось работать: страна пережила две войны, а в связи с голодом во Владикавказ прибывали всё новые потоки беженцев. Также следует отметить, что молодому государству приходилось создавать всё практически с нуля.

С началом деятельности массовых добровольно-спортивных обществ (Осоавиахим, Добролет и проч.) физкультурная работа была поднята на высокий уровень.

Примечания

1. БСЭ.
2. Горская Правда. 1923. 1 июля.
3. Зембатов З.Г. Развитие Физической культуры и спорта в Северной Осетии за годы Советской власти //Сб. ст. Некоторые вопросы истории и практики воспитания выпуск II. Орджоникидзе, 1974.
4. Коммунист. 1920. 14 июля.
5. Коммунист. 1920. 22 июля.
6. Коммунист. 1920. 15 августа.
7. Горская Правда. 1922. 23 марта.
8. Горская Правда. 1924. 11 мая.
9. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Владикавказ, 2008.
10. Горская Правда. 1924. 17 июля.
11. Горская Правда. 1924. 13 июля.
12. Власть Труда. 1924. 2 октября.
13. Власть Труда. 1924. 30 сентября.
14. Горская Правда. .1923. 18 июля.
15. Коммунист. 1920. 10 июля.
16. Власть Труда. 1924. 25 июля.
17. Власть Труда. 1924. 30 июля.
18. Горская Правда. 1923. 8 июля.
19. Горская Правда. 1923. 17 сентября.
20. Власть Труда. 1925. 19 февраля.
21. Власть Труда. 1925. 17 января.
22. Горская Правда. 1922. 10 сент.
23. Горская Правда. 1923. 10 июля.
24. Власть Труда. 1924. 26 сентября.
25. Власть Труда. 1925. 3 февраля.
26. Власть Труда. 1924. 13 января.

ЦАРИКАЕВА А.Р.
студентка СОГУ

ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ РАБОЧИХ Г. ВЛАДИКАВКАЗ В ГОДЫ НЭПА

Из всей совокупности истории повседневности наиболее важным является дом как место, где проходит частная жизнь человека, где он моделирует свое жизненное пространство, где наиболее полно выражает он свое мироощущение. Нами поставлена задача изучения жилища как единства материального аспекта, то есть количественная и качественная характеристика реального жилища, подразумевающего рассмотрение жилища как комплекса, отражающего социальный, хозяйственный, семейный и другие стороны жизни коллектива, связанного единым жилым пространством.

Долгое время в городе преобладала личная собственность на дома, сам же дом был предназначен в подавляющем большинстве случаев для личного проживания хозяина и его семьи, слуг и работников, а также для его производственных нужд. Привычные для нас понятия «жилой дом» и даже «жилое помещение» еще не сформировались, в средневековой мастерской жилые и производственные помещения часто не разделялись. Наниматель брал на себя обязанность предоставить работнику жилье, а для кратковременного проживания существовали трактиры и постоялые дворы, для бедных и нуждающихся — приюты и ночлежки при церкви. Переход к мануфактурному производству, рост разделения труда и массовое привлечение наемных работников в города привело при возросшем спросе на жилье к возникновению жилья специально предназначенного для сдачи внаем («доходного дома»), к возникновению жилищного рынка.

В начале XX в. велся активный поиск нестроительных мер разрешения жилищной нужды. В условиях дефицита средств строительство уступило место задачам сохранения и восстановления разрушенного войной жилья. В новой жилищной политике активно использовались законодательные запреты на снос любого жилья без специ-

альной аргументации, запреты на изменение жилищных функций, повышение процентов на ипотеку и кредиты. Государства приняли на себя компенсацию невыплат, гарантии банкам. Поощрялось разделение субсидий на землю и здания, допускалось временное освобождение от налогов для нового строительства и проведения ремонтов.

В России при дефиците средств наблюдался отток капиталов в военную промышленность, рост беженцев и вынужденное использование жилья под госпитали при высоком уровне инфляции. Попытки увеличения квартирной платы блокировались специально принятыми на время войны законами о нормировании квартирной платы. Следствием замораживания квартплаты при росте дороговизны жизни явилось прекращение ремонтов и катастрофическое разрушение жилья. Такова была ситуация к моменту прихода к власти большевиков.

В борьбе за власть Советское правительство делало упор на передел уже существующего жилого фонда, возможный только в условиях национализации жилья. Жилищный передел и связанная с ним национализация (муниципализация) привели к окончательному исчезновению хозяев жилья, как лиц, заинтересованных в его сохранении [1, 26].

В конце 1921 г. вышел Декрет о демуниципализации (приватизации) небольших жилых зданий. Демуниципализации подлежали только небольшие дома, поэтому в 1922 г. вышел Декрет «О жилищных товариществах». Здание передавалось в аренду жилищному товариществу, объединяющему проживающих в нем жителей [2, 16].

Создание товариществ являлось добровольным и требовало стимулов для привлечения жителей. Часть выгод членам товариществ строилась на противопоставлении новых условий жизни жилищному переделу «военного коммунизма», административным выселениям и принудительному уплотнению. Приманкой служила возможность внеочередного получения жилья (по нормам) внутри кооператива для членов кооперативов и их семей. Привлекала и предполагаемая в будущем возможность выкупить жилье в собственность, причем с большой рассрочкой. Препятствием же для создания жилищных товариществ была приобретенная всего за несколько лет военного коммунизма привычка к распределению жилья, создающая иллюзию его бесплатного получения.

Кроме личных выгод кооператоров, необходимым считалось устойчивое финансовое положение кооператива и возможность из-

ыскания средств для эксплуатации здания. В мировой практике основным источником получения средств являлась квартирная плата. В СССР в 20-е гг. этот источник оказался ограничен. Помимо низкой платежеспособности основной массы населения отрицательную роль играли чисто советские следствия политики «военного коммунизма». Изданные в 1920 г. за подписью В.И.Ленина Декреты о всеобщей бесплатности жилья и коммунальных услуг сделали неплатежи привычным явлением. После многократных попыток возврата к оплате жилья было принято решение ввести квартплату в минимальном размере с постепенным повышением каждый год. Последнее повышение было произведено в 1926 г., но даже оно не смогло достичь величины, компенсирующей реальные затраты на эксплуатацию. Некоторое улучшение финансового положения товариществ было связано с проведением денежной реформы и введением червонного рубля в 1924 г.

Другой, также чисто советской причиной сдерживания поступлений от квартплаты был ее классовый характер. Величина платы ставилась в зависимость не от качества жилья, а от состоятельности жильцов, разделенных на разряды.

Повседневное состояние социально-бытовой сферы, в которой протекала значительная часть жизни рабочих, опосредованно влияет не только на их производственную деятельность, но и на отношение к самой власти. Ключевое место во всей социально-бытовой сфере с этой точки зрения занимали жилищные условия рабочего класса. Не случайно, что в принятой на VIII съезде РКП(б) второй партийной программе нашлось место и для определения задач РКП в «области жилищного вопроса»: «... всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс, к уничтожению скученности и антисанитарии старых кварталов, к уничтожению негодных жилищ, к перестройке старых, построению новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс» [3, 90]. И в последующем, на протяжении всех 1920-х годов большевистское руководство в своих решениях неоднократно обращалось к жилищной политике как к одному из подтверждений последовательной пролетарской направленности всей государственной социальной политики. Однако и в этой области программные установки и политические лозунги сталкивались с необходимостью их приспособления к реальностям нэповской России.

Квартирные и жилищные условия рабочих на предприятиях нельзя было назвать хотя бы сносными, наблюдалась такая скученность

жильцов в помещениях, что не было никакой возможности сознательно соблюсти самые элементарные правила санитарии и гигиены. Грязь, пыль являлись неизменными спутниками рабочих при таком положении. Почти ни на одном предприятии не существовало квартир для рабочих, удовлетворяющих потребности всех трудящихся, поэтому имеющиеся квартиры населялись рабочими настолько плотно.

Так, квартиры рабочих и служащих 14 предприятий г. Владикавказ в числе 558 содержали в себе 846 комнат, в которых проживало 2302 человека, из которых детей до 14 лет — 731 человек. Квартиры в 55,4% состояли из одной комнаты, в 38,5% — из двух, в 6,1% — из трех-четырёх. Квартиры рабочих и служащих в большинстве состояли из 1–2 комнат. В среднем на каждую квартиру приходилось около 4-х человек, а на комнату около 1 — 2 человек. В 80% квартир проживало от 3 до 8 и более человек, а в 20% — 1-2 человека [4, 19].

В среднем на 1 человека приходилось $5,96\text{ м}^2$ жилой площади, вместо установленных как минимальная норма 9 м^2 , и 16 м^3 воздуха, вместо установленных, как минимальная норма 30 м^3 , что было ниже санитарной нормы, которая составляла 8 кв. м., и обуславливало тесноту и скученность в жилищах [5, 19].

Вентиляция квартир была недостаточной или вовсе отсутствовала, так как имеющиеся в комнате форточки не открывались, а печные вытяжки не действовали из-за производства отопления железными печами.

Кухня существовала в 74,3% квартир, 64% квартир отапливались железными печами, чугунами и плитами, лишь 23,1% освещались электричеством, 73% — керосиновыми лампами и 3,9% — ночниками. Водопровода не было ни в квартирах, ни во дворах. Жильцы этих квартир в 74% пользовались водой из водопроводных будок, а 26% — загрязненной водой прямо из реки. Уборные в квартирах существовали лишь в 12,2%, а для остальных квартир уборные имелись во дворах. Стирка белья производилась в 82,5% в квартирах.

Благодаря скученности рабочих в квартирах, они содержались грязно в 23,1%, и в 46,3% в квартирах были обнаружены насекомые (клопы, вши, тараканы и пр.) [6, 20].

Из сказанного видно, что громадное большинство квартир рабочих и служащих 14 обследованных предприятий не удовлетворяло минимальные санитарно-гигиенические требования. Особенно обращает на себя внимание: 1) недостаток жилой площади и кубатуры воздуха; 2) большое число сырых квартир, увеличению числа

которых способствует отсутствие кухонь и мест для стирки белья, что ухудшает и без того плохое санитарно-гигиеническое состояние квартир и ведет к образованию сырости в квартирах; 3) вредно для здоровья отопление квартир железными печами, портящими воздух и ведущими к резкому колебанию температуры воздуха; 4) отсутствие водопровода в усадьбах, где живут рабочие, что, как сказано выше, заставляет последних пользоваться загрязненной водой из реки; 5) недостаточное дневное освещение значительного числа квартир; 6) недопустимое с санитарной точки зрения существование в усадьбах, где живут рабочие, проницаемых выгребных и поглощающих ям, загрязняющих почву.

В целом, несмотря на бедность и даже нахождение на грани выживания большинства рабочих семей, наблюдался, пускай и небольшой, рост жизненного уровня рабочих Северной Осетии. Для некоторых категорий рабочих этот рост был даже весьма значительным. Речь, прежде всего, идет о высококвалифицированных рабочих железных дорог, крупных предприятий фабрично-заводского типа и горнодобывающей промышленности.

Отметим, что жилищные условия у большинства рабочих были плохими, и какой-либо значительной тенденции к их улучшению не наблюдалось.

С жилищной проблемой были тесно связаны семейные неурядицы, «семейная лодка» нередко разбивалась о коммунальный быт. Типичным жилищем рабочей семьи, состоявшей из 4-5 человек, была небольшая комната в коммуналке. Зачастую мебель была представлена одной деревянной кроватью, двумя столами и двумя табуретами. Нередким было отсутствие матрасов, постельного белья и скатертей. Зато в изобилии присутствовали клопы, тараканы и шелуха от семечек. Попытки «окультурить» жилище сводились к «кривому зеркалу» и картинкам на стенах. Почти все дома требовали капитального ремонта, имея в среднем до 75% износа. Основная часть горожан продолжала проживать в мелких деревянных домах старой постройки, не подвергавшихся капитальному ремонту. Годовой расход населения на приобретение мебели и предметов домашней обстановки был весьма незначительным. Основные расходы городской семьи приходились не на мебель и украшение жилища, а на покупку продуктов питания. Недостаток финансовых средств явился одной из причин проблем в сфере коммунального обслуживания жителей города. Оставался низким уровень благоустроенности домов и квартир.

Анализ городской среды обитания показал, что она непосредственным образом влияла на качество повседневной жизни людей.

Примечания

1. Говоренкова Т.М., Савин Д.А. Жилищно-арендная кооперация. Опыт новой экономической политики и возможность его применения в современной России // Жилищный альманах. М., 1999. № 4.
2. Шейнис Д.И. Жилищное законодательство. Сборник декретов, инструкций и распоряжений с комментариями. М., 1926.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1983. Т.2.
4. Центральный государственный архив историко-политической документации РСО-Алания (далее — ЦГА ИПД РСО-А) ФР.2. Оп 1. Д.26. Л.19.
5. ЦГА ИПД РСО-А. ФР.2. Оп 1. Д. 26. Л. 19 об.
6. ЦГА ИПД РСО-А. ФР.2. Оп 1. Д. 26. Л.20.

КУЦЕВЛЯК Д.И.
аспирант СОГУ

**КАЧЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ
В 1920-1930-Е ГОДЫ**

Одной из основных задач советской индустриализации являлось качественное развитие промышленного комплекса, выведение предприятий страны на соответствующий своему времени уровень.

Реализация данных задач началась и в Северной Осетии, обладавшей значительными и перспективами промышленного развития, отдельные предприятия которой имели особое значение для всей промышленности СССР в целом.

Качественное, технологическое развитие промышленного комплекса региона обладало большой значимостью для развития экономики Северной Осетии.

Такому развитию промышленности региона способствовал как его внутренний потенциал, так и использование внешних факторов.

Техническое и технологическое развитие промышленности республики было бы невозможным без наличия людей, способных работать по новым методикам, на технически сложном оборудовании.

Огромную роль в подготовке квалифицированных рабочих кадров промышленности Северной Осетии сыграла система образования.

Индустриализация стала временем активного развития в Северной Осетии учреждений высшего и среднего профессионального образования. Применялась практика, при которой технически талантливая молодёжь республики получала образование в вузах других регионов нашей страны.

Вообще, помощь различных регионов СССР в развитии промышленности Северной Осетии была очень велика.

Существовала также практика командировок рабочих с предприятий Северной Осетии в промышленно более развитые регионы

государства для профессионального обучения в процессе работы на предприятиях этих регионов. В таких командировках рабочие осваивали новое оборудование и методы работы.

Роль образовательной системы в подготовке квалифицированных рабочих кадров для новой промышленности Северной Осетии явилась значимой для всего развития республики в целом. Люди, благодаря необходимости технического и технологического развития промышленности, получили более широкий доступ к образованию, открыли для себя новые горизонты, смогли поставить новые жизненные цели, изменить свою судьбу.

Многие рабочие повышали свой образовательный уровень без отрыва от рабочего места. К сожалению, техническая учёба на производстве не всегда находилась на должном уровне. В мае 1937 года газета «Социалистическая Осетия» сообщала: «На Садонских рудниках техническая учёба поставлена плохо, нет никакого учёта подлежащих техническому обучению рабочих...Посещаемость занятий низкая, это объясняется главным образом тем, что начальники шахт и участков совершенно отстранились от руководства технической учёбой» [1, 3].

Особая роль в развитии техники и технологий во время индустриализации Северной Осетии принадлежала изобретательству и рационализации на производстве. Многочисленные инициативы исходили от работников разного уровня, выдвигавших свои идеи по совершенствованию техники и технологических процессов.

Предложения по изобретательству и рационализации производства приносили предприятиям существенную экономию, уменьшая затраты на производственный процесс. С развитием деятельности по совершенствованию производственного процесса всё больше раскрывался творческий потенциал работников.

Особую ценность изобретениям и рационализации на производстве придавал тот факт, что это был собственный, внутренний интеллектуальный продукт участников рабочих коллективов. Рабочие обретали большую уверенность в своих силах и возможностях, они на наглядных примерах видели практическую значимость технического образования, получали существенный стимул для дальнейшего общего и профессионального совершенствования.

Важным психологическим фактором являлся сам факт того, что работник имел возможность проявить инициативу, реально повлиять на процесс производства, хотя, разумеется, изобретательская и

рационализаторская деятельность предполагала и материальное стимулирование.

Вредило этому то, что не всегда инициатива работника встречала должное понимание: «Инструментальщик вагонно-ремонтного завода т. Паршин сконструировал автоматическое точило. Казалось бы, что инициативу рабочего надо всячески поддержать, помочь ему до конца осуществить свою идею.

Однако, вместо этого над Паршиным начали насмехаться и даже использовали для этого стенгазету.....» [2, 2].

Работа по усовершенствованиям на производстве за счёт идей и предложений работников предприятий стала, в конечном итоге, важным фактором технического и технологического развития промышленности Северной Осетии. Именно инициатива работников производства во многом пробудила личную заинтересованность в судьбе предприятий, уровне их развития, что, разумеется, благотворно повлияло на модернизацию промышленного комплекса региона в 1920-1930-е гг.

Ведущую роль в промышленности Северной Осетии всегда играла отрасль по добыче и обработке металлов.

Огромным свершением в области обработки металлов стало строительство при старом заводе «Кавцинк» предприятия по производству электролитного цинка.

С началом индустриальных преобразований на предприятии активно развернулась изобретательская и рационализаторская деятельность, результатом которой становилось усиление качественной составляющей, рост объёма выпускаемой продукции и т.д.

Большие изменения принесла индустриализация в горнодобывающую промышленность, в частности — на Алагиро — садонские рудники.

Работа с новым оборудованием и по новым методикам позволила коллективу предприятий открыть качественно новый этап в их развитии, повысить производительность труда и увеличить объём добычи металла.

На Садонских рудниках молоток забойщика был заменён врубовой машиной, подземная конная тяга — электровозом. Зарубка, отбойка, навалка, откатка и подъём руды были полностью механизированы [3, 66].

Техническое и технологическое развитие стало одним из факторов, положивших начало процессу постепенного изменения отно-

шения к производственной деятельности у рабочих и инженерного состава предприятий.

Одним из самых значимых событий в истории индустриального развития Северной Осетии в 1920-1930-е гг. стало строительство и пуск в эксплуатацию Бесланского маисового комбината, названного в честь крупного государственного деятеля той эпохи — А. Микояна.

Создание данного предприятия стало знаковым не только из-за его масштабности (2-е место в мире и 1-е в Европе по величине), но и благодаря тому, что БМК, ставший органической частью хозяйственной системы региона, был построен и оборудован по последнему слову техники того времени, с использованием зарубежного опыта, который активно использовался в промышленном развитии Северной Осетии.

Процессы технологического, качественного развития проходили во всех отраслях промышленности Северной Осетии.

Значимым для республики событием стало строительство Гизельдонской гидроэлектростанции.

В соответствии с планом ГОЭЛРО в 1927 году началось строительство Гизельдонской гидроэлектрической станции. Это была первая в СССР высоконапорная гидроэлектростанция; опыт её строительства тщательно изучался крупнейшими специалистами страны [3, 70].

Как уже указывалось на примере БМК, существенную роль в развитии индустрии региона сыграло использование зарубежного опыта. Освоение иностранного опыта представляло собой непростую задачу.

Одна из сложностей заключалась в том, что иностранные партнёры часто с неохотой шли на сотрудничество с советскими специалистами.

Причины этого лежали не только в области идеологических разногласий, но и в опасениях вполне практического характера — иностранные специалисты боялись, в частности, того, что советские инженеры, осмотрев предприятия, воспользуются данными своих наблюдений, но так и не сделают никаких коммерческих заказов.

Так, к примеру, описывает свои впечатления в отчёте инженер Козлов, находившийся в командировке в Германии: «Работу центрифуги... мне не показали, мимо желобов меня буквально гнали, не давая минуты задерживаться» [4].

На пути технологического развития промышленности Северной Осетии стояло много препятствий, порождённых факторами самого

различного происхождения. Процесс качественного развития индустрии региона не был линейным и равномерным.

Результатом социалистической индустриализации в Северной Осетии стало не только количественное увеличение объёмов производства. Для республики, как и для всего Советского Союза, 1920-30-е гг. стали временем перехода к качественно новой промышленности — новому оборудованию, новым методам труда, строительству и оснащению новых предприятий по последнему слову техники, переоснащению уже имеющихся фабрик и заводов.

Модернизация промышленности, внедрение на производстве новой техники и технологий помимо своего прямого значения явились одним из факторов, запустивших процесс перемен во всей социальной жизни региона. Проведение модернизационных преобразований в промышленности привело к формированию в Северной Осетии технически грамотного рабочего класса и развитию (количественному и качественному) инженерных кадров.

Это, в свою очередь, стало одной из основ для принципиальных перемен в жизни общества Северной Осетии, превращения её в современную республику.

Одним из важнейших последствий технологического рывка стали качественные изменения в системе профессионального образования Северной Осетии.

Техническое и технологическое развитие промышленности республики усилило динамику производства, открыло новые перспективы для предприятий; во многом определило сущность всего процесса индустриализации в республике.

Несомненное положительное влияние индустриального комплекса республики на социальную сферу и в целом на развитие региона определило значимость качественного развития промышленности для народа Осетии.

Примечания

1. «Социалистическая Осетия». 1937. 10 мая.
2. «Социалистическая Осетия». 1937. 20 июля.
3. Цуциев Б.А. Экономическое и культурное развитие Северной Осетии за годы Советской власти. Орджоникидзе, 1959.
4. ЦГА РСО-А. Ф.Р — 45. Оп. 1. Д. 80. Л. 39 об.

ХУБУЛОВА Д. В.
студентка 4 курса СОГУ

ПИСЬМА УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В этом году исполняется 70 лет со дня освобождения Северной Осетии от фашистов. Война против гитлеровской Германии явилась самым тяжелым испытанием для советского народа в XX веке. О том, что испытывало поколение военных лет, перенесшее величайшие мучения в смертельной схватке с врагом на фронте и в тылу, говорят сохранившиеся, пусть далеко не полностью, письма с фронта. Их писали в перерывах между боями, в санбатах и госпиталях. В них было все: скупые рассказы о войне, стихи, фотографии, вырезки из фронтовых газет, теплые слова в адрес близких.

Актуальность темы исследования обуславливается необходимостью введения в научный оборот регионального комплекса фронтовых эпистолярных источников. Письма наших земляков-участников Великой Отечественной войны являются ценными документами, обладающими значительным информационным потенциалом. Изучение фронтовых писем помогает понять многие аспекты фронтового опыта, объективная и целостная реконструкция которого возможна, в том числе и за счет расширения источникового поля. Значимость рассматриваемой темы определяется также потребностью в совершенствовании методики анализа фронтового письма как специфического феномена отечественной письменной культуры военного времени. Эпистолярный жанр как особая форма словесности изучен весьма фрагментарно. Анализ языковых особенностей частной переписки позволяет сделать выводы о представлениях и ценностях, психологии и мироощущении, поведении и образе жизни, круге общения и интересах фронтовиков, воссоздать этапы личностного развития, выявить гендерные особенности военной психологии.

Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны — уроженцев Северной Осетии детализируют целостную картину войны региональным конкретно-историческим материалом. Исследование эпистолярных текстов фронтовиков позволяет через анализ одной из ее составляющих показать общее и особенное во фронтовой эпистолярной культуре, а также выявить специфику фронтового эпистолярного комплекса, отложившегося в архивах и музеях РСО-Алания.

Если говорить об исследованиях в отечественной историографии, специально посвященных анализу фронтовых писем, то можно выделить несколько групп.

Первую группу составляют исследования фронтовых писем как исторического источника. Эпистолярные источники периода Великой Отечественной войны стали предметом источниковедческого анализа в статьях Б.И. Жучкова, К.И. Иванова, В.А. Кондратьева и П.С. Соломатина. Опираясь на широкий круг эпистолярных источников, исследователи проанализировали содержание фронтового письма как массового документа. Вместе с тем, эти работы отмечены печатью господствовавших в советской историографии того времени догм, идеологием, цензурных ограничений. Критический анализ источника подчас заменялся простым перечислением опубликованных писем с частичным пересказом их содержания.

Среди исследований, специально посвященных выявлению информационного потенциала фронтовых писем, можно назвать работы И.Ю. Моисеевой, Н.В. Момотовой и В.А. Сомова[1, 36-39; 2, 186-197; 3, 106-131; 4, 131-135]. В статьях И.Ю. Моисеевой, затрагивающих социально-психологические аспекты истории Великой Отечественной войны, раскрыты особенности гендерного анализа фронтовых писем. Проявления и специфика социального пола, по мнению автора, в маргинальных средах усиливались, в отличие от нормальной, привычной для человека обыденной обстановки.

Следует обратить особое внимание на случаи применения в отечественной историографии комплексного подхода к изучению источников по истории Великой Отечественной войны. При таком подходе фронтовые письма анализировались, во-первых, на предмет их информационных возможностей, а, во-вторых, определялось их место в ряду других источников по истории Великой Отечественной войны. Одним из первых таких исследований стала статья А.А. Курносова[5, 35-45]. Проанализировав фронтовые письма, а также другие источ-

ники личного происхождения, исследователь предложил эффективную методику источниковедческой критики, основанную на логическом анализе составных эпизодов или тематически обособленных отрывков текста, акцентировал внимание на сравнительном изучении текста источника с целью выявления особенностей его содержания, происхождения и формы. Большая работа по изучению информационных возможностей фронтовых писем в контексте реконструкции психологических особенностей участников Великой Отечественной войны была проведена Л.Н. Пушкаревым[6].

Ряд исследований фронтовых писем был посвящен характеристике эпистолярных комплексов, сформированных периодическим изданием — адресатом. Анализ писем различного происхождения, публиковавшихся в советской периодике, содержится в статьях Н.П. Емельянова, С.И. Игошина, П.С. Карасева, Н.А. Логинова, А.О. Ляпунова[7, 57-61; 8, 43-49; 9; 10, 59-67]. В работах этих авторов письма рассматривались в качестве специфического фиксатора политической активности и творческой инициативы советского народа.

Сюжеты военной повседневности, отраженные в письмах с фронта, достаточно обстоятельно рассматривались в работах Т.А. Булыгиной[11, 530-540]. По мнению Т.А. Булыгиной, долгое время ценность фронтовых писем как источников для понимания человека на войне, для воссоздания более полной истории Великой Отечественной войны определена не была, и в этой связи фронтовые письма оказывались невостребованными и недоизученными. Т.А. Булыгина считает, что специфические формы прочтения и анализа фронтовых писем нуждаются в более детальной разработке.

Особая группа исследований представлена работами историко-антропологического и историко-социального характера, базирующимися в значительной степени на изучении фронтовых писем как исторического источника. К этой категории работ можно отнести, например, работы Е.С. Сенявской, посвященные историко-антропологическому анализу войн XX века, а также психологии комбатанта[12, 140-145; 13, 7-15]. Анализ психологических факторов войны осуществлялся ею с привлечением фронтовых писем, по которым реконструировался опыт участия русской и советской армий в вооруженных конфликтах XX века. На основании исследования источников личного происхождения, в том числе и эпистолярных, Е.С. Сенявская разработала историко-психологическую концепцию формирования милитаризированного сознания и его распростра-

нения в гражданском обществе. В ее книге «Психология войны в XX веке: Исторический опыт России», «человек воюющий» рассматривается как особое явление — не только социальное, но и психологическое.

Третья группа работ посвящена практике собирания и первичной обработке фронтовых писем периода Великой Отечественной войны. Исследования этой группы отражают архивоведческие, археографические и музеологические традиции поиска, хранения и публикации фронтовых писем. Здесь следует назвать статьи В.А. Кондратьева и А.И. Баландина, посвященные вопросам собирания и археографического изучения фронтовых писем [14, 71-86; 15, 126-157]. Интенсивно начатая с 1940-х гг. работа советских архивистов по собиранию и публикации фронтовых эпистолий была продолжена и во второй половине XX века. С 1960-х гг., в связи с постановкой вопроса о пополнении государственных архивов документами личного происхождения, она стала осуществляться более планомерно. Специальные дискуссии по этому вопросу прошли на страницах журналов «Советские архивы», «Археографический ежегодник», «Вопросы истории», «Исторический архив».

Письма с фронта, как исторические документы, имеют ряд особенностей.

Боец, отправляющий весточку домой, и не помышлял о том, что, спустя десятилетия, его послание будут читать и изучать посторонние люди. Поэтому он писал просто, откровенно, порой незатейливо, передавая многочисленные приветы родным и близким. Солдату были интересны самые мелкие бытовые подробности тыловой жизни, о которой он так тосковал.

Многие письма очень короткие, сдержанные. Они написаны в перерывах между боями, накануне сражения. Несколько строчек такого письма заканчиваются фразой: «Ухожу в бой».

Находясь в страшном аду войны, солдат стремился в своем письме успокоить, подбодрить родных. Поэтому письма полны оптимизма, надежды на возвращение, веры в Победу.

Фронтовики постоянно смотрели смерти в глаза: вокруг погибали друзья, однополчане, каждый из них сам был «на волосок» от смерти. Поэтому мужество, героизм стали повседневными, будничными. О своих подвигах писали скромно, как о само собой разумеющемся.

Не секрет, что письма просматривались военной цензурой. Строчки, содержащие важную информацию, военные данные, зачер-

кивались, закрашивались черной тушью. На фронтовом треугольнике ставился штамп «Просмотрено военной цензурой».

Материалом для письма часто было то, что попадалось под руку: папиросная бумага, тетрадный лист, кусок плаката, канцелярский бланк. Письма из госпиталя писали чернилами и перьевой ручкой. В полевых условиях её заменял карандаш.

Письма с фронта приходили без конвертов, их и купить в полевых условиях было невозможно. Листок бумаги сворачивали в треугольник, на нем писали адрес. Марка на треугольник не приклеивалась.

Определить местонахождение солдата было нельзя, в обратном адресе указывалась Действующая Армия, № полевой почты и части.

В каждой строчке фронтовых писем видна любовь к своим родным, близким людям, к родной деревне, городу, в котором вырос, к Родине, которая находится в опасности и ждет победы над врагом.

Бумаги не хватало, и письма писались на этикетках от тушенки, военных картах, бумажных мешках. Не хватало и конвертов, с фронта приходили письма-треугольники, которые отправлялись бесплатно. Письма написаны карандашами в условиях дефицита бумаги и времени на маленьких листочках. Они зачитаны и истрепаны до такой степени, что текст почти не виден, и зачастую просто невозможно разобрать написанное. Их авторы свои обращения к родным и близким не считали последними: они верили в победу и в то, что доживут до нее.

Строки фронтовых писем передают атмосферу своего времени — тяжелого 41-го и победного 45-го годов. Эти письма — живые свидетели высочайшего патриотизма наших людей, их беззаветной преданности Родине. На первый взгляд, письма солдат малоинформативны, бесхитростны. Да и могло ли быть иначе, если уже 6 июля 1941 г. в целях сохранения военной и государственной тайны была создана военная цензура, и абсолютно все письма с фронта имеют штамп «Просмотрено военной цензурой»?! В одном из интервью с военным цензором периода Великой Отечественной войны, показанном недавно по каналу РТР, говорилось о том, что тогда все письма от рядового солдата до Маршала просматривались цензурой. И даже Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский заканчивал свои письма фразой: «Далее не буду утомлять внимание уважаемого цензора».

В государственных архивах, а также личных собраниях многих граждан хранятся фронтовые письма. Тематика писем разнообразна: в них отражены ратные подвиги наших земляков, тревога фронто-

виков за судьбы родных и близких людей, оставшихся в тылу, благодарность за их самоотверженную работу, которая обеспечивала действующую армию всем необходимым: оружием, продовольствием, одеждой.

Сохранились редкие письма о начале войны.

Из письма И.К. Романюка родным

23 июня 1941 г.

Лес, южнее Медыка, 24.00

Здравствуйте, все родные!

Нина и Валюся! Скоро, наверное, не увидимся. Нахожусь на фронте. Все имущество осталось в квартире. В момент внезапного обстрела немцами Перемышля я был в квартире — это было в 4 часа ночи 22.6.41 г. Успел только одеться и замкнуть квартиру, т. к. на улице рвались снаряды. Под огнем сел на машину и отправился в лагерь. Вторично приехал через пару часов — с задачей добраться до квартиры и забрать новую шинель, твоё пальто, синий костюм, одеяло, сумку, но как вышел с части на главную улицу — меня обстреляли с пулеметов. Возвратился обратно. Все пропало. Некоторые семьи красноармейцев попали в плен — остались в Перемышле: Осберг, нач. клуба, Писаченко — он теперь их достаёт и расстреливает. Перемышль с первого дня обнят пламенем. Сегодня 23.6. мы отошли и крепко потревожили немцев в Перемышле арт. огнём. Целый день артиллерия была по городу — ещё горит, хотя уже 24.00. Зло берет. Немец крепко на нас жмет, но мы не теряемся. Сегодня прочистили его территорию осколками снарядов. Везде пожары. Население он заблаговременно согнал. Пускает в ход танки. Ждем подкрепление. Сдерживаем его продвижение на нашу территорию. Сейчас я нахожусь южнее Медыка 8 км. «Отдыхаем» с осторожностью.

Нинуся и Валюся! Хотел бы вас увидеть, а то, может, и больше не удастся. Не знаю, что ждет впереди. Тяжело раненых в нашей семье еще немного... Женщин, не успевших эвакуироваться, отправили вчера во Львов с детьми.

На том до свидания. Крепко тебя и Валюсю целую. Привет папе, маме, Лене, дяде Вите, тете Вере, бабушке и остальным.

В. Кучиев

1/VIII-42 аз.

Байрай, маэ хойы хай Нинаэ, маэ мады хай Манкаэ, Хозион, Кучи амаэ иннаэтаэ! Нинаэ, стыр хуыцау хатыр бакæн, нырмаэ даэм письмо

кæй нæ ныффыстон, уый тыххæй. Манкайы цур мæ цасгом хатыр курын дæр нал хъæцы, фæлæ ма дæумæ уæндын сдзурын.

Æз ныртæккæ иттæг æнæниз дæн. Иу цæф дæр мыл нæма ауади. Хыцаустæн, стыр диссаг мæм кæсы иу хъуыддаг: ам адæм мæллæг кæнынц, фæллайынц, мæлынц, фæлæ æз та бонæй бон наррдæр кæнын.

Æмæ та Надяйы нæ уырдзæн, фæлæуый афтæ у. Ам нæ фарсмæ хуызисæн куы уайд, уæд уын мæ къам арвитин, фæлæ хуызисæнтæй нæ хъазæм. Раст зæгъын хъæуы, дарæсæй арæзт не 'стæм, фæлæ ардæм чызгагур мийаг куынæ рцыдыстæм. Ам, ам куыд у уый куы зонис цыма сармадзанти нæрын, хæдтæхджыты гуыр-гуыр æмæ топпыты къæр-къæр Ходы Надяйы кæсгон цагъдæй рæсугъддæр вайы.

Нинæ, мæнмæ гæсгæ, ды хъуамæ зонай æнæзæгъгæйæ дæр, фæстаемæ цы фыссын хъауы уый. Ныр уал зæрдиаг саламттæ нæ сыхбæстæн, хæстæджытæн æмæ нæ зынаргъ ныййарджытæн. Хъабыс кæнын Рафаэлæн, Азæйæн, Валикæн, Джулеттæйæн, Ростикæн. Володя.

Солдатским счастьем считалось у бойцов, если им удавалось участвовать в освобождении своих мест от гитлеровской оккупации. Так, в освобожденный Владикавказ поступали поздравительные письма как от отдельных воинов, так и от групп земляков. Гвардии майор Николай Федорович Бредихин писал своим родным, эвакуированным в Армянскую ССР: «Мамочка, мне посчастливилось освободить наш родной Алагир, где мы, не щадя сил и жизни, дрались за Родину, за землю нашу и уничтожали лучшие отборные немецкие части фрицев... Они нашли там все себе могилу от наших танков, артиллерии, славной пехоты. Они скоро все погибнут от наших стремительных ударов. Фрицам уже капут!». В начале января 1943 года во Владикавказ пришло поздравительное письмо трудящимся города от земляков-фронтовиков, в котором они писали: «Сегодня всю нашу страну облетела радостная весть об освобождении Красной Армией нашего любимого, родного Владикавказа от фашистских бандитов. Над любимым городом снова развевается красный флаг. Земляки! Поздравляем вас с этим героическим днем, который никогда не забудет советский народ.

Земляки! Быстрее восстанавливайте искалеченный фашистами город, чтобы он был таким же жизнерадостным, веселым и цветущим, как до вступления в него грязного фашистского сапога».

После изгнания немцев из пределов Осетии во Владикавказ шли письма от фронтовиков, полные тревоги за судьбы родных людей. Например, 21 августа 1943 года уроженец Владикавказа И.В. Догаев просил сообщить «нахождение его жены Догаевой Софьи Николаевны и дочери Александры». Г.И. Степанов писал с фронта отцу в начале января 1944 года (погиб в марте того же года): «Папа, чем это объяснить, что от Вас нет долго писем, вот уже 1,5 месяца? Что случилось, не знаю. Папа, пиши чаще. А самое главное, напиши, приехала мама или нет».

Советские воины были суровы к ненавистному врагу, но нежны к родным и близким. Из письма уроженца Кировского района Михаила Тарасова любимой девушке Серафиме от 9 октября 1943 года: «Родная! Как отблагодарить за твое внимание и чуткое отношение ко мне? Нет слов выразить тебе эту благодарность. А какая радость будет, когда мы снова после долгой разлуки встретимся. Я верю в нашу встречу и в скорую победу над гитлеровскими бандитами. Тогда тишина сменится весельем... Вот тогда под музыку ветра и дождя я буду рассказывать тебе о своих боевых подвигах, а ты будешь говорить о своей работе в мое отсутствие...».

И, конечно, не остался неотмеченным в письмах победителей великий день — День Победы — 9 Мая 1945 года. Так, уроженец Владикавказа К. Майрамуков писал родным: «Шлю горячий красноармейский привет и поздравляю с 9 Мая — днем окончательного разгрома гитлеровских полчищ.

Отныне германский фашистский произвол не существует. Мы, доблестные воины Красной Армии, загнали его в землю раз и навсегда. Живите спокойно и счастливо. Теперь никакая коричневая чума к вам не придет, не посадят вас в подземелье, не отнимет у вас корову, не насмеется над вашей свободой и не погонит вас в плен».

Анализ информационного потенциала фронтовых писем основывался на выявлении и рассмотрении видов содержащейся в них текстовой информации, извлечении заключенных в них фактов.

Содержательно-фактуальная информация писем представлена сообщениями о событиях, происходящих или происходивших в мире фронтовика, окружающем или интрапсихическом, и изложенных в описательной форме. К первой группе фактов можно отнести сведения о боевых действиях, сообщаемые в тексте путем описания впечатлений фронтовика от боевых операций, оценки военного положения, соотношения сил, оценки боевого духа советских солдат,

боевого духа противника и. т. д. Постановление ГКО «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции» от 6 июля 1941 года запрещало сообщать в письмах многие сведения, прием и посылку почтовых открыток с видами и наклеенными фотографиями, со шрифтами для слепых, кроссвордами, шахматными заданиями. Запрещалось употребление конвертов с подкладкой. Объем письма не должен был превышать четырех страниц формата почтовой бумаги. Все военные цензоры подчинялись вышестоящим начальникам во главе с Отделом военной цензуры Генерального штаба. Цензурная работа была объявлена секретной и все цензурные изменения, вычерки и изъятия могли быть известны, помимо цензора, только редактору, его заместителю и их прямым начальникам.

Был приведен перечень запрещенных тем, которые не должны были фигурировать ни на страницах фронтовых писем, ни на страницах периодических изданий. Под запретом оказались сюжеты, связанные с мобилизацией, организацией, дислокацией, боевой подготовкой, боевыми действиями, в том числе военно-географическое и статистическое описание театра военных действий, сведения по его подготовке, оперативной емкости и описание операционных направлений, прямые, косвенные или частичные данные об общем плане операции или боя, о районах и плане сосредоточения и развертывания войск для предстоящих действий и др. Кроме того, нельзя было писать о боевых действиях партизан, о вооружении, о дисциплине и политико-моральном состоянии войск. Под запретом также оказались сообщения о материальном обеспечении армии, о путях сообщения, о санитарных и ветеринарных вопросах, об оборонительном строительстве, об организациях, содействующих обороне страны. Эти ограничения отразились на информативности и степени полноты фронтовых писем.

Вторая группа фактов — описание бедствий войны. По сравнению с первой группой фактов, они более эмоциональны: для солдат картины разрушений были часто невыносимы. Третья группа фактов — описание межличностных отношений на фронте, в которых практически не встречаются описания негативных межличностных отношений. Очевидно, это связано и с военной цензурой. Отдельная группа фактов в письмах фронтовиков посвящена рефлексивному описанию личностного мира фронтовика.

Содержательно-концептуальная информация в тексте фронтового письма представлена авторскими трактовками фронтовых со-

бытий и пониманием межличностных отношений. При проведении контент-аналитического исследования писем было определено более двадцати единиц анализа, определившего отношения военнослужащих к конкретным аспектам их жизни. В текстах писем были выделены такие единицы анализа как суждения авторов об их отношении к мирной жизни как общечеловеческой ценности, к собственной жизни как ценности самосохранения, к покинутой социальной среде — семье, родителям, друзьям, любимым — как ценности общения с ними, к обретенной социальной среде — товарищам по службе, к руководящему командиру — как ценности взаимопомощи, поддержки, взаимопонимания, к противоборствующей стороне и войне как антиценностям, отношение к Коммунистической партии, отношение к И.В. Сталину, отношение к воинскому подразделению, оценка его боевых действий, отношение к противнику, оценка его сил, отношение к землякам и. т.д.

Отдельной группой информации является содержательно-подтекстовая информация. Она представляет собой скрытую информацию, извлекаемую из содержательно-фактуальной информации благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения. Подтекст — это характеристика фронтового письма, заключающаяся в способности предложений порождать дополнительные смыслы благодаря разным структурным особенностям, своеобразному сочетанию фраз, символично-языковых форм. В этой связи символичны, например, описания природы в текстах фронтовых писем, скрыто определяющие настроение, и личностные особенности фронтовика.

Степень достоверности, репрезентативности и полноты информации в письмах была различной в зависимости от условий их написания и специфики адресата. Письма, адресованные в органы периодической печати, часто были недостоверными, в них, иногда, присутствовали искажения и вымысел. Отдельные письма, адресованные родным и близким, были малоинформативными, в них, как правило, не лгали, а недоговаривали.

Читая фронтовые письма, понимаешь, что они навсегда останутся самым живым и правдивым источником среди документов, отражающих историю Великой Отечественной войны.

Таким образом, фронтовые письма земляков-участников Великой Отечественной войны демонстрировали широту содержания и разнообразие логики построения сюжета. Содержание письма и его вну-

тренняя логика обуславливались личностными и военно-средовыми факторами. Поэтому субъективность в изложении событий может одновременно быть и достоинством писем, помогающим понять психологию человека на войне, и их недостатком как документальных источников, где по разным причинам могут присутствовать умолчания, искажения, неточности, обусловленные, в том числе, и настроением пишущего.

Повседневность, отраженная в письмах, выражена описаниями фронтового пространства, деятельности и предметно-вещного мира. Фронтовые эпистолярные документы «регионального» происхождения являются ценными источниками и могут составить базу для изучения, по крайней мере, двух фундаментальных проблем: во-первых, динамики изменения политического сознания солдат в годы войны, и, во-вторых, особенностей «диалога» между властью и обществом посредством писем «с фронта» (имея в виду письма как элемент политических отношений). Конечно, речь идет не об абсолютно адекватном и полном отражении состояния политического сознания фронтовыми письмами, а, скорее, о методах анализа источников, в наибольшей степени приближающих исследователя к пониманию отношения фронтовиков к власти (как центральной, так и местной, что особенно важно учитывать применительно к такому многонациональному региону, как Советская Осетия), внутренней структуры политического сознания и иерархии ценностей, наиболее характерных дискурсивных стратегий и особенностей выражения чувств солдата в письме и на письме.

Примечания

Моисеева И.Ю. «Человек на войне» в солдатских письмах (по материалам фронтовых писем 1941 – 45 гг.) // Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории. Всероссийская научно-практическая конференция, 14-15 мая 2002 г.: материалы. Омск, 2002.

Моисеева И.Ю. Тема войны и образ врага: опыт реконструкции по материалам солдатских писем 1941 – 1945 гг. // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. ст. Челябинск, 2004.

Момотова Н.В. Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронтов Великой Отечественной войны // Социология. 2005. № 2.

Сомов В.А. Письма участников Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. // Вопросы истории. 2003. № 8.

Курносов А.А. Источники по истории народного сопротивления в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941 – 1945 гг. // История СССР. 1965. № 3.

Пушкарев Л.Н. По дорогам войны: Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995

Емельянов Н.П. В редакцию пришло письмо // Проблемы газетных жанров. Л., 1962.

Игошин С.И. Заметки о работе с почтой в ленинградских газетах // Вестник МГУ. 1966. №4.

Логинов Н.А. Письма трудящихся — газетный жанр. Уч. пособие по журналистике. М., 1955.

Ляпунов А.Н. О чем говорят письма // Редактор и книга: сб. статей. Вып. 7. М., 1965.

Булыгина Т.А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005.

Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3.

Сенявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3.

Кондратьев В.А. О публикации писем советских людей периода Великой Отечественной войны // История СССР. № 6. 1986.

Баландин А.И. Сбор документальных памятников Великой Отечественной войны // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982. Ч. 1.

II. КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ДАУЕВА Т. Т.
аспирант СОИГСИ

УМЫКАНИЕ ДЕВИЦ КАК ФАКТОР КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В ОСЕТИНСКОМ ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Традиционной формой заключения брака у осетин являлось сватовство, с которого начиналась длительная подготовка к свадебному торжеству. Обычай платить калым за невесту был широко распространен как у осетин, так и других народов. Выдать девушку замуж без калыма считалось для ее семьи унижением и позором. У осетин, исповедующих христианство, брачный выкуп целиком шел родне девушки. У мусульман формально служил гарантией ее обеспечения на случай вдовства, но фактически делился между невестой и ее родней. Часть выкупа уходила на приобретение приданого. В старину размеры калыма определялись родовитостью фамилии. Установленный для каждой фамилии размер калыма оставался неизменным. Калым уплачивался мелким и крупным рогатым скотом, а также дорогими вещами, среди которых особенно ценились медный котел для варки пива и оружие, но главную роль при уплате калыма играл скот как главный эквивалент при обмене. В начале XIX века размер калыма составлял от 30 до 100 быков. Ружье оценивалось в шесть быков,

шашка — в два-три быка, пивоваренный котел — в шесть быков [8]. Калым не соответствовал экономическому положению народа и вел к разорению сельского хозяйства, которое было единственным источником существования.

В эпоху пореформенной модернизации, когда начался переход к товарно-денежным отношениям, рост цен, расслоение и массовое обнищание людей, резко возросла цена калыма. Кроме того, его стали требовать в денежной форме. Калым, уплачиваемый исключительно деньгами, стал тяжелым бременем, ибо цена за невесту достигала от 250 до 600 рублей.

Это вело к разорению крестьянских хозяйств, неисполнению фискальных обязанностей, а также привело к нарушению традиционной формы брака.

Умыкание у осетин («скъафт») не было нормой обычного права, как у соседних народов. Оно вызывало негативные последствия, вплоть до кровомщения.

Эта острая социальная проблема была самой обсуждаемой в периодической печати пореформенного времени. Газеты «Терские ведомости», «Северный Кавказ», «Терек», «Казбек» публиковали различные статьи с описанием конкретных ситуаций, которые сегодня являются достаточно репрезентативным источником для изучения целого ряда вопросов, связанных с трансформацией традиционной культуры. В частности, для изучения такого конфликтогенного явления, как похищение девиц, его последствий, форм и способов урегулирования.

К похищению девиц прибегали бедные крестьяне с целью сокращения свадебных расходов. Если двум фамилиям удавалось решить дело миром, проводилась церемония примирения «фидауын», расходы на которую были гораздо меньше.

Калым был главной причиной поздних браков у осетин. Чтобы жениться, крестьянин в течение ряда лет вынужден был работать, уезжать на заработки. Это стало причиной широкого распространения отходничества, в том числе и зарубежного. В прессе описан такой случай: некий А. Тогоев и М. Туккаева питали друг к другу взаимную симпатию. Тогоев, посватавшись к Туккаевой, не смог сразу уплатить искомый калым и, чтобы собрать нужную сумму, уехал на заработки в Америку. Долго девушка ожидала его возвращения, но он так и не вернулся, пропав без вести [5].

Бывали случаи, когда родители невесты не уступали в просьбе со-

кратить размер калыма. Житель с. Гизель с согласия и под видом похищения увез девицу, имеющую отца и братьев. С него братья невесты взяли калым в 600 рублей, а отец невесты потребовал еще в виде подарка хорошую верховую лошадь с седлом за то, что он приедет в дом его для примирения [1].

Калым стал тем фактором, которым в большой мере обуславливались помимо умыкания еще много негативных последствий в жизни осетин — убийства во время погони, кровная месть, фамильные раздоры, превращение женщины в предмет купли-продажи. Житель с. Карджин старик М. направлялся в Санибанское ущелье. Его дочь была просватана за беслановца Б. Ввиду отсутствия средств на выплату калыма, он в безлюдном месте ущелья устроил засаду с товарищами и. напав на родителей, отнял у них свою невесту. Родители обратились к сельским властям, которые передали это дело во Владикавказский окружной суд. Похитителей наказали, но не за похищение девушки М., а за сопротивление властям [9].

Умыкание невесты могло привести к самым неожиданным последствиям. Житель сел. Гизель похитил девицу Н.З., и пока они прятались от ее братьев, родственники невесты явились в дом его и взяли у матери его 150 рублей наличных денег, двух лошадей с арбами и упряжкой и корову с телком [5].

Иногда после неудачной погони за похитителем преследователи устраивали набег на его дом. И если там находили девушку, то в отместку похищали ее. В результате конфликт между семьями еще более углублялся. Виновной оставалась та семья, которая первая пошла на похищение.

Для примирения двух фамилий в дом невесты по просьбе родственников жениха отправлялись несколько авторитетных мужчин. Старший из них приносил извинения отцу и родственникам невесты и просил простить за смелость прийти в дом, понимая, что обидели не только семью, но и всю фамилию. От имени семьи жениха и от своего посланники просили прощения за случившееся.

Как правило, семья невесты не сразу шла на примирение, объясняя это тем, что ей нанесли тяжелую обиду. Если посланникам не удавалось достичь желаемого, то спустя какое-то время они вновь наносили визит семье девушки, при этом предварительно они могли заручиться помощью уважаемого и влиятельного односельчанина невесты. Случалось, что после нескольких визитов хозяин дома бы-

вал не так категоричен и, посоветовавшись с родственниками, давал согласие на примирение.

Если переговоры между двумя фамилиями затягивались и грозились перерасти в конфликт, то дело передавали на решение третейского суда. Посреднический суд обычно занимался разбирательством конфликтных дел между двумя разными родами. Что касается конфликтов между родственниками, то они разбирались родовым старшиною. Постоянного суда не было — стороны выбирали посредников в неравном числе — обиженная сторона имела одним посредником больше, в качестве которых выступали родственники. Третейские судьи требовали от сторон не только частичной уплаты выкупа, но и связывали их предварительной присягой в том, что приговор будет ими исполнен [2]. В данных случаях основной функцией суда было посредничество между сторонами и установление размера компенсации за причиненный ущерб. Фамилии давали расписку о том, что беспрекословно подчинятся всякому решению медиаторского суда.

В делах об умыкании медиаторы обычно требовали заплатить отцу за бесчестие. Размер калыма в данном случае зависел от социального статуса и авторитета фамилии.

Во время сбора полевого материала нам стал известен такой случай. Некий Абисалов Беппа похитил девицу из знатной фамилии Цаликовых, жительницу селения Карца. Братья Цаликовой устроили погоню, во время которой был убит друг Беппа Текаев. Но Цаликовы были решительно настроены на месть. Они совершили набег на дом Куловых в селении Хумалаг, полагая, что украденную девушку прячут в доме, где жила сестра Абисалова Госагиз. Действительно, девушку прятали в этом доме, но успели увезти ее в Ингушетию, где Абисалову помогли его друзья. Тогда Цаликовы грозились выкрасть его сестру, но не застали ее в доме. Решили украсть жену брата Беппа Дину Дзантиеву, но, к ее счастью, среди мстителей оказался близкий родственник, не допустивший ее похищения. Цаликовы в результате похитили девицу Чабахан Абисалову и бросили клич среди фамилии «Кæй хъæуы, уый йæ аканæд» («Пусть заберет ее тот, кому она нужна»). Взял ее в жены некий Цалык Цаликов, с которым она прожила долгую и счастливую жизнь, несмотря на то, что их брак был результатом раздора между двумя фамилиями.

Цаликовы долго не хотели идти на примирение, считая себя оскорбленными, особенно долго упорствовала мать девушки. Жили

они несколько лет в Грозном и вернулись в Осетию с двумя детьми [4].

Против калыма и других «разорительных обычаев» активно выступала и российская администрация, заинтересованная в платежеспособности населения. Она уговаривала сельские сходы принимать «приговоры» о запрете или сокращении размера калыма. В 1859 г. начальник округа обратился к собравшимся во Владикавказе представителям осетин с речью, которая потом в виде циркуляра была разослана по всем обществам. Были затронуты вопросы местной жизни, начиная с кровной мести, калыма, поминок и т.д. Приговоры составлялись, принимались сельскими сходами, но в реальной жизни никто не хотел начинать с себя нарушение традиции. В местной периодике зафиксировано, что первыми выдавшими замуж дочерей без калыма были Татари Саламов и Хатахцо Ходов [8].

В первые годы Советской власти началась решительная борьба против формы брака уходом, как и против выкупа за невесту вообще. Специальными постановлениями ЦИК Горской республики от 25 марта 1922 г., а затем от 17 августа 1923 г. был запрещен калым. Борьба против всех патриархально-родовых пережитков, унижающих достоинство женщины, велась не только законодательным путем, она находила широкую поддержку всей общественности. Многие из этих обычаев еще долго сохранялись среди значительной части населения, но подвергались трансформациям. Например, обычай уплаты калыма сохранялся в форме передачи семье невесты одного быка, а в некоторых случаях и продуктов, необходимых для свадебного застолья.

Примечания

1. Казбек. 1901. № 1098.
2. Ковалевский М.М Современный обычай и древний закон. Т.2.
3. НА СОИГСИ. Ф.4. Оп.1. Д.109
4. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т.II. Владикавказ, 1982.
5. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т.VI. Владикавказ, 2006.
6. Полевой материал автора. 2011 год (Записано со слов Л.К. Кануковой, 1935 г.р., г. Владикавказ)
7. Северный Кавказ. 1896. № 36.
8. Терские ведомости.1887. № 4.
9. Терские ведомости.1894. № 96.
10. Терские ведомости.1895. № 7.

МАРГУШЕВА А. М.
аспирант КБГУ, г. Нальчик

АДАТ И ШАРИАТ В ПРАВОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Российское научное сообщество сегодня проявляет повышенный интерес к проблемам государственно-правового развития обществ Северного Кавказа, методам искоренения религиозно-правового экстремизма и способам компромиссного решения возникающих на этой почве проблем. Научный инструментарий, с помощью которого они решаются, может быть различным, но при выборе любого из них необходимо учитывать особенности социально-правовых норм обычного права — адата и шариата, которые во многом определяют вектор взаимоотношений внутри социума.

До распространения имперского законодательства в Кабарде и Балкарии общественная жизнь регулировалась нормами обычного права и отдельными положениями мусульманского права. Влияние шариата на адаты кавказских горцев начинает обнаруживаться в большей или меньшей степени в различных местностях Кавказа с момента введения ислама [1, 28]. Но, несмотря на его распространение среди народов Кавказа в XVII–XVIII веках, шариат полностью не вытеснил преобладающего влияния адата [2, 311]. Степень влияния того и другого у горцев весьма различна. Западная часть региона, где ислам не успел пустить глубоких корней, отдавала предпочтение адатам, восточная — шариату. Однако в различных сферах права соотношение адатов и шариата было неодинаковым [3, 81], что дает нам право говорить о наличии у горцев биюридизма, то есть смешанного законодательства, составленного из двух элементов: шариата, основанного на общих правилах нравственности и религии, и адата, основанного на обычаях. Адат распространялся и усиливался всякий раз, когда шариат приходил в забвение, и наоборот — адат падал и был

отменяем всегда, когда шариат находил ревностных проповедников и последователей [1, 30].

Влияние шариата на общественную жизнь Кабарды стало преобладающим с 1807 г. По сведениям Шоры Ногмова, суду по шариату с этого времени подлежали не только гражданские, но и уголовные дела, за обычаем же оставались только дела по спорам и тяжбам князей и дела узденей с холопами [4, 148]. «Народным условием», составленным на собрании кабардинцев после прекращения чумы в 1807 г., суд по адату сделан был сословной привилегией высших классов (князей и узденей), — простолюдины были подчинены по всем делам шариатскому суду мулл (кадиев) [1, 33]. Различная юрисдикция решения сословных вопросов просуществовала в Кабарде до создания в 1822 г. Временного Кабардинского суда.

Однако традиционные общественные институты и формы правовой организации народов Северного Кавказа сохраняли устойчивость. До первой половины XIX в. многие горские аулы продолжали свое замкнутое существование, которое подчинялось правовым обычаям — адатам, регулировавшим кровную месть и композиции, порядок примирения кровников, характер гостеприимства или изгнания из родных мест, почитание старших, вступление в брак и семейную жизнь, особенности судопроизводства и т.п. [5, 93].

Такая привязанность горцев к сложившемуся порядку, по мнению некоторых исследователей, объяснялась рядом причин. Коран налагает слишком строгие наказания, например, в Кабарде за воровство на сумму не более рубля наказывали лишением левой руки, за воровство на сумму от 1 до 100 руб. отрубали правую и левую ногу, за развратное поведение и убийство назначалась смертная казнь. Муллы во время судебного разбирательства допускали очень часто произвольное толкование различных постановлений Корана, причем контролировать их было совершенно невозможно: шариатские книги, написанные на арабском языке, были недоступны для народа, и требовалась некоторая начитанность для решения дела по Корану. В интересах местных правителей было сохранить суд по адату, так как он пользовался всегда популярностью в народе и был немаловажным источником их доходов; кроме того, суд по адату открывал для правителей возможность устанавливать на будущее время адаты и решать по ним дела, не стесняясь постановления Корана. Следовательно, суд по адату давал им в руки могущественное средство усилить их власть и ослабить влияние на народ духовенства, которое враждебно

относилось к светской власти. Однако не только указанные причины, но вообще противоречия обычного права кавказских горцев не позволяли шариату привиться вполне на чуждой почве [6, 28].

Таким образом, мы видим, что в сфере уголовного права юрисдикция шариата жестче адата. А.М. Агларов отмечает, что шариату на Кавказе свойственны поистине варварские санкции: отсечение руки за воровство, длительное заточение в яму за многие второстепенные проступки и т.д. А.И. Першиц и Я.С. Смирнова подобное явление связывают с эпохой формирования шариата — раннеклассовое время, когда приходилось применять особо строгие меры для защиты собственности и обуздания своеволия личности [3, 81]. Так или иначе, но уголовная сфера шариата не привилась даже в таких издавна исламизированных регионах, как Дагестан [7, 93].

В других областях правовой жизни шариат как упорядоченное раннегосударственное право нередко гуманнее, чем позднепервобытные патриархальные адаты. Это хорошо видно на примере норм, относящихся к кровной мести. Ю. Клапрот отмечает, что «кровная месть, во всем схожа с обычаем арабов, называется черкесами ильсуаса, или «цена крови», а татарами — кангле от «канн» (кровь). Она существует на всем Кавказе и является привычной для его жителей» [8, 215]. Действительно, кровная месть — одно из самых ярких проявлений фамильно-патронимической солидарности, в соответствии с которым «за кражу и убийство применяются определенные наказания» [8, 210].

Адатами разных народов Северного Кавказа точно определены юридическая правомерность мести, круг мстителей и ответчиков за кровь или другой ущерб, способы примирения кровников, и в том числе размеры композиций пострадавшей стороне [9, 794]. Например, у кабардинцев вышестоящим не мстили, а взимаемая с них кровная пеня была настолько высока, что могла разорить большую родственную группу [10, 46]. По этому поводу Ю. Клапрот свидетельствует, что «если кабардинский князь или гость окажутся ограбленными..., то нападавшие обязаны возратить награбленное, а в качестве наказания отдать кабардинскому князю трех рабов того и другого пола; в случае убийства его друга кабардинский князь получает девять рабов» [8, 112].

Кровомщение у балкарцев прекращалось после убийства убийцы или его родственника. Кровная месть наиболее широко была распространена среди таубиев. Описывая «превосходнейшие рода» Балка-

рии и Осетии, Вахушти замечает: «В родах этих принято оказывать друг другу помощь, сорабничать, пособлять, искать крови или, если убьет кого-либо (члена иной фамилии), эта другая фамилия не успокоится от поколения в поколение, вовек, пока и она не убьет кого-либо (из первой фамилии)» [11,29].

По шариату же мести подлежит только сам виновный; кроме того, рекомендуется не мстить, а получение композиций, которые единообразны в своем содержании, но достаточно высоки [3,82]. Так, Дж. Белл в своем дневнике отмечал, что у северо-западных адыгов «в соответствии с принципами Корана, наказание применяют даже к дворянам, — две сотни бычьих голов за убийство, двадцать четыре — за соращение и так далее» [12,191]. При этом в шариате, предусматривалась возможность замены кровной мести денежным выкупом, если родственники убитого прощали убийцу. Пророк Мухаммед смягчил наказание за кровавые преступления, включая убийство и непроизвольное ранение, не отягченные воровством или грабежом, заменив личную мечь узаконенным возмещением на основании полюбовного соглашения. За неумышленное убийство устанавливался выкуп, который сопровождался двухмесячным постом и отпуском на волю раба-мусульманина. Для других преступлений данной группы, в частности за телесные повреждения, ответственность также возникла по принципу возмездия, т.е. талиона.

Этот принцип закреплен в Коране следующим образом: «душа — за душу, и око — за око, и нос — за нос, и ухо — за ухо, и зуб — за зуб, и раны — отмщение» [13,18-19]. Правомерно замечание В.К. Гарданова: «Господствующий в родовом строе принцип равного возмездия — «око за око», «зуб за зуб» — был горской знатью в условиях феодализма превращен в свою противоположность, которую можно приблизительно сформулировать следующим образом: «за око — два ока, за зуб — всю челюсть» [10].

У балкарцев размер возмещения также зависел не только от характера и состава преступления, а главным образом от социального положения потерпевшего и виновного. За причинение имущественного ущерба феодалам зависимые сословия платили не только стоимость ущерба, но и штраф, намного превышающий цену материального убытка [11, 130]. Следуя нынешним законам черкесов, отмечает Ю. Клапрот, «кража, совершенная у князя, карается конфискацией стоимости, в девять раз превышающей ту, что была похищена, и дополнительно одним рабом. Тот, кто обокрал узденя, должен воз-

вратить похищенное и, кроме того, уплатить в качестве штрафа 30 голов рогатого скота» [8, 219]. Представители же феодалов за такое же правонарушение возвращали зависимым сословиям всего лишь стоимость нанесенного ущерба.

Таким образом, как у кабардинцев, так и у балкарцев правом кровной мести по адату пользовались все родственники убитого в следующем порядке: брат, сын, затем ближайшие и дальние родственники. Жена убитого могла принять на себя право мщения, если была бездетна, но из круга ответчиков женщина исключалась. Кровная месть распространялась по адату на убийцу и его ближайших родственников по восходящей» затем по нисходящей линии» т.е. право мести шло в таком же порядке», в каком шло право наследования [11,132].

Мусульманство ограничивало круг мстителей и круг ответчиков. По шариату правом мести пользовался только ближайший родственник убитого, и «месть распространялась у осетин и черкесов только на семью убийцы, но отнюдь не на весь его род» [14,82]. Шариат оказал в этом отношении некоторое влияние на обычное право народов Северного Кавказа.

Историческая продвинутость шариата по сравнению с адатами видна также на примере брачно-семейного права. По адатам браки должны были быть изогамны, т.е. равностатусны, шариат же, как и в случае с композициями, исходит из того, что все правоверные равны перед Богом. По адатам обязательным условием заключения брака является выкуп невесты у ее семьи — калым. Ф.И. Леонтович отмечает, что «калым есть плата, вносимая женихом в дом родителей невесты, — обеспечение против непостоянства мужа, который, по неудовольствию или невозможности жить с женою, захочет отправить ее в родительский дом. Тогда калым есть имение отринутой жены и средство ее жизни [1, 172]. Величина калыма зависела от сословной принадлежности невесты, от наличия или отсутствия предыдущих браков, от сословия жениха: «За девицу платится калым больше, чем за вдову, соразмеряя эту плату также с тем сословием, к которому принадлежит жених» [15,143]. Именно калым являлся тем инструментом, который: а) обозначал социальный статус женщины; б) определял брак как состоявшийся; в) материально обеспечивал женщину на случай вдовства или развода — при заключении брачного договора оговаривалась часть калыма в качестве подобного пособия [15,143]. За дворянку у черкес платится калым 1200 руб. сер., за крестьянку—600 руб; величина калыма за княжну зависит от того, из

какого дома берется невеста, — во всяком случае не менее 2000 руб. сер. Часть калыма нужно уплатить сразу после свадьбы, деньгами или скотом, лошадьми и пр., другая часть калыма остается в семье мужа как собственность жены, и почти никогда не выплачивается [1,172]. По шариату же этот выкуп — кебин передается не семье невесты, а ей самой как обеспечение на случай вдовства или развода по инициативе мужа. На практике чаще всего действовал компромисс: часть выкупа принадлежала невесте, часть — ее родне, которая на эти деньги собирала приданое [3,82].

Но и в таком виде предписание шариата было заметным шагом вперед по сравнению с обычно-правовой нормой неприкрытой продажи невесты. А.М. Ладыженский отмечал, что калым открыто не дают, но если невеста бедна, то жених дает средства на покупку ей приданого и устройство свадьбы [16,1]. Отсюда убеждение, что калым является чем-то вроде эквивалента приданого.

Таким образом, за невесту платили брачный выкуп — возмещение за трудовую и детородную силу женщины. Существовал он в четырех формах. Первая, санкционированная адатами: все возмещение шло родне невесты, было платой жениха за нее. Вторая, известная уже кодексам древневосточных цивилизаций и санкционированная шариатом: выкуп шел в пользу самой жены и вручался ей или считался долгом мужа жене как ее обеспечение на случай вдовства или развода по инициативе мужа. Третья, более всего распространенная, по крайней мере к XIX в.: выкуп делился на две части: одна из них (в литературе обычно «калым») поступала родне невесты, а другая (в литературе обычно «кебин») доставалась ей самой. За счет калыма семья невесты собирала ей приданое, входившее как его существенная часть в обзаведение молодой семьи [9,795]. Бывали, разумеется, злоупотребления, когда получатели калыма не давали приданого. Одно из них отражено в жалобе начальнику Кабардинского округа: «Отец мой, Палуан Карданов, выдал меня замуж за настоящего мужа моего Уважуко Батова, от которого и требует за меня калым в 100 руб., но я не желаю отдавать ему такового, так как он... не справлял никакой одежды» [3,82].

Калымный брак по адатам вел к брачному принуждению, предназначенному, т.е. еще не родившихся детей, сговору в колыбели или несовершеннолетних, обмену девушками-невестами и древним обычаям левирата и сорората, имеющим целью сохранить в семье однажды выплаченный калым. Был он и одной из причин похищения невест,

так как в этом случае приходилось снижать плату за «опозоренную» девушку, а родственники во избежание кровной мести помогали семье жениха собрать калым [1,173]. Кебинный брак по шариату также знал большинство этих обычаев, но в более стертom и завуалированном виде, а умыкание невест шариатом было прямо запрещено. Кодекс такого ревнителя шариата, как Шамиль, прямо предписывал, чтобы муллам, оформлявшим браки — похищения, зашивали рот [3,82].

Несмотря на противоречия многих начал адата шариату, последний оказал свое влияние на гражданское и уголовное право кавказских горцев и смягчил несколько его первоначальную суровость. Обычное право многих кавказских горцев Северного Кавказа — верное принципу не отчуждаемости дворовой собственности, исключало женщин из числа наследников. Шариат был либеральнее, но и он давал женщине право на наследование в резко урезанном виде [17,30]. По адатам, после смерти отца сыновья делят между собой поровну наследство. Старший сын имеет преимущество, сверх своей части он имеет право выбирать себе из каждого рода вещей по одной лучшей, например: одну лошадь, одного быка, одну шашку и проч. Младший сын, сверх своей части, получает одну какую-нибудь вещь, например: лошадь или шашку. Средний сын получает только свою часть. Дочери по адату не получают наследство [1, 174-175]. Жена покойного получает восьмую часть всего имущества в том случае, если остались дети; если детей нет, то четвертую [17,31]. По шариату, жена покойного получает $\frac{1}{2}$ часть всего наследства, $\frac{2}{3}$ остатка получает сын [17,31], т. е. долю, подобную доле двух дочерей [3,82]. Если после умершего остались жена и дочь, то жене выделяется $\frac{1}{4}$ часть, $\frac{1}{2}$ остатка идет дочери, а другая половина — ближайшему родственнику [17, 30]. Ф.И. Леонтович указывает, что по шариату дочь получает шестую часть «терекке», т. е. такого имущества, которое досталось отцу ее по наследству от умерших родственников [1, 175].

Адаты грубо ущемляли права замужней женщины, лишая ее доли в общесемейной собственности; шариат ей право на такую долю давал, хотя и в более урезанном, чем для мужчин, виде. Развод по инициативе женщины адатами, по крайней мере у части народов региона, не допускался, шариатом же допускался, хотя и был затруднительнее, чем для мужчин. Ю. Клапрот приводит сведения, подтверждающие ущемленное положение женщин по адатам: «Когда жених обнаруживает, что его невеста не девственница, он немедленно отсылает ее

назад семье, а калым ему возвращается. Женщина же или продается, или передается родственниками смерти. Если жена нарушает супружескую верность, муж бреет ей голову, разрезает ей уши, отрезает рукава ее одежды и отсылает домой верхом на коне к родителям, которые также или продают, или убивают ее. Неизбежная смерть ожидает виновника прелюбодеяния от рук оскорбленного мужа или его друзей» [8,219].

Таким образом, по адатам прелюбодейку-жену разрешалось не только убить, но и искалечить (хотя это могло повести к кровной мести со стороны ее родни). По шариату она предавалась суду общества, которое, впрочем, также могло лишить ее жизни. Сходным образом обстояло дело с другими домочадцами. По адатам домовладыке разрешалось их убить или продать в рабство, по шариату — только лишить наследства [3,82].

В итоге, анализируя объективные трудности, возникшие из естественной несовместимости двух правовых систем, составляющих основу феномена биюридизма, стоит отметить, что в обширной сфере отношений в семье, браке, при наследовании, в вопросах личного статуса, в конфессиональном горском социуме — нормы традиционного права — адата и шариата проявляли свою компетенцию в неравной степени. Горцы не стали ортодоксальными мусульманами, что объясняется особенностями национального менталитета, феноменом адыгэ хабзэ, или обычного права. Однако, восприняв наиболее либеральный вариант толкования, допускающий гибкую адаптацию к различной этнокультурной среде и широкое пользование местным обычным правом, народы Кавказа подвергли ислам этнизации. В итоге сложилась система биюридизма, своеобразная, локальная форма бытования, характеризующаяся органическим синтезом исламских и национально-культурных традиций. Это обстоятельство позволило им с полным правом осознавать себя этническими мусульманами. Естественный процесс адаптации мусульманского права к традиционным национальным культурно-правовым нормам сформировал некий компромиссный вариант права, который допускал законность положений и шариата, и адата [18,53]. Можно предположить, что этому способствовало и структурное сходство норм шариата с нормами обычного права, в котором также в нерасчлененном виде содержатся и правовые нормы, и нравственные принципы, и этикетные предписания. Не различия, а именно сходство позволили адыгэ хабзэ органически синтезироваться с шариатом [19,56].

Таким образом, ислам, став национальным достоянием, превратился в неотъемлемый компонент традиционной культурно-правовой системы горского социума. Синтез исламских и этнических установок определили своеобразие национального правосознания, исполнения традиций, обычаев, обрядов и ритуалов, соблюдение нравственных устоев и поведенческих нормативов, изменение форм судебной системы и характер судопроизводства. В последующем тесное функционирование культурно-правовых норм адата и шариата, составляющих основу феномена биюридизма, будет происходить в рамках и под воздействием российской административно-политической системы. В результате начнется процесс инфильтрации российского права в правовую сферу горского социума.

Примечания

1. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882–1883. Нальчик, 2002. Вып. 1.
2. Тленшева Р.М. Адатское право в период присоединения Северного Кавказа к Российской Империи // Бизнес в законе. 2008. № 2.
3. Першиц А.И. Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. 1998. №1.
4. Ногмов Ш. История Адыгейского народа. Нальчик, 1957.
5. Гелагаева А.М. Своеобразие традиционных культур народов Северного Кавказа // Материалы научно-практической конференции «Патриотизм народов Кавказа. Традиции и современность». Грозный, 2007.
6. Петров Л. Обычное право и закон на Кавказе // Кавказский вестник. Тифлис, 1901. Кн. XIII. № 1.
7. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XX века. М., 1986.
8. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах / Перевод К. А. Мальбахова. Нальчик, 2008.
9. Першиц А.И. Смирнова Я.С. Этнология права // Вестник Российской академии наук. 1997. Том 67. № 9.
10. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. XVIII — первая половина XIX века. — М., 1967.
11. Цит. по: Азаматов К.Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Диссер. на соиск. уч. ст. к. и. н. Нальчик, 1967.
12. Дж. Белл. Дневник пребывания в Черкесии. В 2-х т./Перевод К.А. Мальбахова. Нальчик, 2007. Т.1.

13. Цит. по: Тленшева Р.М. Мусульманское уголовное право в условиях современного Светского государства: Автореф. Диссертации кандидата юридических наук. М., 2009.

14. Ладыженский А.М. Очерки социальной эмбриологии // Научная мысль Кавказа. 1997. №2.

15. Цит. по: Текуева М.А. Историко-правовые и культурные аспекты статуса адыгской женщины // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 4.

16. Ладыженский А.М. К изучению быта черкесов // Революция и горец. 1928. № 2.

17. Петров Л. Обычное право и закон на Кавказе // Кавказский вестник. Тифлис, 1901.Кн.ХІІІ. № 1.

18. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально — философский анализ). Майкоп, 1997.

19. Мукожев А.Х. К вопросу о характере исламизации кабардинцев // Вестник ИГИ Правительства КБР И КБНЦ РАН. Вып. 10. Нальчик, 2003.

АКОЕВА В. В.
аспирант СОИГСИ

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ОСЕТИН

Очень важной и престижной частью комплекса мужской одежды являлся головной убор во всех его формах, какие существовали в Осетии, и на Кавказе в целом. С русского на осетинский термин шапка переводится как «хид/хода» и восходит к древнеиранскому «хауда» [1, 244].

Много шуток, обычаев свадебных и похоронных связано с шапкой в Осетии. Шапка в глазах осетина — символ мужества, силы, отваги и превосходства над женщиной, а потому она должна быть на голове неприкосновенной. Осетин считал себя оскорбленным, когда кто-нибудь дотрагивался до его головного убора. До сих пор в Осетии можно встретить изречение «Лæги ходæмæ мабал бавнала» — «Больше не дотрагивайся до шапки мужчины», что, безусловно, говорит о сакральности и неприкосновенности головного убора.

Ни о каком другом предмете своей одежды он не заботился так, как о своей шапке. «Горец мог ходить в рваной черкеске и рваных чувяках, но чтобы головной убор был образцовый. Как беден бы не был горец, но шапку старался иметь всегда отличную. Когда хотели пристыдить мужчину за трусость, ему говорили, что он не достоин носить шапку, и пусть сменит ее на платок, и тогда не будет к нему претензий, предъявляемых вообще к мужчине» [2,50-60]. По головному убору определяли возраст, пол, сословное и семейное положение человека. Важно отметить, что ношение головного убора было обязательным для всех членов общины, независимо от их пола.

М. А. Мисиков в своей работе «Этнографические исследования об осетинах» сообщает, что «многие авторы стараются объяснить это явление тем, что среди осетин много паршивых и что они, таким образом, скрывают свой недостаток. Правда, среди осетин парша

— болезнь довольно распространённая (приблизительно около 3% населения), но объяснить постоянное ношение шапок (продолжает исследователь) исключительно этим — неправильно» [3,45]. Далее Мисиков высказывает свою субъективную точку зрения: « Лично я полагаю, что на постоянное ношение шапок оказала влияние маго-метанская религия; отчасти это можно объяснить тем, что осетины находились в исключительно тревожных условиях жизни: постоянные набеги соседей, непрерывные войны — это все способствовало тому, что каждую минуту должны были быть начеку и на первый зов в полной готовности пуститься в путь; не могу себе представить осетина без шапки на коне» [4, 45].

В настоящее время основная масса осетин этих традиций не соблюдает. Лишь пожилые люди, воспитанные на принципах норм общественного поведения (æгъдау), придерживаются этих традиций, и в основном этому способствует семейная обрядность. На сегодняшний день обязательное ношение головного убора в меньшей степени выражается в свадебной обрядности и в большей степени в погребальной, где больше всего сохраняются архаичные обряды. В сельских районах подавляющее большинство пожилых мужчин носят головные уборы ежедневно.

В некоторых районах сохранился обычай красть шапку у зятя, когда тот первый раз приходил в дом к родственникам невесты (сiahсы цыд). Подростки, выхватив у зятя шапку, требовали от его друзей выкуп. Этот обычай был целиком посвящен чествованию зятя [5].

Согласно полевому и фотоматериалу, у осетин головные уборы делились на три типа: меховые (уæлдзарм худ) — головной убор, целиком сделанный из меха и широкой меховой каймой с матерчатым верхом), войлочные (нымæтхуд) — шапка, изготовленная из войлока, и шапка, изготовленная из материала — башлык (басылыхъхъ).

1. Меховые. (Головной убор, целиком сделанный из меха и широкой меховой каймой с матерчатым верхом (уæлдзарм худ)).

В русской литературе данный тип головного убора определяется тюркским словом «папах».

Папахи подразделялись на два типа:

Длинношерстные и

Короткошерстные (каракулевые).

Главным материалом изготовления папах служили овечьи шкуры разного качества. Теплые зимние пастушьи папахи делали из овчины с длинным ворсом наружу. Шерсть для данной папахи не отстрига-

лась специально. Такие папахи были теплее в суровых горных условиях, а для пастуха она являлась еще и подушкой.

С.В. Кокиев, подчеркивая разнообразную форму папахи, писал: «Зимой шляпы заменяются меховыми шапками, которые тоже чрезвычайно разнообразны, начиная от самых изящных, до самых грандиозных, как стог сена» [6, 87].

Примерно то же писал Пфафф: «Впрочем, папаха сильно подвержена моде: порою ее шьют очень высоко, в аршин и более высоты, а в другое время довольно низко, так что она немного выше шапки крымских татар» [7, 136].

Короткошерстные папахи (каракулевые) изготавливались из шкур молодых барашков. В конце XIX века во Владикавказских шапочных мастерских начинают изготавливать низкие так называемые «бухарские» шапки, которые привели к значительному изменению традиционного покрова высоких шапок, имевших форму усеченного конуса. Эта характерная особенность осетинского головного убора свидетельствует о его преемственности от алан и скифов.

В подтверждение вышесказанному можно привести цитату Е. Зичи:

«Голову они покрывают черной шапкой из кожи ягнят (папаха, ко'нд), высокой, немного заостренной и имеющей форму грузинских шапок; они никогда не снимают ее днем (осетины бреют голову), а ночью она служит им подушкой» [8,94].

2. Войлочные шляпы (Нымæтхуд).

Определенный интерес вызывает войлочная шляпа, которая была незаменимой вещью в теплое время года и была распространена по всему Кавказу. Этот вид головного убора являлся преимущественно крестьянским, рабочим.

Наименование данного элемента у всех народов Кавказа на русский язык переводилось как «шапка», с прибавкой, которая указывала на материал изготовления, то есть войлок. Скажем: «нымæтхуд» — осет., «мангал куй» — чечен., «мангал кий» — ингуш., «кийиз бёрк» — карач., «упшЭ пыЭ» — кабард., черкес.

Осетинский «нымæт» как пишет В. Абаев «восходит к иранскому -namata- этимологически связанной с — nam — бить, колотить или же влажный. С точки зрения реального процесса изготовления войлока оба объяснения удовлетворяют, но больше второе», — заключает автор [9, 202-203].

В. Уарзиати считает, что грузинское наименование войлочной

шляпы «набдис куди» является калькой осетинского «нымæтхуд». «Войлочные шапки сванов, известные в Грузии под названием «сванис куди», в самой Сванетии, обозначаются номинацией «набдиш паку», что также обозначает войлочная шляпа» [10,158-159].

3. Доде отождествляет этот вид головного убора с «монгольскими образами» [11,106].

Изготавливалась войлочная шляпа преимущественно из шерсти белого, серого или коричневого цвета, кустарным способом. Особо ценились тонкие шляпы из белого козьего пуха (тинтычъи худ). Такие шапки считались праздничными. Цветовую гамму и форму этого вида головного убора достаточно ярко описал С.В. Кокиев: «На голове летом у него войлочная шляпа белого, черного, а чаще серого и неопределенного цвета; формы ей дают самые причудливые; это зависит вполне от личной изобразительности каждого: можно встретить круглый или конусообразный верх, широкие поля, закрывающие иногда даже плечи, спущенная или вздернутая как у итальянского бандита» [12, 87-88].

По всей территории Осетии широкое распространение получила войлочная шапка с невысокой тульей и довольно широкими полями. Тулья крест-накрест обшита шнурком, которым обрамлены поля. Для сравнения: у карачаевской шляпы была высокая колпак-образная тулья и достаточно узкие поля. По своей форме к ним примыкали балкарские шляпы. Они имели небольшое опущенное поле с перекрещивающимися на макушке шнурками.

Изредка войлочная шляпа такого вида встречалась и в Осетии, особенно среди горцев Дигории, о чем могут свидетельствовать отдельные фотографии конца XIX века.

Технология изготовления шляпы из войлока достаточно трудоемка. Приготовленный войлок в виде лепешки натягивали на специальную деревянную форму (къуыдыр) и крепко привязывали, задав тем самым шапке глубину и размер. Края обрезали только после высыхания и окантовывали шнурком (как сказано выше) или сукном домашнего изготовления.

Немаловажным достоинством войлочной шапки была ее способность не пропускать воду, так что в пути владелец мог ее использовать и как «посуду» для питья воды. Свернутая в четыре раза по наружной стороне, она напоминала нечто вроде черпака, и всадник, не спешиваясь, мог с помощью такого ковша выпить воды.

3. Головные уборы из ткани. Башлык является древнейшим головным убором и бытовал у всех народов Северного Кавказа. У осетин башлык изготовлялся преимущественно из козьего пуха и верблюжьей шерсти, являлся особенно почетным головным убором и служил как для мужчин, так и для женщин. Он считался одним из лучших подарков невесты жениху. Наконец, башлык клали с покойником в могилу, его давали в качестве приза на скачках в честь умершего. Все это говорит о глубокой традиционности бытования у осетин этого вида головного убора.

Сам термин являлся лишь лингвистической калькой с общераспространенного тюркского «башлык», с тем же значением «баш» — голова, головной, предназначенный для головы. Вероятнее всего этот термин был занесен на Кавказ тюркскими племенами средневековья. Однако есть свидетельства существования данного головного убора в более раннее время. М. И. Ростовцев относит башлык к «типично иранским головным уборам» [13, 126]. Изображения скифов в этом головном уборе встречаются и на известном Бехестумском памятнике, и на серебряной вазе из Чертомыкского кургана.

Практически у всех народов Кавказа наименование башлыка на родном языке означает — голова, головной. Скажем, чечен. — башлакх, карач., балк. — башлыкъ, адыг., — шъхъарыхъон (т.е. головной). В осетинском языке бытует два термина «басылыхъхъ» и «сарыхъ». «Сарыхъ — производное от слова «сар» — голова». По мнению В. Уарзиати, этот термин мог использоваться в раннее время применительно к башлыку. Позднее термин «сарыхъ» означал другой головной убор — чалму [14,36].

Этнографические данные свидетельствуют «об исчезновении из быта осетин послемонгольского нашествия некоторых форм головного убора, входивших в комплекс одежды скифов и алан. К ним относится рогообразная шапка, известная по многим изображениям скифов на археологических памятниках и бытовавшая еще в недавнем времени у кавказских народов, в частности ингушей, абхазов и мегрел, и шлемообразный остроконечный войлочный или сафьяновый убор, идущий также от скифов. Последний, судя по находкам в Змейских аланских катакомбах, был широко распространен у алан еще в средние века» [15, 25-26].

Е.М. Малия, основываясь на вышесказанном, пришла к выводу, что «такая форма головного убора, как башлык, отличная от тюрбана или чалмы, не имеет аналогии за пределами Кавказа, вследствие чего,

невозможно его переселение из традиционного быта народов Северной Азии» [16].

Еще одно, на наш взгляд, неоспоримое свидетельство как термина, так и формы головного убора у скифов приводит Абаев, упомянув о скифском племени — *hauda* или *saka tigrahauda* — что в переводе означает «саки, носящие остроконечные шляпы». В основе данного термина лежит ираноязычное «цыргъ» (острый) и «худ» (шапка), что в переводе с осетинского означает «шапка с острым верхом» [17, 202-203].

Вероятнее всего эти остроконечные головные уборы из войлока были прообразом кавказского башлыка, который был занесен на Кавказ из Средней Азии. В процессе исторического развития войлок был заменен на ткань, в результате чего шапка потеряла свою первоначальную форму.

З. Доде, напротив, считает, что «высокие, конусовидные шапки, бытовавшие в этнографическом облике, можно связывать с монгольскими боками», т.е. были заимствованы у них [18, 89].

Башлык представлял собой капюшон с длинными закругленными на концах лопастями. Его шили из сложенного вдвое куска материи. Шов проходил сзади. При общей схеме покрой и отделка имели ряд вариаций.

С.Ш. Гаджиева подробно описывает, как носили башлык народы Дагестана: «В зависимости от времени года и погоды башлык носили:

1. надев на голову поверх папахи, скрестив лопасти спереди у шеи и затянув в узел (зимой, в непогоду) или же просто опустив лопасти (в дождь);

2. накинув на плечи как капюшон, висел на спине, а лопасти слегка завязывались на груди;

3. закинув так, чтобы башлык висел на спине, он закреплялся шнурком на шее; так башлык могли носить в любое время года» [19, 35]. Так же носили башлык и осетины.

Созданный исключительно из практических целей, постепенно стали использовать башлык как праздничное украшение мужского костюма. Этот вид головного убора был единственным, который разрешалось надевать девушке в качестве платка в дорожных условиях.

Примечания

1. Абаев В. И. Этимологический словарь. Т. IV.
2. Кокиев Г.А. Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989.
3. Мисиков М.А. Этнографические исследования об осетинах. Владикавказ, 2011.
4. Там же.
5. Полевой материал. Хадаева Тая. 1937 год. Сел. Вакац.
6. Кокиев С. В. Записки о быте осетин // СМЭДЭ. 1885. Вып. 1.
7. Пфаф. Этимологические исследования об осетинах.
8. Калоев Б.А. Осетины в глазах иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
9. Абаев В. И. Этимологический словарь. Т. IV.
10. Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа.
11. Доде З.В. История костюма народов Северного Кавказа.
12. Кокиев С. В. Записки о быте осетин. // СМЭДЭ. 1885. Вып. 1.
13. Калоев Б.А. Осетинские историко — этнографические этюды. М.1999.
14. Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа.
15. Доде З.В. История костюма народов Северного Кавказа.
16. Малия Е.М., Акаба Л.Х. Одежда и жилище Абхазов. Тбилиси.1982.
17. Абаев В. И. Этимологический словарь. Т. IV.
18. Доде З.В. История костюма народов Северного Кавказа.
19. Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков (XIX-XX вв.). Махачкала. 1960.

БЕДОЕВА И.А.
аспирант СОИГСИ

ОСЕТИНСКОЕ ЗАСТОЛЬЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Осетины наряду с существенным политическим развитием сумели сохранить и довольно сильные патриархально-родовые связи, традиции и обычаи своих предков. Одним из самых значимых этих традиций является культура осетинского застолья.

Традиционное застолье осетин тесно связано с их верой, укладом жизни и нормами общественного поведения.

Вся трапеза сопровождалась наиболее точно соблюдаемыми правилами застольного этикета. Более того, именно стол старших мужчин был ядром не только всех других застолий, но и всего праздника. Это правило сохраняет своё значение и в наши дни.

Характеристика традиционного осетинского застолья подчёркивалась целым рядом факторов. Определённую роль при этом играло распределение функций и ролей [4, 156].

Главой застолья всегда был мудрый старец. Старшему на пиру подчинялись все присутствующие. Он первый прикасался к пище. Его молитвы обязывали всех присутствующих к исполнению определённых действий [5, 81]. По правую руку от него находился второй по старшинству, по левую — третий.

Современное рассаживание гостей за столом сохранило былую социально-ролевую иерархию общества. В верхней части стола, в зависимости от возраста, размещали почётных гостей. Как правило, наиболее престижные места за столом бывали ориентированы в пространстве. Столы накрывались по оси «восток-запад» [4, 157].

Восток соотносился в общественном сознании с восходом солнца, светом и т.д. Поэтому глава застолья обращался своими благопожеланиями именно к востоку.

Важно отметить, что весь набор угощения распределялся между участниками застолья по определённым нормам. Особенно строго это проявлялось в мясном комплексе. В соответствии с возрастом

и занимаемым за столом местом гостям предлагались определённые части мяса. До сих пор сохраняют своё значение такие понятия, как: «доля старших», «доля младших», «доля женщин». Части мясной пищи выступали как символы половозрастных отношений [4, 162-163].

Наиболее символическими частями мясного комплекса были отварная голова, шейная часть и лопатка. Голова предварительно рассекалась вдоль на две равные части. Нижняя челюсть отделялась от неё и считалась долей для женщин. Голова символизировала главу застолья, шея представлялась её заместителем, а лопаточная часть была своего рода наблюдателем за всем происходящим на этой трапезе.

Голова и шейная часть поедались в последнюю очередь. В настоящее время это происходит на следующий день. Специально для этого приглашают соседей.

Итак, перед старшими, или в верхней части стола, ставили три ритуальных пирога с сыром, напоминающих форму треугольника. Поверх их клали шашлык из трёх рёбер правого бока.

В средней части стола выставляли три круглых пирога, а на них клали правую плечевую кость с мясом («базыг»). В нижней части, где места отводились для младших по возрасту, на три круглых пирога клали ритуальный шашлык из внутренностей [4,163].

Глава пиршества встаёт, сняв головной убор, и берёт в правую руку чашу с пивом, а в левую — вертел с поджаренными рёбрами. Бывает и так, что в левую руку берут верхний из трёх пирогов, на котором лежит шашлык. Бывает и так, что обеими руками он держит перед собой большую чашу с пивом, а шашлык берёт его помощник справа. В любом случае, верхний и средний пироги чуть раздвигают относительно друг друга так, что все они оказываются сдвинуты «справа/налево». Условный взгляд сверху даёт возможность видеть не один, а как бы все три пирога [4, 166].

Раньше у осетин старший по окончании довольно длинной молитвы бросал куски жареных лёгких в огонь, давал попробовать одному из младших, брал кусок себе, а остальные разносились старшим из присутствующих. Второй старший произносил более краткую молитву, держа в руке чашу араки, плескал несколько капель в огонь, давал отведать одному из присутствующих и выпивал остальное сам. Этими обрядами были освящены пища и напитки, и начинался пир [5, 83].

Глава застолья начинает своё молитвословие, обращённое к главному божеству осетинского пантеона — Всевышнему («Хуыцау»). Любое застолье начинается с Его имени и обращения к Нему со словами благодарности или просьбы.

Многократно повторяемая на едином дыхании фраза «Оммен, Хуыцау», смысл которой соответствует христианскому «аминь», была многозначна. Она придавала главе пиршества силы в искренности его молитвы, а всем присутствующим — уверенность в Божьей благосклонности и их собственном благополучии.

Закончив молитву-посвящение, старейшина передавал чашу с пивом, верхний пирог и шашлык через кого-нибудь из присутствующих в противоположный конец стола. Весь этот набор передавался младшим для причащения или вкушения от ритуальных пирога или шашлыка. Этот обряд назывался — «аходын», а бокал — «кувагтаг». Также поступали «второй» справа и «третий» слева старшие. Каждый из них брал в правую руку бокал, а в левую — лежавшие на пирогах плечевую кость («базыг») и шашлык из внутренностей соответственно. По очереди они обращались к силам небесным о благополучии данного дела.

По мере того, как второй и третий старший заканчивали свои слова, по примеру главы пиршества они передавали свои бокалы и части ритуальной мясной пищи на вкушение младшим. Трое из сидящих в противоположном конце стола отпивают или выпивают их в зависимости от своего возраста и, откусив от ритуального пирога и шашлыка, передают их другим сидящим сотрапезникам. Через кравчего («уырдыглаууаг») пустые бокалы возвращают наверх, где прислуживающая молодёжь наполняет их и передаёт старшим. После того, как они в строгой последовательности выпьют их с именем Бога, начинается пир и разрешается разрезать пироги, нарезать мясо и наполнить бокал каждого [4, 167].

Следует отметить, что трапеза начинается лишь после первого вслед за молитвой бокала, который пробует кто-то из младших. Этот обычай имеет глубокий религиозно-магический смысл. Считается, что пожилой человек как бы ни оберегал себя в жизни, может каким-нибудь образом согрешить перед небом или святыми местами на земле. А вот младшие более чисты и безгрешны, поэтому право вкушать жертвенную пищу и питьё доверяют им. Они также учитывали, что среди них может оказаться грешный человек, который осквернит их жертвоприношение, и пиршество будет иметь негативный результат.

После посвяжительной молитвы небесным силам глава застолья провозглашал все последующие тосты уже сидя.

Второй тост всегда провозглашался в честь «Уастырджи» (Св. Георгия). После Всевышнего наиболее популярным и любимым из всех небожителей является он.

Далее следовали другие тосты, посвящённые поводу данного торжества, святым покровителям общеосетинских и местных святилищ, а также присутствующим на празднестве гостям и т. д.

В середине застолья наступало время для других застольных обычаев. У осетин существует специфический обычай, суть которого заключается в поднесении участнику пиршества почётного бокала — «кады нуазæн». Делали это по инициативе старших в знак особого уважения и признания заслуг конкретного лица перед народом и обществом. Честь получения бокала вне строгой последовательности тостов ценилась в прошлом очень высоко, и достаивались её избранные люди.

До сих пор при передаче почётного бокала за столом осетины строго придерживаются определённых правил. Получивший «нуазæн» (почётный бокал) имеет право передавать его другому лицу только с разрешения старшего [1, 197].

Часто почётный бокал предназначается всем гостям, присутствующим на празднестве и украшающим его образцовым поведением в рамках этикета. Такой же бокал полагалось вручить и организаторам данного торжества.

В данном описании легко угадывается ритуал скифской круговой чаши, которую зафиксировал Геродот. Он отмечает, что скифские воины, убившие много врагов, пили вино из особой чаши. В осетинских нартских сказаниях эта чаша фигурирует под названием «Уацамонгæ». Наполненная ронгом или пивом, она сама поднимается к устам нарта, отличившегося в борьбе с врагами. Всё это говорит о том, что обычай нуазæн восходит к скифской эпохе, что подтверждается также некоторым распространением этого обычая среди адыгских народов, преимущественно среди кабардинцев, в этногенезе которых аланские элементы сыграли определённую роль [1, 197].

Итак, во второй половине, когда пиршество уже миновало свою середину, старший поднимал бокал с благопожеланиями младшим. Им желали быть достойными преемниками во всех добрых делах, молили Всевышнего, чтобы он даровал им соответствующие блага и условия для сохранения силы, отваги и нормальной жизни.

Произнеся свой тост за младших, глава пиршества передавал им бокал с долей младших («кæстæрты хай»). С этой целью отрезали правое ухо от лежащей перед старейшинами головы жертвенного животного и, разрезав ушную раковину на три части, клали поверх бокала и через прислуживающего отправляли на противоположный конец стола. Этот обряд, символизирующий послушание младшего поколения старшему, совершают в обязательном порядке [4, 170-171].

Если на столе выставлены наиболее престижные части жертвенного животного, то независимо от характера трапезы совершают обряд отрезания уха. С этой целью голова кладётся затылком к главе застолья. Для удобства шейная часть клалась слева от головы, а лопатка — сверху. Таким образом, правое ухо освобождалось от соответствующего ритуала. В случае похоронно-погребальной обрядности освобождалось, наоборот, левое ухо, то есть шейная часть укладывалась справа. В этом случае отрезанное ухо не отправляли как долю младших, а клали поверх головы. Данный обряд не только символизировал социальные и возрастные градации, но и подчёркивал эмоциональный характер застолья [4, 171].

Поблагодарив за внимание, трое из младших делили надрезанное ухо между собой. Спустя какое-то время, с разрешения главы пиршества младшие благодарили старейшин. Это делал человек, которому изначально поручалось возглавлять младших сотрапезников. В сопровождении двух молодых людей он подносил главе стола и его помощникам бокалы для старших.

Обычно все передаваемые бокалы сопровождаются небольшим куском мяса.

После ритуального обмена благопожеланиями между старшими и младшими сотрапезниками последние могли встать и покинуть застолье. Старшее и среднее поколения, занимавшие верхнюю и среднюю части данного стола, продолжали своё дело.

Начиная с середины пиршества и во второй его половине происходило взаимопосещение участников мужского, молодёжного и женского столов. В свою очередь все они посещали организаторов праздничного застолья («æфсинтæ»). Подобное взаимопосещение осуществлялось по инициативе или с разрешения главы застолья. Он назначал двух молодых представителей от своего стола и направлял их к соседнему застолью данного пиршества. В правой руке младшего была посуда с двумя — тремя бокалами и куском мяса. Поблагодарив за внимание и пожелав всем счастья, они возвращались к своему сто-

лу. Таким образом, участники пиршества, хотя и были разделены на группы по полу и возрасту, не были изолированы друг от друга.

Следует отметить также то, что мужские застолья сопровождались кровавыми жертвами, а у женщин приношения сыром и молоком. Для старших женщин было допустимо пиво, мужчинам подавали ещё и араку.

Самостоятельно выходить из-за стола было непозволительно. Возвращение человека на прежнее место вновь предполагало разрешение. Кто-нибудь из рядом сидящих подносил ему встречный бокал, и вернувшийся включался в общее число сотрапезников.

Строго регламентировалось и завершение пиршества. После того, как были подняты все необходимые тосты, поднесены все почётные бокалы, принималось решение старших о необходимости концовки. Глава застолья произносил тост в честь «Мыкалгабыр». Имя этого святого, покровительствующего материальному достатку пиршества, произносят перед самым завершением трапезы. Следом за ним произносили завершающий тост за изобилие. В нём высказывали пожелания всеобщего мира, добра, изобилия у всех организаторов и участников трапезы. Поднимался старший, и все вставали из-за стола.

Произносили специальный тост в честь покровителя путников и прямых дорог «Къæсæрысæр Уастырджи» [4, 172]. Особенно характерен он был для свадебного застолья. Тогда его произносили уже стоя. Для этого у порога дома ставили кравчего («уырдыглаууæг») с напитками и закуской. Наиболее почётных гостей приглашали поднять этот последний бокал. Каждый из них произносил тост за удачное завершение начатого дела и благосклонность «Уастырджи» в пути.

В отличие от современного стола, в прошлом столы накрывались более скромно. За столом рассаживались, строго соблюдая старшинство. Исключение делали для гостей, которых сажали на почётные места, ближе к старшим. Если старший предлагал выпить, младший брал рог, немного отпивал и возвращал обратно. Младшие раньше старших не садились за стол, зато раньше вставали из-за стола. Осетин в приёме пищи был очень скромен [6, 518]. Савва Кокиев пишет об этом следующее: «Осетин относительно пищи отличается необыкновенной умеренностью, воздержанием и выносливостью. Неумеренность и обжорство считаются большим бесстыдством, бессовестностью...» [3, 96].

Традиционный застольный этикет отличался детальной регламентированностью, предписывал жёсткие нормы поведения, как

старшим, так и младшим. От того, какое впечатление производил человек за столом, зависело мнение о нём в обществе. Уйти из-за стола и вернуться обратно для дальнейшего участия в застолье считалось неприличным [6, 518-519].

За столом осетин занимал подобающее ему по возрасту место и строго соблюдал освященный веками застольный этикет [2, 50-60].

В недавнем прошлом пиршество не знало пьянства, сквернословия и хулиганства. Удивительно, что захмелевшая публика избегала эксцессов. Зато было много песен за столом, величественных и красочных тостов и благопожеланий. Все они несли на себе не только ритуальную, развлекательную, но и дидактическую функцию. За традиционным застольем происходила своеобразная передача межпоколенной этнокультурной информации [4, 152].

Сегодня благодаря культуре застолья осетины усваивают традиционные нравственные и этические установки, укрепляют родственные связи, сохраняют память о предках и об истории своего народа.

Примечания

1. Калоев Б. Осетины. М., 1971.
2. Кокиев Г.А. Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989.
3. Кокиев С. Записки о быте осетин //Сборник материалов по этнографии. Вып. I. М., 1885.
4. Уарзиати В.С. Избранные труды. Владикавказ, 2007.
5. Хадикова А.Х. Осетинский этикет. Владикавказ, 2006.
6. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ, 2008.

ГИБИЗОВА С. Р.
аспирант СОИГСИ

НОВОГОДНЯЯ ОБРЯДНОСТЬ ГОРОДСКИХ ОСЕТИН

Новый год был одним из важнейших праздников в осетинской традиционной культуре. Его перемещение в городскую среду сопровождалось ослаблением некоторых традиций, появлением симбиотичных и новых форм культуры, тесно взаимодействующих с традициями.

Осетины праздновали Новый год (Ног бон / Нæуæгбон / Анзисæр) ровно через неделю от праздника Цыппурс, в ночь с 13 на 14 января. Традиционно ночь накануне праздника считалась особенно священной. К этому времени хозяйки готовили праздничную трапезу: из пшеничной муки делали лепешки в виде фигур людей, животных и разных предметов (дедатæ, лæппынтæ, басылтæ). Кроме того, выпекали большой пирог — æртхурон, который предназначался только для членов семьи. Пирог имел форму диска с лучеобразными линиями, расходящимися с центра на поверхности. Для разрисовки поверхности пирога имелась специальная доска — печать в форме диска [1,176]. Для начинки этого пирога æртхурон использовали лучший сыр, жир, яйца, отварные зерна злаков. По поверью, поедание пирога носит магический характер и сулит успех в наступающем году. В связи с этим в начинку добавлялись своеобразные символы будущего счастья — монетка, пучок шерсти, кусочек ткани и другие несъедобные предметы. Считалось, что тот, кому достанется кусок пирога с сюрпризом, у того и будет счастливым наступающий год [2,44].

В настоящее время редко пекут традиционные фигурки (дедатæ, лæппынтæ, басылтæ) и æртхурон. Однако традиция готовить к новому году столу угощение с сюрпризом все же осталась, чаще всего в пирог кладут монетку [3].

К новому году хозяйки стараются приготовить самые вкусные угощения. Считается, что разнообразие и изобилие новогодне

угощения «гарантирует» изобилие («баркад») в наступающем году.

В канун Нового года городские осетины — жители Осетинской и Владимирской слободок, по традиции, разжигали костры перед домами [4, 224]. Огонь в праздничном контексте воспринимался как символ обеспеченности светом, теплом, а также как оберег от злых духов в наступающем году. Затем вся семья собиралась за столом, праздничная трапеза начиналась с молитвословия хозяина дома, который благодарил Бога за все хорошее, что было послано его семье в уходящем году, и просил, чтобы грядущий год принес его семье больше благ, чтобы несчастья обходили его дом стороной. О, Хуыцау, табу дæхицæн! Хуыцау, æппæт хъуыддæгтæ рауадзæг дæ, адамы сфæлдисæг дæ, æмæ дын табу уæд! Хуыцау, дæ цæст нын хорздзинæдтæ бауарзæд! Дæхи хорзæх дæр æмæ нын де'сконд зæдты хорзæх дæр саккаг кæн. Зæронд нын йемæ нæ низтæ, нæ фыдбылызтæ, нæ зындзинæдтæ ахæссæд! Ног аз æрцæуы æмæ нын хорздзинæдтæ, сæйрагдæр æнæниздзинад йемæ æрхæссæд! Ног азы хорзæх уæд не'ппæтыдæр! Табу дæхицæн, иунаг кадджын Хуыцау! / О, Всемогущий Бог! Слава тебе! Всевышний, творец народа, слава тебе! Пожелай своему народу всех благ, а главное — здоровья и спокойной жизни! Боже, пошли нам свою благодать и благодать своих святых. Пусть наши невзгоды и несчастья исчезнут в старом году. Да принесет нам Новый год с собой мирную жизнь, а главное здоровье и еще раз здоровье! Слава тебе, о Всевышний! [5]

После семейного ужина начиналось все самое интересное. Никто не ложился спать, так как все ожидали прихода колядующих (Хæдзаронтæ / Басилтæ). Колядующие приходили с песнями и танцами, поздравлениями и пожеланиями благополучия и счастья хозяевам. Входя в дом, они непременно бросали на пол монетки, зерно, семечки, конфеты и пели песни.

Хæдзаронтæ!
 Хæдзаронтæ, хæдзаронтæ!
 Фæцæуынц уæм дæрдбæлццонтæ...
 Æддæмæ ма сæм ракæсут!
 Уæ мæсыгмæ сæ бакæнут!
 Хæдзаронтæ, хæдзаронтæ!
 Фæцæуынц уæм нæ уæгбонтæ.
 Уæ ал-аз дæр хорзæй уынат!
 Уæ фидæнмæ фæрныг дæр уат!
 Уæ лæг уын саг куыд амара!

Уæ ус уын тыр куыд ныййара!
 Хъæуваг куывд уæм куыд æрцæуа!
 Уæ басылы къух мæн куыд фæуа!
 Хæдзаронтæ, хæдзаронтæ!
 Фæцæуынц уæм нæуæгбонтæ!
 Фæхæссынц уын нæуæгбонтæ
 Фыццаг хæрзтæй хуыздæр хæрзтæ!

Хадзаронта!
 Хадзаронта, хадзаронта,
 К вам — гости. Вы не заняты?
 Как путников, встречайте нас,
 На башню приглашайте нас!
 Хадзаронта, хадзаронта,
 Минувший год — он старым стал:
 Вас новый год приветствует,
 Он к вам с дарами шествует.
 Ловцу — оленя стройного,
 Супруге — сына-воина,
 А мне от пира вашего
 Одну бы руку башила!
 Хадзаронта, хадзаронта,
 К вам новый год недаром-то...
 Он дни ведет нежданные,
 Дары несет желанные!

Хозяева же щедро одаривали колядующих едой, либо же деньгами, на что колядующие отвечали словами: «Дай вам Бог столько же счастья!» («Уал хорзæхы уын Хуыцау раттæд // ауал хуарзи уин Хуцау раттæд!»). Хæдзаронтæ / Басилтæ обходили все соседские дома, веселье продолжалось до самого утра.

Колядующие наряжались до неузнаваемости — парни могли притворяться девушками, а девушки — парнями; разрисовывали лица красками, надевали маски, изображали хромых, косых и даже беременных. Маски изготавливали кустарным способом из подручных материалов, в первую очередь из войлока черного, коричневого и серого цветов. Маска имела отверстия для рта, глаз, носа. Глазницы и отверстие для рта нарочито подчеркивались, для чего их обшивали лоскутами яркой, чаще всего красной материи. В облике маски часто

присутствовали зооморфные черты в виде небольших рожек (сагъы сыкъатаэ) [6, 82].

Особое внимание осетины придают первому гостю, переступившему порог дома в Новом году. Как правило, это бывает мужчина. Есть примета, согласно которой гость приносил либо счастье, либо несчастье в наступившем году. Гость не приходит с пустыми руками, у него всегда бывает заранее припасенная горсть зерна, либо монетки и конфеты, которые он закидывает в дом, переступая порог, при этом он желает семье благополучия и процветания в Новом году. Хозяева старались запомнить первого гостя и все происходящее за год связывали с ним.

Процесс урбанизации оказал серьезное влияние на традиционную праздничную жизнь, в ней появлялось много новаций, связанных с развитием форм профессионального искусства, с коммерческим подходом к организации культурно-зрелищных праздничных мероприятий.

В домах городской интеллигенции Владикавказа нередко были вечера с танцами. Праздничная атмосфера в городе хорошо передана в одной из корреспонденций «Терских ведомостей»: «...общественных развлечений разного рода было великое множество. Не говоря о ежегодных спектаклях в городском театре и цирке Фюрера, в котором представления давались иногда по два раза в день, публику развлекала почти непрерывная вереница увеселительных вечеров, балов-маскарадов в наших клубах... Они были многолюдны, оживленные танцы продолжались «чуть не целые ночи» [4, 224].

Традиция наряжать елку широко распространилась к концу XIX века. Елочные игрушки, как правило, изготавливались вручную и были не всем доступны. Украшением для елки служили яблоки, печенье, конфеты, орехи, специально приготовленные традиционные фигурки из теста (людей, животных, птиц). Народные умельцы вырезали деревянные фигурки, которые также являлись украшением для елки.

После революции традиция устраивать елку на Новый год пресеклась на много лет. Официально елки не проводились, а «домашние» не афишировались. Елка считалась проводником религиозной пропаганды, и только в 1935 году была «реабилитирована» [4, 282].

Организовывались массовые гулянья с шумным весельем и танцами на городских площадях. Начиналось все 25 декабря с открытия главной городской елки: на центральной площади города собирались горожане и ждали волнительного момента, когда костюмированные

Дед Мороз и Снегурочка «зажгут» елку. С поздравлениями к горожанам обращались руководители города. Празднества продолжались до Старого Нового года. Новый год стали отмечать не только в семейном кругу, но и в обществе коллег и друзей в ресторанах и ночных клубах.

Так традиционный семейный праздник обретал общественный характер. Вместо ряжения в качестве святочного развлечения местные интеллигенты предлагали устраивать для простых горожан бесплатные мероприятия с литературными чтениями и «туманными картинами». Осетинская молодежь, желая оказать «Обществу распространения образования и технических знаний среди горцев» посильную помощь, устраивала комические представления в домах своих соотечественников. Это был новый вариант традиционного осетинского колядования с исполнением песни «Хадзаронта», содержащей поздравления и пожелания благополучия хозяевам дома. Уже в начале 1870-х годов на святки в полковой штабс-квартире солдатский любительский театр ставил пьесы, устраивались танцевальные вечера [6,53; 7,153; 8,1].

Все учебные заведения устраивали для своих питомцев рождественские елки, литературные вечера с танцами, спектаклями, ученическими хорами. Народные гулянья часто включали маскарады с сюрпризами в виде бесплатных подарков каждому участнику лотереи-аллегри. В новогодние дни в Общественном собрании устраивались танцевальные вечера с ужином, в коммерческом предпочитали костюмированные вечера, любительские спектакли. Городской трек в праздничные дни был иллюминирован, молодежь каталась на катках при факельном освещении, по вечерам играл оркестр.

Городская интеллигенция заботилась о детях-сиротах и детях из неимущих семей. В приюте устанавливали елки, демонстрировали «туманные картины», готовили лакомства и подарки — сапоги, рубашки, ботинки, брюки и т.п. [8,1; 9,1; 10,99; 11,96; 12,54]. Большое оживление в новогодние праздники вносили городские магазины. Магазин Гейтена предлагал горожанам изящные картонажи, украшения для елки, хлопушки с сюрпризами, маски, веера, домино, блестящие шары, звезды, фонари, елочные конфеты и пряники, бомбоньеры, парафиновые свечи, орехи с сюрпризами, стеклянные фрукты, украшения из папье-маше. Магазин Белло реализовывал комнатный бенгальский огонь, елочные свечи, зажигательные нитки. Владикавказское общество потребителей к предстоящему празднику выписывало из Варшавы украшения для елки.

Одним из нововведений в городской среде конца XIX-начала XX века стал обычай встречать Новый год праздничным фейерверком. В городе были пиротехники, принимавшие заказы на устройство фейерверков и воздушных шаров [13,6].

Традиционная культура претерпела изменения и развивалась в новых городских формах: подвергались разрушению отдельные элементы обрядности, строгость регламентации, забывались многие исконные мотивировки праздничных действий, менялся состав участников. Зрелищно-развлекательные элементы традиционных праздников приближались по форме к городским народным гуляньям.

Советская эпоха отмечена тенденциями унификации праздника, стирания его этнических маркеров, складыванием таких всеобщих атрибутов как елка, шампанское и оливье. Однако трудно не заметить в последние годы возрождение традиционных культур всех российских народов, в новогодний праздник возвращаются традиции материальной и духовной культуры, от традиционного осетинского пива (багæны) до обряда колядования.

Примечания

1. Гаглоева З. Д. Составные элементы праздника «Ног бон» // Известия. 1958. Вып. IX.
2. Уарзиати В.С. Избранные труды. Владикавказ, 2007.
3. Полевой материал автора. 2011 год. Записано со слов Земы Гелиевой, 1950 г.р., г. Владикавказ.
4. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Владикавказ, 2008.
5. Полевой материал автора. 2012 год. Записано со слов Николая Гueva, 1926 г.р., г. Владикавказ
6. Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987.
7. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей». 1870.
8. Терские ведомости (ТВ). 1885.
9. ТВ.1889.
10. ТВ.1893.
11. ТВ.1890.
12. ТВ.1894.
13. ТВ. 1913.

ТАВАСИЕВА Э. И.
аспирант СОИГСИ

ВДОВА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Погребальные обряды занимали важнейшую часть жизни народов Северного Кавказа, так как вера в жизнь после смерти и культ предков были фундаментальной основой традиционной духовной культуры. Суровость природной среды обитания (отсутствие земли, крутые склоны, быстрые реки, камнепады и т.д.), обычаи кровной мести, отходничество, военная служба сделали самой уязвимой частью населения женщин, терявших своих кормильцев, защитников интересов семьи и детей.

В женском социуме был целый пласт, незащищенный в экономическом и правовом отношениях, — вдовы. Вдовство было социальной проблемой, обусловленной прежде всего многочисленностью. Вдовой считалась не только жена, потерявшая мужа, но и молодая, засватанная девушка, жених которой умер, либо пропал без вести. Вдовы были широко представлены разными возрастными группами.

У народов Северного Кавказа на формирование статуса вдовы, в частности, ее места в погребальной обрядности, кроме норм традиционной культуры значительное влияние оказали две религии — ислам и христианство.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть обряд оплакивания покойного вдовой, его различия у соседствующих народов, обусловленные их этнической и конфессиональной принадлежностью.

У лезгин обряды и обычаи погребально-поминального цикла в большей степени, нежели все остальные обряды и обычаи семейного быта, подвержены влиянию ислама. В общих чертах они идентичны у всех северокавказских народов, исповедующих ислам. Вдовы у лезгин (и почти у всех народов Северного Кавказа) распускают волосы

и царапают себе лицо во время оплакивания покойного. Ритуальный плач включал элемент упрека умершему. Так, обращаясь к покойнику, оставившему детей, вдова лезгинка причитала: «... на кого оставляешь детей? Кто их накормит?». Причитали и по умершему жениху: «... браслет и кольцо остались, сваты посреди дороги остались. Любимую оставил, наряды неизношенными оставил, о, сын матери!».

Специальной траурной одежды у лезгин не было. Пожилые женщины, как и в повседневной жизни, приходили на похороны в одеждах в темных тонах, женщины среднего возраста и молодые также надевали повседневную одежду, не особенно яркую [1,177].

У дидойцев вдовы, как и у лезгин, били себя по коленям, животу, причитали, царапали себе лицо, рвали волосы. Совершались эти оплакивания в течение семи дней после погребения покойного [2,126].

Описывая оплакивания покойного в горах Дагестана, П. Пржецлавский писал: «Ближайшие родственницы с растрепанными волосами и распущенной рубашкой (или одетые в кули с прорезанными для головы и рук отверстиями) колотят себя пуще других и с плачем импровизируют песню, восхваляющую достоинства умершего» [3,297].

Женская траурная одежда, которую обязательно носили вдовы, была черная с головы до ног. Носили этот траур год, а в некоторых случаях два или три года. К сожалению, более точной и детальной информации нет.

Рассмотрим обрядность кайтагов. У постели тяжелобольного (как и у всех народов Северного Кавказа) собирались близкие люди, родственники. Но у кайтагов избегали ходить к больному женщины, носившие траур. Функции вдовы у кайтагов были схожие с функциями вдов у других родственных и неродственных народов этого региона. Например, «капан» (материал обычно белого цвета изо льна или бязи, который клали на носилки в 5 — 7 слоев), так же, как и погребальную одежду, рукавицы для обмывания, должна была шить вдова. Иголки и нитки, оставшиеся после шитья, отдавались вдовам, либо выбрасывались. После выноса покойного мыла пол в комнате тоже вдова или разведенная женщина. В то же время эта женщина должна была быть пожилой. Но нет сведений о том, занималась ли вдова -кайтатка самоистязанием во время похорон.

Траур по близкому родственнику соблюдали все кайтагские женщины. Они носили подсиненные белые головные уборы «ашмаг». Траурного платья у кайтачек не было. До окончания траура вдова

должна была оставаться в том платье, в котором ее застала смерть мужа. До окончания траура она не купалась и не мыла голову. А сам траур длился обычно 40 дней. После снятия траура кайтачка говорила: «Сниму эту траурную одежду, чтоб больше ее не использовать» [4, 174,176].

Если умирал молодой человек или молодая девушка, на могиле кайтаги устанавливали после 40 дней специальные «деревца» (ветку от фруктового дерева), к которым привязывали специальные лоскутки. По этим «деревцам» люди догадывались о принадлежности могилы. Если у юноши была невеста, она сама приходила на кладбище и наряжала «деревце» [5, 105].

Возможно, этот обряд имеет общую основу с деревцем «алам», известным в поминальной культуре осетин как основной элемент поминок «баданта». Оно также богато украшалось и было показателем престижности, а со временем сменилось на подсвечник в форме деревца, который по-прежнему украшается различными сладостями.

Традиционную погребально-поминальную обрядность осетин кавказоведы считают самой архаичной и развитой на Северном Кавказе. В ней сохраняются значительные древнейшей пласты духовной культуры. В глубокой древности предки осетин хоронили с умершим не только коня, но и его жену. Впоследствии этот обычай претерпел значительные изменения, и в могилу к умершему клали косу жены, либо клочок волос, выданных ею во время оплакивания. По поверью, по косе мужу легче было найти ее на том свете. Считалось, что мужья не находят только больших грешниц. «Если я в чем-либо провинилась, то Барастыр нас больше не соединит на том свете, горе мне тогда» [5,105] — причитала вдова, имея в виду нартовского повелителя загробного мира. Оплакиванию осетины придавали большое значение, т.к. слезами женщины смягчают сердце Барастыра, и он даст покойнику «светлое» место.

Все собравшиеся надевали траурную одежду и принимали участие в обряде оплакивания — мужчины стегали себя плетьюми, а женщины били себя по щекам, рвали на себе волосы.

Могла ли осетинская вдова показывать свое горе, оплакивая и занимаясь самобичеванием? В большинстве локальных вариантов погребальной обрядности вдова не могла громко оплакивать своего мужа, тем более царапать себе лицо. Это считалось проявлением нескромности, невоспитанности, нарушением этикета и осуждалось обществом. Некоторое снисхождение имели пожилые вдовы, кото-

рые в своих причитаниях, как правило, просили: «Ма мыл фахудут» («Не осудите меня»). Осетинская вдова всегда знала свое место и свою роль во время похорон. Она стояла у ног умершего.

Этим широко известным ментальным установкам противоречит сообщение полковника Кундухова: «Прискорбно смотреть на тот варварский обычай, пришедший к вам от языческих народов, что жены после смерти мужей при похоронах бьют себя в лицо, уродуют оно царапинами и снимают с себя волосы. Вы убеждены, что это делается единственно из подражания обычаю и согласились со мной, чтобы отныне навсегда искоренить этот обычай, предоставив женщинам изъяслять скорбь одними слезами» [6].

Это запись полковника Кундухова, внесенная им в список «вредных народных обычаев в Военно — Осетинском округе», которая датируется 1829-ым годом. Возможно, в каких-либо локальных вариантах бытовали неизвестные в литературе особенности поведения осетинских вдов. Не исключено, что под термином «жены» автор имеет в виду всех женщин, а под термином «мужья» — всех мужчин.

Носить траур полагалось близким родственникам: матерям, сестрам, дочерям и вдовам. Но и здесь данные расходятся. Одни информаторы говорят о полном черном одеянии вдовствующих, а другие — о том, что ткань должна была иметь какой-нибудь неяркий и редкий рисунок. Наши информаторы сообщают, что вдова, имевшая сыновей или братьев, не одевала совсем черное одеяние с целью соблюдения «нымд», то есть не гневилла Бога, оберегая оставшихся близких людей. Понятие «нымд» и представления об этом интересном феномене нуждаются в более глубоком исследовании.

Есть сведения о том, что вдова носила во время траура то платье, в котором ее застала новость о смерти мужа [7].

Осетинские вдовы могли носить траур, как и вдовы у других северокавказских народов, сорок дней, либо снимала его после больших поминок — годовщины. Но были случаи, когда женщина всю жизнь оставалась в трауре, ограничивая себя в быту и общественных праздниках. Такая вдова нередко становилась профессиональной плакальщицей.

Очевидно, причины различий в некоторых обычаях осетин связаны с такой особенностью осетинской традиционной культуры, как поливариантность, полилокальность, сложившейся в результате расселения осетин по отдельным ущельям. Поэтому исследование мно-

гих сторон традиционной культуры не может проводиться обобщенно и должно быть основано на тщательном изучении всех бытовавших особенностей в различных ущельях и отдельных селениях.

Примечания

1. Ризаханова М.Ш. Лезгины. 19-20 в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005.
2. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы). Махачкала, 2000.
3. Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // ВС.1860. №4.
4. Алимова Б.М. Кайтаги. 19 — начало 20 вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1998.
5. Кокоева А.Б. Оплакивания. Виды плача у осетин // Известия ЮОНИИ. Вып. №27. 2005; НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп.1, д.107.
6. Полевой материал автора, 2007.

III. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ЯЗЫКЕ, ФОЛЬКЛОРЕ, МИФОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

АБАЕВА Ф. О.
соискатель СОИГСИ

ОТРАЖЕНИЕ «МУЖСКОГО» И «ЖЕНСКОГО» В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ОСЕТИН

Репрезентация «мужского» и «женского» в народной культуре осетин проявляется в отношениях между полами; мужских и женских сообществах; празднествах и трудовой деятельности; а также — в ролях и статусах (персональный код обряда); символах и атрибутах (предметный код обряда); идее и верованиях, на которых базируются понятия «мужественность» и «женственность» (мифология пола), и в том числе в усвоении мужских и женских ролей и форм поведения в процессе воспитания. С точки зрения Г. А. Левинтона, свадьба должна рассматриваться как «текст, по характеру и структуре сопоставимый с текстами повествовательными; соответственно, можно говорить о сюжете и о смысле обряда: обряд — это не столько действие «для чего-то» (прагматика), сколько высказывание «о чем-то» (семантика)» [5, 212].

«Мужской» и «женский» обрядовый символ выражается в трёх основных кодах: вербальном, акциональном и предметном.

Представление о «мужском» лагдзинад и «женском» сылон æрд в осетинской свадебной обрядности не составляет особую часть ритуала, а пронизывает весь комплекс осетинского свадебного обрядового текста. Данная особенность, безусловно, согласуется с рассмотрением А.К. Байбуриным и Г.А. Левинтоном свадебного обряда как «выражения сразу двух «точек зрения»: жениха (вкуче с его роднёй, деревней, «поездом» и т.п.) и невесты (также вместе с её окружением), т.е. как взаимодействие двух текстов, реализующих эти точки зрения, — мужского и женского (сокращённо: М-текста и F-текста), причём тексты эти существенно различаются по сюжету, по семиотизации пространства и т.п.» [3,76].

«Мужской» и «женский» свадебный обрядовый текст — это прежде всего целостный обрядовый код невесты, и лишь во вторую очередь — код жениха. В контекстуальном плане осетинской свадебной обрядности образы маскулинности и фемининности не столько отражение мужчины и женщины, сколько опосредованность действий сакральных сил в обыденной жизни. Текст жениха рассматривает свадьбу как «получение», текст невесты — как «отдачу», а для самой невесты это — «путь», «переход». Переход текста невесты в текст жениха формирует единый текст.

Отражение «мужского» и «женского» пронизывает всю свадебную обрядность осетин. Исследуя акциональный код осетинского свадебного ритуала, в предсвадебном цикле обряда, начиная с выбора девушки, сватовства минаæвæрттæ 'рвитын, главную роль выполняют мужчины. Женщины практически не участвуют, иногда и не присутствуют вообще ни на стоворе фидыд, ни на сватовстве ус курын. Женщинам в ритуале отводится молчаливая роль. Причём молчание в данном случае нам представляется формой ритуального поведения.

Сферы деятельности мужчин и женщин в свадебной обрядности осетин резко отличаются друг от друга, действуют запреты и предписания, касающиеся поведения женщин, детей, мужчин по отдельности и в совокупности. Правила и запреты относительно женщин более многочисленны и особенно жёстко соблюдаются в священных местах. Большинство запретов связано с физиологическими особенностями женщин, а также верой в тесную связь женщин с миром духов.

В осетинской традиционной культуре идеал мужчин и женщин формировался на основании глубокого понимания «мужественности» и «женственности», а те, в свою очередь, устанавливались рядом ключевых символов. Важнейшим символом мужского комплекса ка-

честв была сила, женского — красота. Данные категории выражались в их собирательном значении.

Изучение свадебного обряда как сюжетного текста подразумевает его рассмотрение в качестве обряда, состоящего из двух текстов: «текста жениха и текста невесты или текстов группы жениха и группы невесты (различия между этими двумя случаями мы рассмотрим ниже) — соответственно М-текста и F-текста» [5, 213].

В контексте осетинской свадебной обрядности мы говорим о единении понятий «мужского» и «женского», а не об их противопоставлении, хотя и не исключаем бинарность данного понятия. Обрядовое пространство представлено рядом культурных оппозиций:

1) «Левый» — «правый».

Сакральные представления о пространстве, в котором развиваются обрядовые действия, играют значительную роль в гендерной стратификации во всех обрядах. Свадебная обрядность осетин наиболее чётко демонстрирует резкое разграничение «мужского» и «женского» пространств, где эти группы почти не смешиваются. В осетинской свадебной обрядности всё, что «женское», связывается и исполняется с понятием «левый», мужское же — с понятием «правый». Понятие «левый» — женское начало, противопоставляемое «правому» — мужскому, деятельному, оплодотворяющему началу. Сакральность «левого» — в его зеркальности по отношению к миру реальному, в «инакости» мифического пространства [2, 133].

Согласно традициям осетинского застолья (фынг), справа от главного первого старшего (фыццаг хистæр) сидит второй (дыккаг хистæр), а слева — третий (æртыккаг хистæр), самый младший из них. Значит это то, что именно он ближе к матери, т.е. к «женской» левой стороне. Во время танцев, которые устраивались во время свадьбы, левый сегмент круга, предназначенного для танцев, занимали девушки и женщины, а правый — мужчины, наблюдавшие за танцами.

2) «Внешний» — «внутренний».

Мужчина символизирует выходящее, или направленное во вне, внешнее, экзотерическое, экстравертное; женщина — входящее, или направленное внутрь, внутреннее, эзотерическое, интровертное. Женщина, в соответствии с общесимволическими представлениями о «женском», выступает как деформирующее, изменяющее начало.

3) «Верхний» — «нижний».

Можно выделить концептуализированные области «мужественности» и «женственности», противопоставленные друг другу по ряду

признаков: мужское — конь — верх — белое — священное и женское — корова — низ — черное (красное) — нечистое, соответственно. Данная оппозиция находит своё чёткое обоснование при рассмотрении предметного кода свадебной обрядности осетин, который включает в себя ритуальный свадебный флаг чындзы тырыса, свадебный флажок меньшего размера, нежели тырыса сарызæд, который и включает в себя цветовые символы оппозиции «верх — низ»: белый урс — «мужской» и красный сырх — «женский». Сам флаг сделан из дерева, имеет сакральное значение «мировое дерево».

Соединение двух понятий «верх и низ» воплощено и в пищевом коде обряда, включающего в себя ритуальную чашу пива самого высшего качества (æлутон). В пиве алутон (æлутоны бæгæны) воплощен символ неба, а в чаше — земли, т.е. «верх — низ». Долей женщин (сылгоймагты хай) при распределении мяса на пиршестве была нижняя челюсть головы жертвенного животного, а мужчинам достаётся верхняя часть головы. Данный момент пищевого кода свадебного обряда также репрезентирует оппозицию «верхний — нижний».

В акциональном коде обряда оппозиция «левый — правый» видна на примере движений девушки во время свадебного танца: они направлены вниз, а движения мужчины направлены вверх. Во время танца справа всегда находится мужчина, а слева от него — женщина.

Итак, в окказиональных обрядах, коим является свадебный, прослеживается связь «женского» обрядового текста с низом, водой, землёй, очагом, домом. В то же время мужская обрядность направлена по вертикали вверх, к верхним божествам. Прослеживается также связь «женской» обрядности с наиболее освоенной частью пространства (домашность женщины). «Женская» обрядность, как известно, уступает «мужской» по своей весомости, значимости для всего общества, и в то же время в обрядах жизненного цикла осетин прослеживается глубокое почитание женщины: ус хæдзарæн йæ чысыл хур у, йæ зæды хай женщина в доме как малое солнце и ангел; ус — æнæдымгæ фæлмаен хур, бинонты зæды хай женщина — спокойное нежное солнце, ангел семьи; хорз сылгоймаг — хæдзары зæд хорошая женщина — ангел в доме; алцыдæр сылгоймагыл баст у всё завязано на женщине, бæркад сылгоймаджы къухæй цæуы изобилие исходит из рук женщины.

Ритуальное приготовление пищи в осетинской свадебной обрядности имеет разграничение на «мужские» блюда и «женские».

Пищевой код осетинской свадебной обрядности, разделяемый на «мужской» и «женский», включает в себя мясные (пирог с мясом фыдджын; мясо, сваренное в котле къуыдырвух дзидза) «мужские блюда». Молочные блюда (молоко ахсыр; сыр цыхт; пироги, включающие в себя сыр чъиритæ, уæливæхтæ), а также с растительными компонентами (пироги со свекольной ботвой цахæрадджынтæ, картофелем картофджынтæ) и ритуальный напиток пиво (бæгæны) готовились женщинами. Е. Б. Бесолова считает, что «... мифологема воды как всеобщего зачатия и порождения выступает в роли женского начала, которое, в свою очередь, может фигурировать в образах молока женщины и молока вообще. Молоко, наравне с водой, как видим, являлось мифологическим символом плодородия» [4, 137].

Свадебный обряд воспринимается как одно из ключевых событий в жизни человека, мистически и семантически отмеченный переход, от протекания которого зависит дальнейшее существование его участников, и в этот переходный момент жизни человека происходит борьба космического и хаотического начал. Свадебный обряд представляет собой регламентированный ритуал, определяющий последовательность событий, поведение всех участников, и включает большое количество действий магического характера, направленных на обеспечение благополучия, плодovitости, здоровья для главных действующих лиц, прежде всего женщин. Роли мужчины как объекта и субъекта действий в рамках свадебной обрядности отводятся место в меньшей степени. Объяснить это можно тем, что во время ритуала именно девушке уделяется особое внимание, так как ее статус кардинально меняется после свадьбы: она становится женой, женщиной, членом другой семьи, будущей матерью. Большое значение имеет выполнение различных действий, направленных на повышение репродуктивных способностей, основанных на рациональных и иррациональных представлениях. К примеру, до сих пор невесте при входе в дом жениха дают подержать маленького мальчика. Комплекс таких действий входит в комплекс обрядов плодородия.

Переход женщины в новое социальное положение совершался на основе представлений и действий, насыщенных символами, отражающими архаичные аспекты традиционного мировоззрения. В «женском» предметном коде свадебной обрядности символично использовались пища, ткани и другие атрибуты свадебного ритуала золотого (зæрин), жёлтого (бур) и красного (сырх) цветов. Семантическое поле красного цвета (сырх) включало понятия «плодородие», «рождение»,

«женское лоно». В свадебном обряде красный цвет символизирует любовь, активность, связан с идеей родов, и в то же время он выступает в качестве оберега от зловредных сил и активизирует магическое пространство, связанное с усилением плодovitости женщин.

Невеста (чындыз, усаг) — главный сакральный субъект свадьбы, жених (чызггур, усгур) — завоеватель. Именно она подвергается испытаниям и переживает основные перемены. Первая половина свадебного обряда (чызгæрвыст), проникнутая тревогой и печалью, посвящена символической смерти девушки, а вторая, которая следует после всех ритуальных действий в доме жениха (чындызхаст), как правило, весёлая, строится вокруг возрождения невесты. Лексема чызгæрвыст производно от слов чызг девушка, девочка, дочь и æрвитын посылать, отсылать; лексема чындызхаст — от чындыз невеста, невестка и хæссын уносить, уводить. На лексическом уровне прослеживается статусный переход осетинской девушки (чызг) в статус невесты (чындыз), т.е. в родительском доме она дочь, в доме жениха становится невесткой. Примечательно то, что лексема чындыз восходит к иранской этимологии, а лексема чызг — к тюркской.

Во всемирной традиции патриархального уклада жизни и зависимо-го в той или иной степени статуса женщины осетины не являются исключением. Главой семьи и социально активным членом всегда считался старший мужчина хæдзары хицау, хистæр лæг, счет родства велся по мужской линии, а женщина во многом подчинялась ему. Но это никак не говорит о приниженном статусе женщины, речь идет всего лишь о разграничении мужского и женского миров и о распределении функций в соответствии с физиологией и религиозными верованиями осетин. Среди женщин главной была распорядительница в доме, свекровь, хозяйка æфсин (хистæр æфсин, хистæр ус). Её важность в системе семейного обрядового комплекса очевидна: хæдзары бæркад æфсиныл баст у изобилие дома завязано на свекрови; æнаæфсин хæдзары бæркад наæй без хозяйки нет в доме изобилия; æфсинты армæй сой тæдзы с рук хозяек масло капает. В контексте свадебного обряда осетин именно она является главной распорядительницей ритуалов, связанных со свадьбой. Этикетное «младшинство» женщин пронизывает всю свадебную обрядность осетин. Мужские полномочия — отправление ритуалов, совершение молитв, женские — снабжение мужчин всем необходимым и пассивность в исполнении сакральных действий.

Ключевым кодом к рассмотрению «женского» и «мужского» тек-

стов ритуала у осетин считается воплощение «женского» в свадебной обрядности в архетипе феминности и его наиболее значимой ипостаси — архетипе матери как одном из универсальных культурных архетипов, являющий собой образец вселенской вечности, преодолевающей границы времени.

В осетинской традиции «мужские» и «женские» коды рассматриваются не только как дихотомия, но и как иерархия. «Мужское» обычно отождествляется также с «человеком» и «общечеловеческим». Лексема лæг является «субстратом, представленным в кавказских языках в значении «человек» — «мужчина» — «крестьянин» — «раб» [1, 20].

В этнической культуре важное значение придается духовному и практическому опыту обоих полов, разведение сфер жизнедеятельности мужчин и женщин (в сакральном и профанном мирах) способствует благополучию и целостности коллектива.

Положение женщины в традиционной культуре осетин не может оцениваться однозначно, так как статус, связанный с символической репрезентацией женского начала, не совпадает со статусом женщины как в обрядово-праздничной, так и в бытовой сферах деятельности. Негативные качества в системе бинарных оппозиций, физиологическое отличие от мужчины и принадлежность к чужому роду сообщали женщине низкий статус в сакральной сфере, хотя в реальности же он был гораздо выше: усæй цæуы хæдзары бæркад æмæ лæджы хорз от женщины исходит изобилие дома и мужская слава; усы хорз лæгыл дæр зыны доблесть женщины отражается в мужчине.

Выделение «мужского» и «женского» пантеона богов определило и участие вербального компонента в свадебном обрядовом тексте осетин. Чисто женскими богами, которым возносились и молитвы, были Бынаты Хицау (бардуаг), Сафа и Сæрызæд. Молитва невесты (чынды куывд):

Бинонтæн куд уон уарзон,
 Куд син нæ уон сайон,
 Хуардзинадæбæл косæг — мæ зæрдæ,
 Тухгин кустæн фæдар — мæ цæнгтæ.
 Мæ нивæ ба радæт-бадæт,
 Хуцау мин йеци амонд раттæд.
 Сафа, уæларв Сафа,
 Фæндараст мæ фæккæнæ,
 Устур нивæ мæмæ æркæнæ!

[6, 121].—Да буду я для всей семьи любимой,
 Да не обману их ожиданий,
 Пусть для добра работает моё сердце,
 Для неустанной работы крепки мои руки,
 А счастье моё пусть всё прибывает и прибывает.
 Пусть такой судьбой наградит меня Бог.
 Сафа, небесный Сафа,
 Дай мне счастливой дороги,
 Дай мне большого счастья! [6, 276].

«Мужской» пантеон богов составляют Стыр Хуыцау, Уастырджи, Быдыры Тæтæртупп, Тбауы Уацилла, Фосы Фæлвæра, хоры Уацилла. Основные свадебные молитвы произносятся старшими мужчинами, как в доме невесты, так и на основной части свадебного ритуала в доме жениха. Молитва старшего при вступлении невесты в дом жениха (чындзы хæдзармæ куы æрбахонынц, уыцы куывд):

Хуыцау, табу дæхицæн, Хуыцау, табу де стырдынадæн!
 Хуыцау, ацы уды дæр ды радтай,
 æмæ йæ йæ ног ссард къаимæ æмзай-æмзæронд бакæн! [6, 125].
 Боже, слава тебе, Боже, слава твоему величию!
 Боже, ты создал эту душу,
 Дай же ей состариться вместе с обретённым супругом! [6, 281].

Молитва свадебная (чындзæхсæвы куывд):

Хорз адæм, Хуыцаумæ бакувæм!
 Хуыцауæй хорздзинад ракурæм,
 Оммен, Хуыцау!
 О, Хуыцау, дæ хорзæх сын ратт,
 Дæ зæдты хорзæх дæр сын ратт,
 Оммен, Хуыцау! [6, 127].
 Добрые люди, Богу помолимся!
 Попросим у Бога милости.
 Оммен, Хуыцау!
 О, Боже, дай им от милостей твоих,
 Дай им и от милостей твоих зэдов.
 Оммен, Хуыцау! [6, 282].

Молитвы, адресованные Мады Майрæм, возносились равноценно как мужчинами, так и женщинами. Женщинами также произносились благопожелания (арфæтæ), а исполнение молитв (куывд) носило

мужской характер. Сам обряд свадьбы (чындыæхсæвы фæтк) рассматривается как молитва. Предмет свадьбы и есть сама молитва.

Традиционная брачная обрядность осетин, начиная с выбора брачного партнера и заканчивая послесвадебными обрядами, определяет конфигурацию гендерных отношений. Изучение терминологии обряда позволило нам сделать вывод, что большое количество слов производно от лексем женщина, жена (ус) и девочка, девушка (чызг): ус æрхæссын жениться, усаг невеста, усгур жених, усджын женатый, усракуырды женитьба, чызгæрвыст свадьба, чызггур жених. Сакральная ценность и важность «женского» обрядового текста очевидна. Женскому полу (сылыстæг) в свадебном обрядовом тексте осетин уделяется гораздо больше внимания, нежели мужскому (налыстæг), несмотря на то, что всё-таки главой традиционного осетинского ритуала является мужчина.

Рассмотрение гендерной стратификации свадебного обрядового текста посредством изучения символической репрезентации «мужского» и «женского» в системе бинарных оппозиций и обрядовых кодов позволило сделать вывод, что «мужской» М-текст свадебного обряда собирает черты духовного, верхнего, священного, а женский F-текст — черты бытового, нижнего, мирского. В то же время культ плодородия репрезентируется как раз посредством «женского» в контексте свадебной обрядности осетин.

Примечания

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 657 с.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука, 1973. 449 с.
3. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990.
4. Бесолова Е.Б. Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте её текстуально-вербального выражения: Монография/Учреждение РАН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 406 с.
5. Левинтон Г.А. Мужской и женский текст в свадебном обряде: (Свадьба как диалог) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.
6. Памятники народного творчества осетин / Сост. Т. А. Хамицаева. Владикавказ: Ир, 1992. Т. 1 Трудовая и обрядовая поэзия. 1992. 440 с.

БИДЕЕВА С.Г.
аспирант СОИГСИ

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОСЕТИН О ВОДЕ И ВОДНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Экологическая культура как комплекс знаний рационального природопользования, основанного на религиозном мышлении, формировалась в процессе приспособления к окружающей природной среде.

Многие виды деятельности осетин были основаны на экологических знаниях, которые передавались потомкам на протяжении веков.

Особое место в этом комплексе занимали представления о воде и связанных с ней природных явлениях, которые в течение многих тысячелетий сопровождались легендами, преданиями и суевериями. Осетины считали, что вода имеет свойство не только физического, но и духовного очищения, способность оберегать от воздействия злых духов. Сложились представления о повелителях водной стихии, среди которых зафиксированные в эпических текстах Донбеттыр и водные женские божества, своеобразные русалки — «доны чызджытæ» (водяные девы).

Донбеттыр — мифическое водное существо, владыка водного царства. Имя Донбеттыр образовано из двух компонентов: дон — вода и Петр (апостол). Таким образом, функции древнего языческого водного божества, как отмечает В.И.Абаев, были присвоены апостолу Петру после христианизации алан. Связь водной стихии с нартами прослеживается во всем эпосе. Многие герои берут свою родословную от Донбеттыра. Дочь его Дзерасса стала матерью братьев-близнецов Уырызмага и Хамыца. Сатана отдала своего сына на воспитание в подводное царство. Батрадз по матери, а Сырдон по отцу — дети воды [1,158].

Култ Донбеттыра относится к числу дохристианских аланских божеств, занесенных ираноязычными предками осетин на Кавказ.

Об этом свидетельствуют частые упоминания больших рек и морей в осетинской мифологии и эпосе, наличие у осетин поверий и обычаев, связанных с Донбеттыром. Формирование культа этого божества происходило вдали от современной Осетии, а именно — на южнорусских просторах, служивших местом обитания скифо-сарматских и аланских племен. [2, 360-361].

По народным представлениям, у Донбеттыра много дочерей, которые живут в воде и следят за ее чистотой. Они могут обрушить свой гнев на того, кто загрязнит воду. Горные реки часто разливаются от летнего таяния снегов или от дождей, поэтому женщины, приходя за водой, молились дочерям Донбеттыра (Донбеттыры чызджытæм). К ним были обращены молитвы осетин о чистой и здоровой воде, также бытовали пожелания об их благословении — «доны чызджыты хорзæх дæ уæд» (пусть облагодетельствуют тебя водяные девы) и даже проклятья — «доны чызджытæй æлгъыст фæу» (пусть проклянут тебя водяные девы).

Интересно отметить, что в мифологии соседних с осетинами народов есть представления о водяных духах, которые имеют сходные черты с осетинским Донбеттыром. Духи встречаются под разными названиями и также окружены почитанием, выражающимся в некоторых обрядах и поверьях. Б. Далгат, например, отмечал, что «в журчащих горных ручейках» на территории чеченцев и ингушей обитает дух Хинана (Мать воды), которая «сопутствует людям и предупреждает их о бедствиях». У адыгов, в частности у шапсугов, владыка вод называется Кодрош или Кардош и, по словам Л.И. Лаврова, «имеет много общего с осетинским владыкой воды Донбеттыром». В старину этому божеству молились адыги, прося у него богатого улова. Близко к адыго-осетинским божествам стоит абхазское Ет-Ныха, которому, по свидетельству Н.С. Джанашия, приносили жертву, когда приходилось «надолго останавливаться на берегу моря».

Таким образом, имея специфические особенности, сложившиеся, безусловно, вдали от современной Осетии, Донбеттыр все же имеет ряд сходных черт с подобными божествами соседних народов. Такое сходство, видимо, объясняется как общими географическими условиями, так и результатом длительного этнического и культурного общения этих народов [2, 361].

С водой были связаны многие праздничные и обрядовые действия: праздник в честь Донбеттыра «кæфты куывд». Свое название праздник берет от слова кæф (большая рыба). Это единственный в

традиционной культуре праздник, когда объектом жертвоприношения была рыба. В пиршестве принимали участие только мужчины, оно проходило с молитвами и просьбами не оставлять людей без воды и оберегать их от водной стихии.

Праздник «доныскъæфæн» (осетинский вариант православного Крещения), главным действием которого было черпание «святой» воды из рек и родников; праздник в честь водяных дев, для которых из теста выпекали различные фигурки и выбрасывали их в реки. С магической целью в воду бросали кусочки сала, чтобы как по маслу шла жизнь семьи в новом году. [3,46] Принесенная вода наделялась целебными свойствами, ею опрыскивали дом, умывались. Оставшуюся воду хранили и пользовались в целебных свойствах при заболеваниях членов семьи или сглазе. Таким образом, вода, набранная в этот период, была своего рода благодатью, которой наделялись достойные люди, те, кто раньше всех появлялся к роднику и совершал данный обряд.

Похожий обряд совершался на Пасху. Встав засветло, невестка должна была пойти к ручью, молча почерпнуть воду и как можно быстрее вернуться домой. Такая поспешность была необходима для того, чтобы первой доставить в дом воду, ибо в первой почерпнутой в пасхальную ночь воде заключается особенная милость. Кроме того, осетины верили, что тот, кто первый почерпнет воду, удостоится лучшего места в Дзанате (Раю) [3,46]. Первый после свадьбы обрядовый выход молодой невестки за водой тоже носил магический характер. После свадьбы на протяжении двух месяцев она не показывается нигде в ауле. К ней собираются девушки и молодые женщины, с которыми она отправляется за водой с небольшим деревянным ведром или кувшином. На берегу горного потока они устраивают пляски, в которых молодая не принимает участия [4,19-20]. Только после благословения водными владыками невеста впервые брала воду из источника, отныне она получила официальное право черпать воду.

В условиях малоземелья и особой заботы об урожае сформировалось множество обрядов и магических действий, смысловая нагрузка которых сводится к орошению и оплодотворению земли [5, 98].

Земледельческим дзуаром осетин считался Уацилла — бог хлебных злаков. Его имя состоит из двух компонентов — древне-иранского уац и Илла (св. Илья), оно, как и имена других христианских святых, вошло в осетинский язык после принятия аланами христианства. Это подтверждается исследованиями В.Ф. Миллера в Балкарии,

указывающего, что среди имен популярных осетинских полухристианских, полужыческих божеств встречается и Уацилла.

Уацилла имеет много сходных черт с божествами плодородия у соседних кавказских народов — вейнахов, адыгов, абхазцев и др. Б. Далгат, например, сравнивал его с чечено-ингушским Соли, являвшимся «могущественным и наиболее почитаемым богом из всех богов». У кабардинцев и адыгейцев прототипом Уацилла считается Шеузерыш, а по другим данным — Яллия, или Ялий (Илья). Весьма близка к Уацилла и абхазская Джаджа-богиня плодородия [2,351–352]. Л.И. Лавровым в топонимических заметках указывается Вациллу (ВацИллу), гора на территории лакцев, служившая местом молений во время засухи. По С.Д. Алиеву, название это произошло от лакских слов «вацIа» — «лес» и «лу» — «внизу». Но С.М. Хайдаков пишет, что название это принадлежит к тем, которые «не поддаются этимологическому анализу». В связи с этим Лавров предположил, что Вациллу находится в прямой связи с существовавшим у осетин культом Уац-Илла — св. Илья, которому осетины, как и лаки, молились для предотвращения засухи. [6, 211].

У осетин существовало множество обрядов вызова дождей во время засухи. На всей территории были расположены священные места, в которых во время засушливого периода собирались женщины и совершали различные обряды. В Алагирском ущелье таким местом служило святилище возле сел. Цамат, а у тагаурцев — в Санибанском ущелье пещера Фарныг адаг. По поверьям в этих местах в сундуках хранились чьи-то кости. Женщины окунали эти кости в реку, протекающую неподалеку, а затем обратно складывали их в сундук. По поверьям, после этого обряда всегда выпадал желанный дождь [7,146-147].

Такого рода обряд существовал и в сел. Лац. Там всеми уважаемый старейшина с семьей треугольными пирогами в засушливый период отправлялся на древнее кладбище легендарного народа «царца» просить содействия покойников относительно дождя. Он извлекал из подземного склепа десять черепов, нанизанных на веревку из лыка, спускался с ними к р. Фиэгдон, и помолившись над тремя пирогами Богу, а над четырьмя — покойникам, окунал три раза связку черепов в реку. После он возвращал их на место и отправлялся домой в ожидании дождя [8,36-37].

В Дигорском ущелье, в селении Дзинага, во время засухи покупали барана, которого приносили в жертву в честь Уацилла и устраи-

вали пир. Затем брали камень с могилы убитого молнией и клали в воду. После дождя камень ставили на место. В селении Ногкау устраивали таким же способом праздник хоры куывд (пир в честь урожая), на котором собирались все. Тут же на поляне, где происходило празднество, женщины, обливали друг друга водой с целью вызвать дождь. Затем брали камень с могилы утопленника и клали его в реку, где он оставался до тех пор, пока не начинались дожди. Подобным же образом этот обряд совершали и в соседнем селении Дунта, где священный камень для вызывания дождя брали из святилища Елиа. [2,353 –354].

Наряду со смертельными исходами поражения людей громом и молнией известны и такие случаи, в которых люди не умирали. Это было основанием для их причисления к лику святых ангелов. Считалось, что они способны угадывать настоящее и предсказывать будущее. Подобный случай был описан в газете «Терские ведомости» в 1894 г. Так ведется рассказ о жене Габуди Калоева, которая чудом осталась в живых после поражения молнией. После она приобрела статус вещуньи [9, 229–230].

Обряды и поверия, связанные с водой, Л.А. Чибиров сводит к двум основным группам: одни восходят к общему представлению о воде, как об очищающей, целительной и оплодотворяющей субстанции; другие же — к определенным почитаемым водоемам-родникам. Сверхъестественные, магические свойства приписывались не всякой воде, а чем-либо замечательной [10,109].

Н.Я. Динник и А.Л. Зиссерман, в своих рассказах о путешествиях по Кавказу упоминали о священном источнике Хуссаг-дон (спящий родник) в сел. Калак Алагирского ущелья. Вода в нем отличалась хорошими качествами, а в зимний период отличалась более теплой температурой и не замерзала [11, 344]. Источник несколько раз в день мог остановиться, а затем вновь восстановить свое течение. Осетины верили, что с его помощью можно узнать праведного и грешного человека. Если останавливалось течение родника по мольбам просящего, последнего считали праведным, в противном случае — грешником. К данному источнику собирались не только осетины, но и жители различных районов Грузии [12, 59].

Другим священным объектом является водопад Ближний на р. Шагацькомдон в Цейском ущелье. В древности он был известен под названием водопад св. Николая, что стало известно из статьи «В Осетии, Цейское ущелье», опубликованной в газете Терские ведомости №

99 1892 г. Сведения о его священности не содержатся в более поздних источниках [13,191].

В свете вышеизложенного мы можем прийти к выводу, что представления осетин о воде и водных объектах складывались в результате жизни в экстремальных и весьма суровых горных районах.

В результате воздействия мировых религий — христианства и ислама — на традиционную культуру осетин сформировалась своеобразная экологическая культура, которая явилась залогом гармоничного сосуществования природы и человека.

Примечания

1. Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.
2. Калоев Б.А. Осетины //Историко-этнографическое исследование. Изд. 3. Москва, 2004.
3. Гатиев Б. Этнографические очерки // Сборник сведений о Кавказских горах. Вып IX. Гл. III. Тифлис, 1876.
4. Чибиров Л.А. Осетинский аул и его традиции. Владикавказ: Ир, 1995.
5. Канукова З.В. Экологическая культура осетин: традиции и инновации //Устойчивое развитие горных территорий. Международный научный журнал. Владикавказ: СКГМИ, 2009. №1.
6. Лавров Л.И. Топонимические заметки //Кавказский этнографический сборник. VII. М., 1980 г.
7. Плисецкий М.С. Осетины. Исторический очерк //Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов. Том II. Москва-Ленинград, 1931.
8. Кокиев Г. Склеповые сооружения горной Осетии. Историко-этнологический очерк. Владикавказ, 1928.
9. Чибиров Л.А. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 3. Цхинвали: Ирыстон, 1987.
10. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Москва: РОССПЭН, 2008.
11. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867) Ч.2. С.-П.,1879.
12. Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества//Осетия и верховья Района, Н.Я. Динника. Кн. XIV. Вып. 1. Тифлис, 1890.
13. Попов К.П. Алагирское ущелье. Владикавказ, 2008.

ЗАЛЕЕВА З.Т.
аспирант СОИГСИ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕТСКИХ БОЛЕЗНЯХ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕТИН

Представления осетин о болезнях были непосредственно связаны с верой во всевозможные козни со стороны злых духов, либо наказанием за грехи. Считалось, что детские болезни — это посланное богом наказание за греховность родителей или неисполнение данного ими обета. Детские болезни также связывали с влиянием дурного глаза.

В народном сознании существовало стойкое убеждение, что здоровьесбережение можно обеспечить, исполняя определенные магические действия и следуя определенным поведенческим нормам. Если же нарушать обеты и вести неподобающую жизнь, можно навлечь на себя и своих детей различные болезни. Причиной таких болезней, как корь, оспа, скарлатина, дифтерит, краснуха, тифы, болезни мозга, эпилепсия, простудные заболевания и т.д., осетины видели в потустороннем влиянии, поэтому для борьбы с ними прибегали главным образом к заклинаниям, обрядам и жертвоприношениям. В.Ф. Миллер писал: «Многие болезни, производившие на них ужас, они (осетины) окружали ореолом святости, таинственности и неприкосновенности... Во всякой болезни они видят проявление гнева того или другого (дзуара) святого. Поэтому средства «лечения» почти целиком сохраняли языческий характер» [5,251].

Будущую мать старались оберегать методами предохранительной магии [1,10]. Это было связано с высокой смертностью детей при родах. При отсутствии медицинской помощи роженице стремились помочь средствами, которые сводились к религиозным магическим действиям.

Если дети в семье не выживали, использовались дополнительные магические приемы для предотвращения смерти новорожденного [1,11]. Обычно по настоянию знахарей или религиозных представителей для спасения новорожденного делали специальные жертвопри-

ношения. В разных районах Осетии обряды охранительной магии отличались друг от друга. В литературе встречаются описания, как кровью жертвенного животного (черной курицы) обливали новорожденного. Затем, закопав это животное, произносили: «Кто посягал на эту душу, пусть больше не посягает, вот ему вместо той души — душа» (Ацы удмæ бар чи дардта, уый мауал дарæд мацы бар, мæнæ йын уды бæсты уд). Интересным способом для спасения младенца служила рубашка, сшитая из семи лоскутков, которые брали преимущественно в тех домах, где были здоровые дети. Эту рубашку надевали на новорожденного сразу после рождения и надеялись, что она «защитит» младенца [2,31].

Если все же ребенка не удавалось спасти, то в этом случае существовали определенные меры, которым нужно было следовать. Если в семье умирал уже не первый ребенок, могли посоветовать поменять колыбель, считая, что она несчастливая, и поэтому дети не выживают. Бывали случаи, когда люльку сжигали или ломали, а обломки клали на могилу ребенка. Иногда совершали мнимую продажу ребенка кому-нибудь из соседей или укладывали новорожденного ребенка на несколько дней в собачью или свиную кормушку. Если и эти приемы не помогали, говорили, что женщину прокляла ее покровительница Святая Мария [2,60].

Умерших детей хоронили не на общем кладбище, а в отдельном от жилых домов месте. Над местом захоронения не делали надмогильной насыпи, не делали и поминок. Вместо этого устраивали обряд «фæдзæхст» -завещание: готовили незначительное угощение и обращались к ранее умершему родственнику, произнося: «Пусть этот ребенок будет под твоим покровительством» (Дæ фæдзæхст уæд ацы саби) [2,60].

Если умершему ребенку исполнился год, то его уже хоронили на общем кладбище. Делали маленькую могилку, на которую в течение двух недель мать ребенка приносила молоко в яичной скорлупе, заклеенной кусочком теста. Скорлупу закапывали в могилку или просто выливали на нее молоко. Или же мать просто сцеживала на нее молоко из груди. Если ребенок был постарше, то его старались хоронить поближе к могиле родственника, которому «поручали» ребенка.

Интересно у осетин отношение к рождению близнецов. Не все осетины рождение близнецов встречали с радостью, так как существовали поверья, по которым счастье обоих достанется лишь одному из них, или что один из родителей должен умереть. Для того, чтобы

оба малыша выжили, сразу же после родов выбегали во двор и стучали по дереву, приговаривая, что у такого-то родились двое малышей. Считали, что у дерева тоже есть душа и вместо ребенка могло погибнуть дерево. В случае смерти одного из близнецов, в могилу закапывали палку длиной в рост ребенка или яйцо (считалось, что и в яйце живая душа), тем самым имитируя похороны второго. При этом говорили: «Вместо души душа» — (Уды бæсты уд) [2,61].

Очень важную роль в здоровье и жизни ребенка, как считали осетины, играло имя. Если ребенок часто болел, то причину этого нередко видели в неудачном выборе имени, и имя меняли. С целью того, чтобы ребенок был здоровым и долго жил, давали такие имена, как «Фидар» — «Крепкий», «Цæра» — «Живи». Давали также имена, которые должны были, по мнению осетин, ввести в обман злых духов. «Саулæг» — «Черный мужчина», «Саукуыдз» — «Черная собака», такие имена должны были быть не замечены злыми духами [2,45]. Как писал Н.Ф. Дубровин, осетины давали помимо христианского или магометанского имени еще и «домашнее» имя, по которому и обращались друг к другу, при этом не произнося первого. Имя, данное, например, при крещении, иногда оставалось неизвестным до самой смерти [3,341].

Первые самостоятельные шаги ребенка сопровождалась также особыми обрядами. Ребенка, упавшего при первой попытке к ходьбе, очерчивали трижды кругом, используя для этого металлический предмет, а на месте падения разбивали яйцо и говорили: «Душа вместо души» (Уд уды бæсты) [2,53].

Родители обращались к знахарям, ворожеям, к муллам и поклонялись святилищам. Так, если грудной ребенок заболел, то ворожея определяла, какой из святых (дзуаров) повинен в болезни ребенка, и указывала, к какому из них следует обращаться за помощью. Мать заболевшего ребенка вместе со свекровью и одним из мужчин дома отправлялась к указанному святилищу и приносила в жертву три пирога, рог с аракой, ягненка или барана, а иногда и бычка [7,101].

Если у ребенка наблюдались какие — либо отклонения в развитии, причину видели во вмешательстве каких-то неизвестных сил и стремились выявить и обезвредить эту силу. В первую очередь делали так называемое посвящение (фæлдисинаг). Пекли три пирога, резали курицу и относили их на то место, где родился ребенок, просили принять их приношения хозяина этого места (дома) — (бынаты хицау) и не мешать больше их ребенку нормально расти.

Если ребенок долго не говорил, то его приводили в хлев, привязывали ему на шею веревку, ставили в стойло для скота и легонько били, приговаривая: «Если ты животное, то замычи, если человек — заговори» (Кæд фос дæ, уæд ныууас, кæд адаймаг дæ, уæд сдзур) [2,53].

При простудных заболеваниях, особенно при сильном кашле, мать ребенка пекла три маленькие лепешки, затем, связав их вместе, относила на перекресток трех дорог и оставляла там со словами: «Чтобы весь твой кашель остался здесь».

В качестве средства от головной боли применяли иногда первые стриженные волосы ребенка. При головных болях ребенка их зашивали в продолговатую сумочку, представлявшую собой своего рода амулет, к концам которой прикрепляли тесемки для того, чтобы обвязать ими голову. Затем закрепляли мешочек таким образом, чтобы он находился на затылочной части головы [2,59].

При болях в животе ребенка использовали пуповину (бикъ или наффæ), которую при родах старались сохранить в высушенном виде. Обычно ее заворачивали в ткань и хранили в люльке. При необходимости пуповиной массировали брюшную полость или же отмачивали ее в молоке или в воде и давали ребенку выпить. После того как ребенок вырастал и необходимости в пуповине уже не было, ее клали в специальное место, где она находилась в неподвижном состоянии. [2, 33]

Если ребенок страдал эпилептическими припадками (суртагæнаг), то рекомендовали облить его кровью жертвенного животного (кусæртаг), которого резали в какой-нибудь праздник. Когда же подозревали, что ребенок напуган, его обмывали водой, которой омывали надочажную цепь.

При появлении на теле болячек при сыпных заболеваниях ребенка несли в стойло для лошади и валяли на том месте, где привязывали лошадь. Это называлось «бæхтулаг» [2,59].

Еще одним недугом считался сглаз. Нередко болезнь и даже смерть ребенка объясняли тем, что его «сглазили». Поэтому с самого рождения детей оберегали от людей, глаз которых считали недобрым. Определить, что ребенок сглажен, было несложно: после ухода человека, которого подозревали в сглазе, ребенок мог начать плакать или капризничать. Ребенка в таких случаях относили ворожее, которая «лечила» малыша. Методы «лечения» сглаза были разнообразны, и каждая знахарка пользовалась своими. От сглаза мог излечить и мулла, который писал изречения из Корана, затем смывал их водой и обмывал ею ребенка.

Наиболее страшным заболеванием у осетин считалась оспа. Божество оспы Аларды наводило особый ужас, этому божеству практически в каждом селении отводилось место поклонения или предметы, посвященные ему [5,251]. Святые места в его честь строились без окон, а двери пробивались в противоположной от селения стороне.

Аларды боялись больше всего, так как эпидемия оспы не щадила никого, унося жизни десятков людей каждый день. Бывали случаи, когда в одном доме от оспы умирали трое и более детей, иногда погибали все дети. Но даже выжившие часто теряли слух, зрение или оставались рябыми.

По воззрениям осетин лечение оспы считалось бесполезным, даже вредным. Больного оспой не ограждали от других членов семьи, не остерегали от простуды, не готовили специальной пищи [5, 251]. Для предотвращения распространения эпидемии оспы держали пост, а ребенка протаскивали под корнем орехового дерева [3, 92].

Если ребенок все же заболел оспой, ему стелили только белую постель, тщательно поддерживали чистоту, старались громко не разговаривать, нельзя было ругаться. Муж и жена не должны были разделять брачное ложе. В комнату, где лежал больной, не впускали курицу, так как она считалась «грязной». Если в доме была свинья, то ее не выпускали из свинарника. Больного ребенка нельзя было переносить через реку. Все должны были быть веселыми. Зачастую у постели больного пели песни в честь Аларды. Пока в семье была оспа, нельзя было заниматься домашними работами, стиркой и шитьем, вывозить навоз на поля. Все лечение заключалось в том, что больного окуривали дымом от ладанки или кусочков сала, которые лежали поверх пирогов, и произносили молитву: «Как этот дым уходит, так пусть и твоя болезнь уйдет» (Ацы фæздæг куыд цауы, афтæ дæ низ дæр ацауæд). Пироги обносили вокруг ребенка и пели песню в честь божества Аларды, в которой его наделяли эпитетами «золотой», «светлый» и просили его, чтобы он не разгневался и оставил их смеющимися, обещая ему за это (нывонд) — жертву. Подобное отношение к покровителю оспы было свойственно и другим северо — кавказским народам [2,58].

Если болезнь протекала легко, пекли три пшеничные лепешки, если состояние больного ухудшалось, приносили в жертву барана или быка. Чаще всего «лечением» занимались женщины, реже — мужчины. У постели больного ребенка сидела какая-нибудь из женщин, мать ребенка или бабушка, которая время от времени повторяла в

тяжелых случаях: «Тебе, Сырх-Аларды, табу», «Пусть посвящен тебе будет наш бык, баран» (Нывонд дын фæауæд нæ гал, нæ фыс). После сказанного названное домашнее животное становилось собственностью божества и рано или поздно должно было быть заколото во имя этого божества. Однако обет давался в том смысле, что животное будет заколото только тогда, когда ребенок выздоровеет. Таким образом, если божество желает получить обещанное, должно стараться вылечить ребенка, в противном случае жертвоприношение могло не состояться.

Культ Аларды оказался в забвении в течение долгих лет, а в последнее время, в условиях возрождения «этничности», в некоторых районах, например, в Алагирском, стали вновь отмечать праздник Аларды в конце мая — начале июня. В своих мольбах люди просят о здоровье и благополучии своих детей, не вспоминая об оспе.

Представления о детских болезнях как каре за грехи, о «дурном глазе» встречаются до сих пор. После тяжелой болезни ребенку в знак его выздоровления устраивают традиционный «куывд» (моления), режут жертвенное животное и возносят молитвы, которые начинаются с молитвы к Великому Богу (Стыр Хуыцау) и Св. Георгию (Уастарджи), и так же, как и прежде, молятся божеству Аларды с просьбой сберець детей и взрослых от болезней. В последние десятилетия осетины часто прибегают к православной церкви, стараются крестить и причащать детей.

Примечания

1. Бесаева Т.З. Обычаи и обряды осетин, связанные с рождением ребенка // ИСОНИИ. Вып. XXXI. Ордж., 1976.
2. Дзуцев Х. В., Бесаева Т.З. Этнография детства у осетин. Владикавказ, 1994.
3. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. 1. СПб., 1871.
4. Кокоева А. Народные верования в детских болезнях // Фидиуæг. Цхинвали, 1972. № 7.
5. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. II. М., 1881.
6. Мисиков М.А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ, 2011.
7. Пчелина Е.Г. Родильные обычаи у осетин // СЭ. 1937. №4.
8. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ, 2008.

БАРОЕВА А.В.
аспирант СОИГСИ

КОНЦЕПТ «СВОЙ – ЧУЖОЙ». К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Данная статья представляет собой анализ векторов изучения оппозиции «свой/чужой» с целью определения основной проблематики исследования данного противопоставления в контексте современных гуманитарных исследований.

По общепризнанному мнению, противопоставление «своих» и «чужих», в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из ключевых понятий всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения.

Являясь одним из фундаментальных базовых противопоставлений, бытующих в наивном, или донаучном сознании и, соответственно, в духовной картине мира, она членит представление о мире на два полюса: проводит грань между миром, воспринимаемым носителем данного национального сознания как «свой», близкий, безопасный, оцениваемый положительно, и миром, оцениваемым как «чужой», плохой, опасный.

Ученые полагают, что подобное членение выявляет мифологический характер оппозиции и лежит в основе всех человеческих культур, как существующих в настоящее время, так и известных по историческим источникам. Специалисты не сомневаются, что именно эта оппозиция сыграла решающую роль в возникновении человеческого самосознания [9, 168]. Человек первоначально осознал себя одним из членов группы «своих» в противопоставление другим группам – «чужим», и лишь намного позднее стало возможным возникновение индивидуального самосознания отдельного человека.

Оппозиция «свой/чужой» антропоцентрична по своей сути; «свой» — «принадлежащий себе, имеющий отношение к себе», «чужой» — «не собственный, принадлежащий другим, не свой» [6, 6].

Изучение литературы по вопросу позволяет определить ряд направлений исследования проблемы «своих» и «чужих» в современном гуманитарном научном пространстве.

Прежде всего, исследователи отмечают, что отношение к объектам, воспринимаемым как «свои» или «чужие», шкалируется от восхищения до ненависти. Соответственно, имеются публикации, в которых анализируется и степень интенсивности и аксиологический знак этого отношения [2,118].

В целом понятия «свой/чужой» традиционно рассматриваются в общегуманитарном смысле.

Разработка проблемы «свой/чужой» в общегуманитарном аспекте потребовала установления определенного набора корреляций оппозиции «свой/чужой» с некоторыми другими релевантными феноменами, необходимыми для более адекватного толкования исходного понятия.

Так была установлена корреляция оппозиции «свой/чужой» с оппозицией «свой/другой», которая требует учета при теоретических объяснениях процесса и результата межкультурного общения, а также при разработке практических рекомендаций для межкультурных контактов. Дело в том, что при восприятии «чужого» коммуникант выполняет сложные когнитивные задачи и нередко сталкивается с когнитивным диссонансом: он вынужден знакомиться с резко негативными оценками «своего», высказываемого «чужим». Понятно, что негативное отношение к «своему», как правило, для представителей определенной культуры немислимо. В то же время, восприятие личностью социальных объектов с позиции «свой/другой», в отличие от оппозиции «свой/чужой», свидетельствует о коммуникативной и когнитивной гибкости оппозиции «свой/другой», и об успешности ее первичной и вторичной социализации, т.е. инкультурации и аккультурации [7,16].

По наблюдениям социальных психологов, присутствие «чужих» в картине мира, противопоставление себя «чужим» объективно способствует внутреннему сплочению и мобилизации группы любого рода, делает менее значимыми все ее внутренние различия и противоречия по сравнению с различиями и противоречиями группы с «чужими». Уже даже само по себе существование «чужого» и «чужих» угрожает в восприятии индивида и группы значимости и самому существованию «меня» и «своих». По этой причине единственной возможной и оправданной реакцией на «чужого» в рамках такого

рода бинарной оппозиции являются отторжение и агрессия. «Чужой» обязательно должен быть в результате подобной агрессии побежден, унижен, уничтожен морально, символически, а в идеальной ситуации — и физически [1,28].

В литературе обозначена и связь оппозиции «свой/чужой» с такими важными категориями как «идентичность» и «идентификация». Идентичность определяется Л.И. Гришаевой как результат некоторого процесса (идентификации), обладающего в силу своих феноменологических особенностей некоторой протяженностью во времени. Поэтому идентичности свойственны как дискретность, так и континуальность. Идентичность субъекта с учетом временной составляющей может быть осмыслена как некоторое множество «частных» идентичностей, актуальных для определенного периода жизнедеятельности субъекта и этапа его становления [2,119].

Идентичность понимается как результат осмысления человеком себя самого. Этот результат, однако, в значительной мере подвержен влиянию объективных по отношению к субъекту факторов и, естественно, культурно детерминирован. По мнению М.Н. Петроченко, можно выделить различные виды идентичности: личностную, индивидуальную, возрастную, гендерную, культурную, коллективную, этническую и др. — в зависимости от оснований, по которым личность идентифицирует себя. Соответствующие характеристики не тождественны друг другу, поэтому и результат — описание одного и того же человека — будет всякий раз иным, обнаруживая, тем не менее, некое константное ядро [6,15].

Отражая меж- и внутриэтнические отношения, оппозиция «свой/чужой» коррелирует и с такими психологическими явлениями, как формирование этнического (национального) самосознания, социального поведения и т.д.

Представления, связанные с данным противопоставлением, их оппозитивный характер обусловлены процессом становления, развития и изменения взаимоотношений людей с миром реальных объектов, особенностей восприятия личностью этих взаимоотношений, их оценки и формирования программы дальнейших взаимодействий. Каждая личность принадлежит социуму и этносу в целом, поэтому она вовлечена в многообразные и многоуровневые отношения «своего» и «чужого» в культуре: от относительно немногочисленной социальной группы до этнической общности [3,58].

Еще одна корреляция, обозначенная, хотя и не столь явно, иссле-

дователями, касается соотношения индивидуальных и коллективных стереотипов, вовлеченных в сферу оппозиции «свой/чужой» [8, 25].

Социальные психологи также отмечают релевантность противопоставления «свой/чужой» для классовой структуры общества и для профессиональных сообществ.

Для перспектив нашего исследования наиболее важной является языковое бытование оппозиции «свой/чужой». Известно, что представление о «своем» и «чужом» содержится в сознании человека, но проявляется во всех сферах действительности, что подчеркивает его знаковую, семиотическую природу. Оппозиция «свой/чужой» как некоторое представление о мире является понятийной категорией и, как таковая, имеет отражение в языке, проявлена в языковой картине мира, а следовательно, может быть определена как семантическая оппозиция. Как смысловой компонент оппозиция реализуется в семантическом пространстве языка, основной критерий ее выявления — это наличие семантики «свойственности/чуждости».

Оппозиция «свой/чужой» имеет широкий спектр способов реализации в языке и действительности, которые еще не были достаточно подробно выявлены и изучены [4,16].

Изучение научной литературы, посвященной анализу языковой ипостаси оппозиции «свой/чужой», убеждает в том, что в настоящее время данное понятие привлекает все большее внимание ученых, работающих в рамках относительно молодой междисциплинарной области знания, которая получила название лингвокультурологии.

Лингвокультурология рассматривает явления языка в рамках когнитивной парадигмы. Объектом лингвокультурологии является исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями, и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком. Объект размещается на «стыке» нескольких фундаментальных наук — лингвистики и культурологии, этнографии и психолингвистики [5,190].

Предметом исследования этой науки являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания — архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, пословицах, поговорках и т.д. [4,29].

В проанализированной нами научной литературе оппозиция

«свой-чужой» как лингвокультурологический феномен чаще всего рассматривается не как отдельная проблема, а как один из значимых параметров при изучении с применением методики контент-анализа таких прецедентных текстов, как сказки, легенды, мифы наиболее значимые для данного конкретного лингвокультурного сообщества авторские, главным образом, прозаические произведения художественной литературы, тексты СМИ и т.д. Кроме того, оппозиция «свой/чужой» неизменно затрагивается в работах по контент-анализу политического дискурса [7,94].

Между тем оппозиция «свой/чужой» представляет несомненный интерес не только с точки зрения когнитивной текстологии.

Будучи одним из самых осевых понятий, вокруг которого формируется любое лингвокультурное сообщество, данная оппозиция должна быть достаточно показательным образом репрезентирована в лексике языка, как на уровне отдельных слов, так и в паремиологическом фонде.

Поэтому изучение языка, и в особенности лексики языка, как известно, является едва ли не самым надежным способом проникновения в ментальность этноса.

Анализ лексических единиц, с помощью которых реализуется концепт «свой/чужой», очевидно, целесообразно выполнить в терминах ЛСП. При этом наиболее продуктивным может оказаться изучение не только тех лексических единиц, которые традиционно отображены в качестве отдельных статей тезаурусных словарей соответствующих языков, основанных на компонентном анализе, но и с учетом максимального ассоциативного контекста бытования лексики, репрезентирующей оппозицию «свой/чужой», что предполагает применение элементов ассоциативного эксперимента.

Небезынтересным может оказаться изучение фонда лексики понятий «свой» и «чужой» в диахроническом аспекте.

Не менее интересным нам кажется исследование языковой репрезентации указанной оппозиции в связи с индивидуальным стилем отдельных авторов.

Однако наиболее актуальным в настоящее время представляется сопоставительное изучение объективации оппозиции «свой/чужой» в разных языках.

Все эти вопросы и проблемы еще только ждут своих заинтересованных исследователей.

Примечания

1. Голованова Е.И. Пространство «свое» и «чужое» // Русский язык и народная культура. 100 очерков и бесед на радио / Под ред. Л.А. Глинкиной. Челябинск, 2003.
2. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Академия, 2007.
3. Кон И.С. К проблеме национального характера // Язык и культура: хрестоматия по спецкурсу для студентов-филологов / Под ред. проф. Л.Г. Саяховой. Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 2000.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие для вузов. Academia, 2001.
6. Петроченко М. Н. Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах : Дис. канд. филол. наук : 10.02.01. Томск, 2005.
7. Пивоев В. М. «Свое» и «чужое» в этнической и национальной культуре // «Свое» и «чужое» в культуре: Сборник научных статей / Отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998.
8. Сахно С.Л. Логический анализ языка. Культурные концепты / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991.
9. Вестник Ставропольского государственного университета № 54, Ставрополь, 2008.

ГАГЛОЕВА А.Х.
соискатель СОГУ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В ОСЕТИИ 40-50-Х ГОДОВ XX В. И РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ТРУДАХ НАФИ ДЖУСОЙТЫ

Осетинская литература имеет свою историю, отмеченную крупными достижениями, имеет свои традиции и своих замечательных мастеров слова.

Осетинская советская литература на всем протяжении своего развития верно служила интересам трудящихся, делу их культурного развития и эстетического воспитания.

Вся история осетинской и мировой литературы, свидетельства многих выдающихся писателей прошлого и настоящего подтверждают значение критики как сферы широкого осмысления процесса жизни через явления искусства, как определенной области самосознания литературы и общества.

Осетинская литературная критика, как и литературоведение в целом, возникла в начале XX века, но интенсивное развитие получила в советское время. «В дореволюционной Осетии не было ни одного не только свободного, капитального исследования, но даже развернутого критического очерка о произведениях первых зачинателей осетинской художественной литературы» [2, 2]. Были, однако, в публицистике, в письмах и других формах критические высказывания о родной литературе. В статьях и письмах К. Хетагурова, Е. Бритаева, Г. Дзасохова, Г. Баева, А. Цаликова мы находим проблески эстетической мысли [7, 32].

Послевоенные десятилетия, по верному замечанию Нафи Джусойты, были самым трудным периодом в истории развития осетинской литературы. Ушли из жизни классики Арсен Коцоев, Нигер. С полей войны не вернулось целое поколение молодых творческих сил. Их место в литературе заняли бездарные писатели, хор которых заглушал голос таланта и правды.

Постановления ЦК партии по идеологическим вопросам, принятые в 1946-1948 годах, тормозили дальнейший рост всей советской литературы, в том числе и осетинской. В постановлениях говорилось, что у советской литературы «нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитывать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, готовым преодолеть всякие препятствия. Поэтому всякая проповедь безыдейности, аполитичности, «искусства для искусства» чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа и государства» [16, 15]. Однако на деле принципы партийности и соцреализма лишали литературу эстетической направленности, художественного осмысления действительности, критической оценки явлений жизни.

В 1946 году бюро Северо-Осетинского обкома партии в своем постановлении отметило, что «недостатки и ошибки, отмеченные в решении ЦК, имеют место и в осетинской советской литературе». Писательская организация «приняла меры» к исправлению этих недостатков и ошибок. Критика стала более активной. Но отдельные горе-критики, оказавшись в плену вульгарного социологизма и догматизма, тормозили рост литературы, особенно критики и литературоведения. Их выступления носили субъективистский характер. «Встав на пути нигилизма, они порочили литературное наследие осетинских писателей прошлого» [17, 2].

В декабре 1954 г. состоялся Второй съезд советских писателей. На съезде специально разбирался вопрос о литературно-художественной критике. В своем Приветствии ЦК КПСС четко и ясно давал свои установки, определял эстетические принципы литературы: «Долг советских писателей — создавать искусство правдивое, искусство больших мыслей и чувств, глубоко раскрывающее богатый душевный мир советских людей, воплощать в образах своих героев все многообразие их трудовой деятельности, общественной и личной жизни в неразрывном единстве» [8, 28]. Кажется, эти установки полны здравого смысла. Но они на практике превращались в догмы. Далее в документе говорится: «Социалистический реализм дает возможность проявления широкой творческой инициативы, выбора разнообразных форм и стилей, в соответствии с индивидуальными склонностями и вкусами писателя» [16, 24]. Как видно из этого определения, сам метод соцреализма не идет против принципов эстетики. Но бездарные

писатели и критики искажали его содержание и суть, требовали от искусства восхваления достижений советской власти, отрицали критическое восприятие действительности и насаждали теорию бесконфликтности.

Из задач, поставленных перед литературой в целом, вытекали и задачи литературной критики: «Все еще серьезно отстают литературная критика и литературоведение, которые призваны разрабатывать богатейшее наследие классики и обобщать опыт советской литературы, содействовать идейно-художественному росту нашей литературы» [8, 27].

На съезде советских писателей справедливо были осуждены вульгаризаторские тенденции в литературной критике, попытки упрощенного понимания художественного творчества без учета индивидуального своеобразия писателя. Было подчеркнуто, что метод социалистического реализма предполагает бесконечное богатство и многообразие в области художественной формы.

Период «оттепели» открыл перед литературоведением возможности для научного изучения содержания литературного процесса. Отброшен прочь догматизм и созданы условия для смелых литературных исканий. Возникла возможность бережного отношения к национальному достоянию, к лучшим ценностям, созданным народами за время их существования.

Тематика литературы по сравнению с военным периодом заметно расширилась. Наряду с военной темой, внимание писателей привлекали и историческое прошлое народа, и жгучие проблемы современности.

Однако состояние литературной критики в 50-е годы оставляло желать лучшего. «Неидеальная критика со всеми ее человеческими страстями и противоречиями, со всей тенденциозностью и ограниченностью — главный результат этого периода» [11, 168]. Возникла потребность, с одной стороны, все же охватить весь литературный процесс, оценить путь развития современной поэзии хотя бы в самых общих его чертах.

Смысл нового этапа в развитии советской литературы усматривался в «сближении литературы с жизнью», в повороте писателей к изображению «рядового советского человека», в выходе литераторов «на передний край наступления на старое». Подчеркивались обращение писателей к «наиболее важным и насущным проблемам времени», повышение их гражданской активности, «рост гуманистическо-

го пафоса» литературы, развитие аналитического характера» литературы, углубление художественного исследования действительности [1, 29].

На рубеже 50-60-х годов значительно оживилась работа по изучению творчества современников Коста Хетагурова, главным образом литераторов критического направления. Заслуживают внимания монографические труды литераторов Южной Осетии, в частности, Н. Джусоева — «Сека Гадиев» (1958), С. Габараева — «Инал Кануков» (1960), Л. Цховребовой — «Жизнь и творчество Гадиева Цомака и русская литература» (1961). Из крупных работ литераторов Северной Осетии следует отметить книгу Т. Епхиева «Коцоев Арсен» (1955). Кроме того, большое количество очерков публиковалось в литературных и научных журналах, а также в газетах. Появились в печати ценные исследования Х. Ардасенова «Творчество поэта Гурджибекова», «Георгий Малиев», «Поэма А. Кубалова «Афхардты Хасана».

Вся эта научно-критическая литература сохраняет, однако, произвольные и не очень продуманные суждения о природе литературной формы, об отношении к литературному наследию, о характере языка и стиля, метафор и других тропов. «Почти общим недостатком этих работ является увлечение биографическими подробностями писателей и уход от идейно-художественного решения многих проблем осетинского критического реализма. На некоторых работах видна печать спешки, отсутствия научно-теоретических выводов и анализа» [2, 3].

Разговор о состоянии и судьбах критики был крайне необходим. Но критика едва выходила на путь профессиональный. Рядом с солидным трудом по истории литературы, рядом с сочинениями литературоведов не было книг, принадлежащих перу критиков, а на страницах газет и журналов нельзя было встретить проблемных, обобщающих большой опыт писателей литературных статей. Приходилось лишь мечтать о разработке вопросов теории.

Вопросы литературоведения и литературной критики широко рассматривались на первом (в 1954 г.) и особенно на втором съезде (1958 г.) писателей Северной Осетии. Вызывало серьезную тревогу отсутствие смелой и принципиальной критики в рядах самой писательской общественности. Бурно развивающиеся жанры прозы, поэзии, драмы требовали быстрой оценки и научного изучения. Жизнь требовала совершенствования не только национальных форм осетинской литературы, но и отказа от тех методов, которые не гармонируют с новым содержанием литературного произведения. Критика

отстала, стала самым слабым звеном в осетинском литературоведении.

«Уровень критики низок... Сами критики любят поговорить о формализме. Искоренять это зло, разумеется, нужно, и безотлагательно. Но что может сравниться с формальным отношением самой критики к литературному процессу. Беззубая рецензия, вялая мысль рецензента, бесцветный, бездыханный язык его статьи — это ли не формализм, это ли не бездушная отписка. А ведь речь обычно идет о новом труде писателя, об его исканиях, о том сплаве идей, мыслей, чувств, наблюдений и впечатлений, который рождает песню или эпическое произведение» [18, 6].

Критика явно отставала от требований роста литературы. Строгое, доброжелательное наступление критики часто определяет судьбу писателя, заряжает его вдохновением, помогает ему освободиться от случайного, окрыляет настоящий талант.

Бывают в литературе периоды, когда вдруг появляются в ней живые, свежие силы, самостоятельные и первоклассные таланты. Общее сочувствие встречает тогда новое направление, потому что, какие бы недостатки ни оказались за ним впоследствии, оно вносит нечто новое в общество, среди которого явилось, трогает его живые струны. В себе самом, в своей прочной связи с жизнью, откуда взялось, в своей самостоятельности и в даровитости своих представителей находит оно силы и твердость духа идти по прямому пути и увлекать за собой массу. Таково было движение, сообщенное нашей литературе Нафи Джусойты.

«Нафи Джусойты создал целый мир художественных творений, образов и картин, мир научных исследований, поразительных по своей глубине эстетических и этических мыслей. Его публицистика поднимает широкие, животрепещущие вопросы времени. Нафи Григорьевич всегда стоял на передовой литературной борьбы, всегда защищал истину, высокое искусство и прогрессивные идеи» [3, 4]. Во всех видах творческого труда он выступает как глубокий мыслитель и оригинальный художник, его мировоззрение отличается глубиной проникновения в суть вещей и явлений. Успех писателя и критика зависит как от его таланта, так и от его мировоззрения. «Видение мира — одно из важнейших свойств художественной личности, без самобытного видения мира нет художника, — пишет Джусойты. — От характера видения мира зависит оригинальность его мысли, эмоций, образных представлений, концепций мира и человека» [5, 79].

Он — творец, мыслитель, ученый. Сочетание этих компонентов — залог успеха.

Нафи Джусойты прошел сложный путь творческих исканий, идейной борьбы и художественных прозрений. «Гармония слова и славы Нафи Джусойты помогли разрушить «железный занавес» в осетинской словесности, отделявший литературоведение от художественной литературы. В этом истинное, подлинное и необратимое значение его творчества» [19, 152], — пишет о Нафи Джусойты Борис Хозиев. Действительно, Нафи внес живую струю в литературную жизнь Осетии.

Нафи Джусойты в высшей степени наделен как творческим воображением, так и критическим умом. Он пишет: «Критика для меня не была специальной профессией. Критические статьи писал ради блага литературы: защищать хорошее произведение и оградить литературу от словесного суррогата» [4,104]. Эту миссию он выполнял упорно, мужественно, успешно. Решению этой задачи способствовали его художественное чутье, глубокое знание теории литературы и полемическое мастерство. Можно сказать, что он верно определил место каждого писателя и произведения в истории осетинской литературы. Пришлось вести самоотверженную борьбу против официозных авторитетов и их правительственных покровителей, но он с честью выдержал это нравственное и творческое испытание.

Поэт и мыслитель в процессе творческих исканий и освоения традиций мировой классики стал отвергать примитивные поэтические подделки, которые в те годы считались образцами поэтического искусства. Он ратовал за правду, за искренность, за живое поэтическое слово. Смело использовал фольклорные мотивы, народную речь, диалектизмы.

В 40-50-е годы в литературе возродились тенденции отрицания исторического прошлого осетинского народа, его культурного наследия и национальной самобытности. «Незрелая литературная критика, отвечая требованиям партийной идеологии, с позиций вульгарного социологизма вела ожесточенную борьбу против традиций классики, под видом борьбы за реализм утверждала принципы теории бесконфликтности» [3, 4]. Влияние подобной критики пагубно сказывалось на развитии как литературы, так и всей гуманитарной науки.

Под запретом оказались многие корифеи национальной литературы и отдельные их сочинения (Т. Мамсуров, И. Кануков, Е. Бритаев, Ц. Гадиев). Еще в 30-е годы писатели отмечали, что «осетинская

поэзия превратилась в агитки на тему дня» [14, 3], что в лирике того периода «ударники труда не являются живыми, мыслящими людьми, а машинами, которые ничего не чувствуют, не могут думать и страдать...» [9, 2].

Эти негативные тенденции усиливались в начале 50-х годов. «Лирика превратилась в одиозное воспевание достижений социализма. Поэмы того времени — это былинное восхваление ратных и трудовых подвигов строителей новой жизни. Многотомные романы и повести представляли собой бесцветные, но контрастные картины темного прошлого и светлого настоящего. На сцене царила комедия или мелодрама, выставляющая напоказ радости жизни» [3, 5]. В.А. Ковалев отмечает: «Во второй половине 50-х годов послевоенное десятилетие зачастую оценивалось как ущербное, не давшее серьезных завоеваний, как время общего отхода от лучших традиций советской литературы. Говорили о периоде «простоя», об «издержках художественного развития» и даже о «кризисе»» [11, 17].

В этих условиях Н.Г. Джусойты пришлось бороться за судьбу литературы и культуры. В своих критических выступлениях он страстно отстаивает традиции классики. Сборник его критических статей получил соответствующее название «Ирон аив дзырды сæрвæлтау» — «В защиту осетинского художественного слова» (1966). В этом сборнике показан литературный процесс и развитие критики в Осетии в трудные годы ее истории. Он еще раз показал себя ярким критиком и литературоведом, который сочетает академическую скрупулезность с темпераментом и принципиальностью борца. Его труды отличаются глубиной мысли, оригинальностью суждения и простотой стиля.

Н. Джусойты писал: «Критиковать литературный процесс необходимо, но если это дело не станет общим для писателей, то пользы не будет. Я работал над этим как мог» [4, 39]. Этой работой он подтвердил истину, высказанную известной писательницей О. Форш о работе настоящего критика: «Хороший критик — это вовсе не дополнение писателя, не прикладная какая-нибудь величина. Он существует сам по себе. Это — писатель, который имеет такое же творческое хозяйство, как писатель-художник, но у него превалирует над всеми качествами суждение. Он умеет мобилизовать гораздо скорее, чем художник, свои творческие силы, и они более подчинены его сознанию и воле» [13, 3].

1950-е годы — смутное время в истории осетинской литературы. В печати в течение нескольких лет шла борьба против примитивных

позиций вульгарного социологизма. Необходимо было в первую очередь защитить литературное наследие от вульгарной критики. Эту задачу перед собой поставил Н. Джусойты — он встречал отчаянное сопротивление приверженцев устаревших традиций, но убедительно доказывал схематизм и художественную несостоятельность произведений, которые получали одобрение и поддержку официальной критики. Постановлениями обкомов лучшие достижения осетинских писателей объявлялись воплощением идей буржуазного национализма и подвергались запрету.

Однако ни у осетинских писателей, ни у осетинской интеллигенции не оказалось достаточно сил и мужества для защиты литературного наследия, мужества, чтобы во весь голос возразить против негативных тенденций, исходивших от вульгарной критики и ее покровителей. Необходимо отметить, что в те годы было опасно говорить правду. Но Нафи утверждал свой нравственный принцип: «Лæг хъуамæ цыфæнды уавæрты дæр лæг уа» [4, 77].

Когда в печати появилась историческая драма Ц. Гадиева «Ос-Багатар», она сразу же подверглась критике. Писали, что Цомак искажает историческую действительность, пропагандирует буржуазно-националистическую идеологию. Рецидивом такой критики явилась статья Хазби Джиеова «Социалистическое содержание и национальная форма». Автор — апологет вульгарной критики. Он утверждал, что драматург, создавая свое произведение, не опирался на марксистско-ленинскую теорию отражения, не показал историю с позиций классовой борьбы, более того, идеализирует царя Ос-Багатара.

Нафи Джусойты, как истинно талантливый литературовед, борющийся за возрождение традиций классики, доказал фактическую несостоятельность статьи и некомпетентность ее автора. В статье «Зынг загъынаей ком нæ судзы» (1952 г.) Нафи Джусойты уточняет время действия трагедии (XIII-XIV вв.), верно определяет характер и суть ее конфликта — борьба осетинских и грузинских крестьян против грузинских князей-угнетателей, борьба народа против деспотизма, борьба за свободу и национальную независимость. Сам Цомак утверждал, что Ос-Багатар — не царь, а вождь вольных горцев, сложная, противоречивая личность. К этому выводу приходит и Нафи Джусойты: «Цомак не идеализирует своего героя, т.к. в драме поставлена проблема вождя и народа, проблема обреченности вождя, если он начинает предпочитать «вселенскому горю» и «счастью народа» личные радости и горести, личные и сословные интересы» [15, 219].

Лучшим поэтам чужды прямолинейные и скоропалительные выводы о времени и событиях. Они стремятся осмыслить открывшуюся перспективу полноты жизни, большого человеческого счастья [10, 538].

Сенсацией стало появление в центральной печати статьи Нафи Джусойты «Воспитание чувств и обычай». В свободной форме философского эссе автор глубоко и всесторонне освещает историю обычая, его роль и место в культурной жизни народа, его соотносимость с законом и современной реальностью. Сопоставляя красоту и мудрость народного обычая, и пустоту внедряемых партийными функционерами обрядов, мыслитель делает смелый вывод: «Надо не отваживать людей от подлинно народных традиций, а приучать их уважать отличать подлинное от подделки, народное от сословных наслоений и суметь самим творить в духе народного нравственного и эстетического наследия» [6, 30]. Естественно, такие мысли вызвали бурю негодования в партийных кругах, и «штатные наставники от искусства» ополчились против непокоренного мыслителя, отрицая неопровержимые факты.

«Для того, чтобы критик имел право на внимание писателя, необходимо, чтобы он был талантливее его, знал историю и быт своей страны лучше, чем знает писатель, и вообще — был интеллектуально выше писателя» [12, 3], — писал М. Горький. Н. Джусойты полностью оправдал слова великого классика, т.к. его называют интерпретатором осетинской литературы, литературным критиком с широким диапазоном интересов.

Верно отметил Борис Хозиев, что «закономерный приход Нафи Джусойты в национальный литературный процесс значителен как в научно-творческом, так и в общественно-политическом отношении. Вместе с другими выдающимися десятилетиями нашей культуры он до глубинной сути понял дух нового времени, не испугался того внутреннего перелома, который пришлось пережить каждому представителю интеллигенции в постсоветском пространстве.

С именем Н.Г. Джусойты связан самый сложный период в развитии осетинской литературы второй половины XX века, период художественного созревания и профессионализации, открывший новые пути в ее становлении» [19, 156]. Зрелая, профессиональная критика призвана способствовать расширению идейного кругозора художника и совершенствованию его мастерства. В этом отношении критическая мысль Нафи Джусойты выполняла свою ответственную задачу.

Непременное условие успешного развития художественного процесса — правильные взаимоотношения литературы и критики, предполагающие их взаимное уважение, не субъективистский, а личностный, но объективный подход к произведению, опирающийся на научную методологию его интерпретации. В критике всегда есть нечто ранящее авторское самолюбие, и все же без критики, без принятия всего рационального, что в ней заключено, нет истинного творческого роста художника. Н. Джусойты являет собою образец благородного и приверженного пользе и искусству отношения к критике. Он писал: «Критикуя произведение, необходимо, во-первых, учитывать сюжет, который направлен прогрессивно в будущее, на то, с какой творческой силой показаны вопросы, которые рассматриваются в сюжете, на общий пафос произведения, основываться на выводах, к которым приходит человек, прочитавший произведение» [4, 134], «чтобы правильно понять суть критики, необходима высокая этическая культура» [4, 136].

Нафи Джусойты — выдающийся критик, литературовед, мыслитель XX века, верный высокому назначению литературы, его труды помогают освоить литературный процесс в историческом развитии.

Нафи Джусойты — значительный и самостоятельный мыслитель, талантливый литературовед и критик. В историю осетинской культуры второй половины XX века он вошел как истинный патриот, защитник, хранитель и продолжатель классических традиций и духовности осетинской литературы и эстетической мысли.

Необходимо отметить, что мировоззрение Н. Джусойты свободно от догматического следования каким бы то ни было авторитетам. Основой его мировоззрения является нравственная направленность мысли и обращение к духовности человека и народа.

Литературоведческие и критические статьи Н. Джусойты представляют собой плоды размышлений ученого о современных явлениях искусства слова и всегда отражают те явления литературы, которые представлялись новыми полноценными звеньями в истории осетинской словесности.

Примечания

1. Белая Г.А. Актуальные проблемы методологии литературной критики: принципы и критерии. М., 1964. 336 с.
2. Гагкаев К. О нашей литературной критике и литературоведении. На-

встречу III съезду писателей Северной Осети // Социалистическая Осетия. 1963. 2 февраля.

3. Газдарова А.Х. История и современность в художественной интерпретации Нафи Джусойты. Владикавказ, 2002. 138 с.

4. Джусойты Н. Ирон аив дзырды сæрвæлтау. Цхинвал, 1966. 368 с.

5. Джусойты Н. Все начинается с размышления... // Вопросы литературы. 1976. № 5.

6. Джусойты Н. Воспитание чувств и обычай // Дружба народов. 1968. №

7. Джыккайтæ Шамил. Ирон литературон критикайы равзæрд // Уацтæ. Орджоникидзе: Ир, 1986.

8. Долматовская И.А., Магина Р.Г., Червяченко Г.А. Основы литературной критики. М., 1975.

9. Епхиты Тæтæри. Хъуыдытæ лирикайы тыххæй // Рæстдзинад. 1934. 29 сентябрь.

10. История русской Советской литературы. Москва: Высшая школа, 1970. 695 с.

11. Ковалев В.А. Проблемы русской советской литературы. 50-70 годы. Л.: Наука, 1976.

12. Литературная газета, 1972. 20 декабря.

13. Комсомольская правда, 1973. 30 мая.

14. Мамсыраты Дæбе. Нæ литературæ æмæ йæ хæсты тыххæй // Рæстдзинад. 1934. 16 июль.

15. Очерк истории осетинской советской литературы. Осетинская литература послевоенного периода (1945-1946 гг.). Орджоникидзе: Книжное издательство, 1967. 419 с.

16. Русская советская литературная критика (1935-1955): Хрестоматия. М.: Просвещение, 1983, 273 с.

17. Социалистическая Осетия. 30 ноября. 1946 г.

18. Советская Осетия. 1962. № 21-22.

19. Хозиев Б.Р. Вдохновляющая красота творчества. К 80-летию со дня рождения Н.Джусойты // Дарьял. 2005. № 4.

**ИКАЕВА Э.А., аспирант СОИГСИ,
ЦАЛИКОВА И.Д., ст. преподаватель СОГУ**

КРАТКАЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В предлагаемом кратком сообщении мы намерены привлечь внимание читателя к некоторым фактам осетинского и английского языков, которые в настоящее время являются членами клубов разных лингвокультурных традиций. Английский язык определенно относится к группе языков, которые Б.Л. Уорфом характеризуются как языки «среднеевропейского стандарта» «Standart Average European»-SAE [8,141].

Осетинский язык, как заметил Т.А. Гуриев, до вхождения его носителей в состав России обладал явными чертами языков кавказского «союза языков», этого клуба языков народов кавказского региона, сохранив при этом основные черты иранизма и индоевропеизма [2,64]. Будучи языками одной индоевропейской семьи языков, они должны были сохранить некоторые общие черты индоевропеизма. Однако они формировались в течение тысячелетий автономно, в разных условиях, что должно было определить облик каждого из них.

Ясно, что сопоставление фактов указанных двух языков, относящихся к разным региональным стандартам, следует вести с особой осторожностью.

При отборе языков для сопоставительного описания коммуникативных фразеологических единиц, содержащих числительные в качестве одного или нескольких компонентов, мы руководствовались следующим. Возможно, такое рассмотрение желательно проводить на материале родственных языков, так как это дает большие возможности для проведения типологических обобщений, но, на наш взгляд, сопоставляя ФЕ неродственных языков (английский и осетинский), можно получить небезынтересные результаты в плане ознакомления с разными культурами.

ФЕ с компонентом — именем числительным в английском и осетинском языках составляют особую группу, имеющую свою специфику. Данная группа фразеологизмов является совершенно не исследованной ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике.

Однако ее изучение представляет несомненный интерес, как в теоретическом, так и в практическом планах, так как во фразеологии запечатлен богатейший исторический опыт народа, в ней отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Ибо известно, что изучение фразеологии является важным звеном в усвоении языка и повышении культуры речи. Правильное и уместное использование ФЕ придает речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, меткость, образность.

Вслед за А.В. Куниным мы понимаем ФЕ как устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением.

За определением числительного мы обращаемся к Лингвистическому энциклопедическому словарю под редакцией профессора В.Н. Ярцевой. «Числительное — класс полнозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом мыслительные категории порядка при счете, кратности (повторяемости), совокупности». В соответствии с этими значениями выделяются различные виды числительных. Нас в нашей работе будут интересовать лишь количественные и порядковые числительные и их производные.

В наиболее чистом виде понятие числа находит отражение в количественных числительных (one, two, three, etc; иу, дыууæ, æртæ...), образующих стержень, вокруг которого группируются другие виды числительных и обозначают количество. Порядковые числительные (first, second, third; фыццаг, дыккаг, æртыккаг) обозначают порядковые номера, присваиваемые предметам или явлениям в процессе счета.

По данным Лингвистического энциклопедического словаря. в тексте числительные составляют около одного процента слов. Эта величина стилистически обусловлена характером текста, но поскольку количество исходных числительных ограничено, на каждое основное числительное приходится значительная частота, а потому количественные числительные one, two в английском языке, иу, дыууæ в осетинском языке можно отнести к наиболее продуктивным в плане пополнения фразеологического фонда этих языков.

К коммуникативным ФЕ относятся фразеологизмы со структурой предложения, причем не частично продуктивного типа, а цельно продуктивные.

По мнению многих авторов, есть три типа коммуникативных ФЕ: пословицы, поговорки и крылатые выражения. В английской и американской лингвистической литературе не проводится четкого разграничения между пословицей и поговоркой. А.В. Кунин, посвятивший всю свою жизнь изучению английской фразеологии, считал, что «при современном развитии теории фразеологии пользоваться понятием поговорка в том его широком понятии, как это принято в фольклористике, нецелесообразно», и предлагает относить поговорку к коммуникативной ФЕ непословичного характера [4,287].

Нами предпринята попытка рассмотреть пословицы, содержащие числительные в качестве одного или более компонентов.

Пословица всегда является предложением. Она преследует дидактическую цель (поучать, предостерегать и т.д.). В контексте пословица выступает в качестве самостоятельного предложения или части сложного предложения.

Источники возникновения пословиц самые разнообразные. Чтобы стать пословицей, высказывание должно было восприниматься простыми людьми, и часто при этом первоисточник забывался. Можно с уверенностью предположить, что любая пословица была создана определенным человеком в определенных обстоятельствах, однако для очень старых пословиц, как английских, так и осетинских, источник их происхождения полностью утрачен. Поэтому правильнее сказать, что большинство пословиц имеют народное происхождение, что их первоисточник в коллективном разуме народа.

Многие высказывания, суммирующие повседневный опыт, постепенно приобретали форму пословиц. Так, английская ФЕ *One scabbed sheep will mar the whole flock* и ее осетинский эквивалент *Иу гæбæр фыс æнахъæн дзут сафы берут* свое происхождение из практики сельскохозяйственных работ, содержат числительное *one* и абсолютно совпадают в семантике «одна паршивая/чесоточная овца испортит всю отару». В настоящее время кроме изначального буквального значения эти пословицы приобрели переносное значение и употребляются для характеристики людей: один плохой человек бросает тень на всю семью, коллектив.

Многие из сопоставляемых нами пословиц абсолютно тождественны в семантическом плане и различаются лишь частично по своему лексическому составу. Например: англ. *One day fair gives food* и осет. *Иу боны куыст афæдзвæг кæны* — Один день год кормит; англ. *One man in the field is no warrior* и осет. *Иу лæгæй æфсад нæй* — Один

в поле не воин; англ. *One mistake may be forgiven* и осет. *Иу рæдыд баринаг у.* — Одну ошибку можно простить.

В обоих сопоставляемых языках не редки фразеологизмы с двумя или более компонентами — количественными числительными. Например: англ. *Two can live as cheaply as one* и осет. *Дыууæйæн цы хъæуы, иуæн дæр уый.* Двум нужно столько же, сколько и одному. Английской пословице *Four eyes see more than two* — Одна голова хорошо, а две лучше, в осетинском языке соответствует два варианта одной пословицы: *Иу зонд зонд у, фæлæ дыууæ зонды хуздæр* и *Иу зондæй сæдæ зонды хуыздæр.* В последней ФЕ компонент *иу* заменен на *сæдæ*. Эквивалентом английской ФЕ может служить еще одна осетинская пословица *Иуы цæстæй сæдæйы цæст уынагдæр у.*

Некоторые фразеологизмы мы относим к безэквивалентной лексике, так как эти единицы можно использовать при описании осетинской действительности и по существу не имеют словарных эквивалентов в английском языке. Сюда прежде всего можно отнести ФЕ, обозначающие реалии, связанные с бытом, поверьями осетин. Они используются для воссоздания колорита давно минувших дней.

В качестве примера можно привести и следующие лексемы:

Фынг æртæ къахыл лæууы.

Иу чъирийæ куывды нæ бадтæуы.

Иу хъомгæс — дыууæ хъæуæн хылы хос.

Иу курд хъæуæн хъæсдарæг у.

Иу сидт фынгыл рæгъ у, дыууæ та — гаджидау.

Иу рæдыд Уастырджи дæр бары.

Дыууæ æмхæрæфыртæй арс хъæумæ лидзы.

В процессе работы над данным сообщением мы заметили, что сходства и различия в значении ФЕ в одних тематических группах значительнее, чем в других. (Сказанное касается и библеизмов). Эти факты объясняются разными причинами, требующими специального рассмотрения.

Примечания

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
2. Гуриев Т.А. К проблеме интернационализации осетинской лексики// Сборник избранных статей. Владикавказ, 2010.
3. Гутиев К.Ц. Ирон æмбисæндтæ. Ордж., 1976. 350 с.

4. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. М.: Международные отношения, 1972.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.
6. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь, М.: Живой язык.1998. 942 с.
7. Миллер В.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. Л., 1927.
8. Уорф Б.Л. Отношения норм поведения к мышлению и языку // Новое в лингвистике. Вып.1. М.,1960.

ГАГЛОЕВА М.В.
аспирант СОИГСИ

**ОБРАЗ ЗАЩИТНИКА РОДИНЫ
В ПОВЕСТЯХ М. ЦАГАРАЕВА «НАСЛЕДНИЦА»
И «САГО»**

Процесс идейно-тематического обогащения, углубленного отражения истоков нравственной стойкости солдата на фронте, свойственной всей литературе военного периода, характерен и для осетинской литературы. Ратные подвиги отважных сыновей Осетии прославлены во множестве произведений литературы и искусства. Народ сложил песни о героях Отечественной войны Исса Плиеве, братьях Газдановых и многих других. Созданные в традициях устной поэзии, они обрели крылья и бытуют в народе до сих пор. В годы войны осетинские писатели своим творчеством поднимали патриотический дух народа, звали на борьбу с захватчиками, крепили дружбу советских людей, разоблачали варварство фашистов.

В рядах Советской Армии, в партизанских отрядах с оружием в руках сражались Т. Джатиев, Г. Кайтуков, Г. Плиев, Д. Дарчиев, А.Токаев, М. Цагараев, Н. Гаглоев, М.Цирихов, Ф.Гаглоев, К. Казбеков, К. Маргиев, Г. Дзугаев, Б. Муртазов, Н. Джусойты, Е. Бекоев, Р.Асаев. Писатели Осетии отражали в своем творчестве подвиги народа на фронте и в тылу, клеймили позором фашистских извергов. «За годы войны были созданы значительные художественные ценности, в которых историческая действительность получила многогранное изображение и глубокое осмысление. Но к этому писатели шли трудными путями творческих исканий.

В начале войны литература, особенно поэзия, часто носила агитационный характер, в ней преобладали призывы и плакатное решение сложных проблем. Имело место и влияние других литератур, и описательность, и имитация эпоса. Но они преодолевались, в литературе происходил процесс ее приобщения к зрелому реализму.

Яркое воплощение получили патриотический дух и неиссякаемый оптимизм, и моральное превосходство над носителями фашистской идеологии. Литературой осваивается также исторический опыт народа, его нравственные и героические традиции, которые пробуждали чувство национальной гордости. Произведения на исторические темы пронизывало живое чувство современности» [1,108-110].

Содержание произведений о войне составляют героические подвиги, гуманизм и светлые идеалы советских людей, борьба за спасение человечества от фашизма. Главным героем литературы военных лет становится воин, защитник родины. Его образ, характер, поведение изображались психологически мотивированно и убедительно.

В повести Максима Цагараева «Наследница» показан тяжелый период в жизни советского народа. Началась война, опустел дом сельской учительницы Уарзеты Цараговой, проводившей на фронт отца и братьев. Получив известие об их гибели, умирает от горя мать Уарзеты. Но девушка не одинока. Не бросает её в трудную минуту подруга Чабахан, не дают в обиду старый Афако и другие жители села. Война сплотила людей в единой борьбе против врага. Много бед и страданий перепадает на долю народа. Все, кто остались в селе, работают не покладая рук. О героических поступках солдат узнают из писем и газетных статей. Надеждой Уарзеты на светлое будущее, мирное будущее становится Дзыбырт, который, как и все, ушел на фронт. Солдат в повести Максима Цагараева «Наследница» смел, решителен, благороден. Этому подтверждение поступки, мысли Дзыбырта. Молодой человек ушел на фронт защищать Родину, как и завещано предками, выполнял свой воинский долг. Одним из важных аспектов воспитания в традиционном осетинском обществе всегда было привитие любви к Родине: в час опасности встать на ее защиту. Известно, что осетин-горец всегда был готов встретить и дать достойный отпор врагу, даже во время полевых работ он был вооружен.

Сложены героические песни о народных героях, вставших на защиту родного края. В них прославляется доблесть, честь, мужество. Хазби Аликов, в и возглавивший ополченцев против карательной экспедиции в Кобанском ущелье, стал народным героем. О нем сложено немало песен, прославляющих его. Воинский долг предполагает обязательное выполнение требований, ведущих к достижению нравственных целей. Это означает, что наиболее высокой нравственной оценки заслуживает тот поступок, в котором долг и доминирующее желание составляют единое целое. Специфика воинского долга за-

ключается в добровольном, сознательном определении человеком своего поведения в соответствии с конкретной обстановкой, той ситуацией, в которой ему приходится действовать. Дзыбырт мужественно сражается на фронте, он уверен в том, что фашизм будет побежден, строит планы на будущее. Его героическое поведение мотивировано высокими идеалами. Но воинский долг заключается не только в том, чтобы знать и принимать определенные жизненные идеалы, но и в том, чтобы отстаивать их. В годы Великой Отечественной войны воинский долг был связан с идеей справедливой борьбы, с ненавистью к фашистским захватчикам, которые разрушали материальные и духовные ценности нашей страны, сеяли горе и страдания.

Война – источник бед и несчастий, но она и испытание духовных сил народа. Писатели Осетии стремились выявить истоки мужества и стойкости советских людей. Создается образ солдата, храброго воина, человека, способного на глубокие психологические переживания и раздумья о суровой правде войны. Служение высшим идеалам, вера в победу, любовь к Родине отгоняют всякие другие чувства и настроения. Рядовой солдат понимает, что путь к мирной жизни и труду лежит через победу. Писатель наделил Дзыбырта теми чертами характера, которые превыше всего ценятся в человеке: скромность, ответственность, храбрость, благородство. Через его образ передается все представление о тех, кто доблестно сражался на фронте. Мы ничего не узнаем о братьях сельской учительницы Уарзеты, кроме того, что они погибли, но автор венчает их судьбу героической песней, одной из высших похвал у осетин для героев. Имена и песни о героях помнили веками.

Война разрушила дома и семьи людей, но не погубила в них человечность, народ сплочен общей бедой. Историческая память народа запечатлела в общественном сознании определенные идеалы. Потребность людей к сплочению для совместного преодоления возникающих трудностей и испытаний обусловила объединяющую роль в общественном сознании нравственных и эстетических идеалов, отождествляемых с высокими принципами гуманизма, патриотизма, духовности. Хрупкая девушка Уарзета выносит из поля боя русского солдата, прячет его от фашистов, выхаживает его. Лишь спустя некоторое время люди узнают о ее героическом поступке. Не бросают ее в трудную минуту жители села. Ее задумывает похитить подлый, лживый, трусливый Кудаберд. Его образ контрастирует с образом солдата на фронте, характер этого персонажа раскрывается посредством

поступков, которые находят осуждение в обществе. Помимо того, что он трус и дезертир, он творит свои злодеяния в тылу. Происходит конфликт двух ценностных ориентиров: с одной стороны, служение родине, высоким идеалам, с другой — личным низменным интересам.

Осетинская литература военных лет развивалась по пути глубокого отражения народной жизни. Создавая образы героев фронта и тыла, писатели воспевали патриотизм, дружбу народов, высокие моральные качества людей. Герой повести М. Цагараева «Саго» колхозный плотник, добросовестный, трудолюбивый человек. Он перенес много тягот, побывал на империалистической войне. Саго строит дома в селе, полевые станы. Когда началась Великая Отечественная война, вместе со своими сверстниками уходит на фронт сын Саго, Ахсар. Ждут весточки от сына родители — Саго и Калон.

Настала угроза оккупации. Все жители уходили в лес, вместе с ними уходит жена Саго, Калон, но по дороге обоз разбомбили, и Калон погибла. Не сломали Саго тяготы, с болью в сердце он соглашается сжечь хлеб, чтобы он не достался фашистам. Он понимает, что другого выхода нет! Так Саго становится партизаном-подпольщиком. Хоть и не на передовой Саго, но с оружием в руках воюет против коричневой чумы. «Герой этого типа — уже с развитым социальным, историческим и индивидуальным самосознанием, обогащенный духовным опытом Октябрьской революции, гражданской войны, опытом мирного строительства» [2, 142]. Саго становится на защиту родины, он готов отдать жизнь за победу. В отличие от Бимболата, героя повести «Наследница», Саго не отсиживается, не прячется в горах. Его высокие нравственные идеалы не позволяют ему остаться в стороне. Поступки его мотивированы, он понимает, что путь к светлому будущему лежит через победу, что участие каждого может хоть на шаг приблизить войну к концу.

Герои повестей М. Цагараева разные, их отличает друг от друга отношение к миру, в котором они живут. Автор стремится всесторонне исследовать природу героического поступка, также и истоки предательства, малодушия. Характеры героев раскрываются при определенных экстремальных обстоятельствах, поэтому в одних и тех же условиях одни становятся предателями, другие героями. Осознавая свой долг перед Родиной, чувствуя ответственность за нее, мужественно воюют Дзыбырт, Ахсар, Батыр, становится партизаном Саго, работает не покладая рук старый Афако и вместе с ним все те, кто ковал победу в тылу. Солдат в повестях М. Цагараева — личность мысля-

щая, с определенным национальным характером. Поэтому мы четко можем провести грань между нравственным величием Дзыбырта, Ахсара, Саго и моральным падением Кудаберда, Бимболата, Гадзыбе. В своих произведениях писатель показал непобедимый дух советского народа, героический характер на фронте, в тылу, в оккупации.

Примечания

1. Джикаев Ш.Ф. Осетинская литература. Краткий очерк. Орджоникидзе, 1980.
2. Фидарова Р.Я. Осетинская повесть XX века. Проблемы истории и теории. Владикавказ, 2010.
3. Цагараев М. Повести. Орджоникидзе: «Ир», 1979.

**IV. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОС-
СИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

ЖУРТОВА А. А.
маг., КБГУ, г. Нальчик

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
В 20-Х — 80-Х ГГ. XX В.**

Советская историография прошла в XX веке сложный путь. Сегодня историческая наука вышла на качественно новый уровень, что заметно проявилось в обновлении теоретических и методологических основ историографии, а также в эволюции исследовательской проблематики.

Современная историческая наука предполагает объективное изучение, избегание фальсификации, догматизма, зависимости от политики существующей власти. Впервые у наших историков появилась возможность создания самостоятельной национальной исторической школы [1, 84]. В советское время этот процесс не мог завершиться в силу существования одной общеисторической парадигмы. Советскими учеными был осмыслен ряд важных вопросов процесса эволюции науки в 20-х — 80-х гг. XX в., созданы определенные посылки для успешной разработки конкретно-исторических и методологических проблем исторической науки. Необходимо отказаться от устаревших позиций и различных искажений, сохранив в то же время все

ценное и перспективное.

История являлась одной из ведущих отраслей советской науки, раскрывавшая на основе марксистско-ленинского учения закономерности развития человеческого общества, имевшая огромное значение в формировании марксистско-ленинского мировоззрения у советских людей [2,155].

С 20-х годов XX века начинает проявляться сильное давление на историческое сознание со стороны государственных, политических структур с целью придания ему нужной политико-идеологической направленности [3,51]. Все научные, культурно-просветительские учреждения, печать, радио и другие очаги культуры были призваны вести идеологическую работу среди населения [4,4]. Историческая наука стала представлять собой научно-политический феномен, «гармонично» встроенный в систему тоталитарного государства [5,189].

В советскую историческую науку внесли свой вклад и историки Кабардино-Балкарии. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, они исследовали общие закономерности и специфические особенности развития народов Кабардино-Балкарии от первобытно-общинного строя к коммунизму [6,102].

В 20-х гг. XX в. складывались основы исторической науки в республике, вырабатывались традиции исследовательской работы, шел процесс накопления сил и подготовки научных кадров. В эти годы были созданы первые научные общества и учреждения, собран материал, необходимый для дальнейшего развертывания работы по изучению истории народов края.

В 1926 г. был открыт Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. На первом заседании Совета КБНИИ 27 апреля 1926 г. в числе трех научных подразделений был организован историко-этнографический сектор. До революции в крае не было высшей школы, и на первых порах остро ощущалось отсутствие квалифицированных специалистов. Поэтому руководство института привлекало к изучению истории Кабардино-Балкарии ученых из других учреждений страны. В конце 20–30-х годов над вопросами истории края работали профессора А.А. Миллер и Г.Г. Губайдуллин, сотрудник ГАИМК А.А. Иессен и другие историки из Ленинграда, Махачкалы и Владикавказа [7,7].

Одной из важнейших особенностей развития исторической науки в 1920–30-х гг. было то, что преимущественно освещались события и проблемы недавнего прошлого и современности (победа Октябрь-

ской революции и установление Советской власти в Кабарде и Балкарии, гражданская война, индустриализация и коллективизация, культурная революция, советское строительство и т. д.).

Важнейшим событием в культурной жизни народов Кабардино-Балкарии стало открытие в 1932 году по решению правительства РСФСР Кабардино-Балкарского государственного педагогического института. В 1934 г. в нем было открыто историческое отделение и образована объединенная кафедра истории СССР и всеобщей истории, которые разделились на две самостоятельные кафедры в 1936–1937 учебном году. Исторический факультет сыграл большую роль в развитии исторической науки республики, подготовке научных и педагогических кадров [8,144].

16 мая 1934 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли Постановление об историческом образовании. Впервые на высшем партийном и государственном уровне была отмечена исключительная роль исторической науки в идейно-политическом воспитании масс, в формировании у них марксистско-ленинского мировоззрения [7, 8]. В постановлении указывалось на необходимость изучения многовековой истории народов нашей страны. Исходя из этого, на заседании бюро обкома партии 23 августа 1934 г. было принято постановление, нацеливавшее специалистов КБНИИ на углубленное изучение истории своего края, значительное расширение хронологических рамок и тематики исторических исследований [9,32]. На основании Постановления ЦК ВКП (б) о партийной пропаганде от 14 ноября 1938 года с 7 февраля 1939 года в вузах было введено преподавание курса «Основы марксизма-ленинизма».

Начавшаяся Великая Отечественная война прервала научную деятельность КБНИИ, подорвала его материальную и научную базу, а выселение балкарского народа в 1944 г. еще более ограничило возможности комплектования института научными кадрами [10,7].

После освобождения Кабардино-Балкарии для возобновления нормальной деятельности научно-исследовательского института не хватало квалифицированных кадров. Для решения этой проблемы институт получил необходимую поддержку от научных организаций страны, и в первую очередь от Академии наук СССР, которая направила сюда Г.А. Кокиева, Е.И. Крупнова и ряд других специалистов, много сделавших для изучения прошлого народов края [7, 8]. Большую помощь в развитии исторической науки Кабардино-Балкарии в послевоенный период оказали историки-кавказоведы Москвы (Е.Н.

Кушева, Н.А. Смирнов, А.В. Фадеев, В.К. Гарданов, С.К. Бушуев), Ленинграда (Л.И. Лавров, Е.Н. Студенецкая), Тбилиси (З.В. Анчабадзе), Орджоникидзе (М.С. Тотоев) и др. В 1945 г. при институте была создана аспирантура по специальности «История», с 1946 г. стали регулярно издаваться Ученые записки [6,158; 7, 8-9; 11, 452].

Важной формой изучения истории Кабарды и Балкарии стали комплексные и проблемные научные сессии, регулярно проводившиеся в КБНИИ с 1946-го по 1959 год. На первой научной сессии историки представили девять докладов на разные темы; на второй и третьей сессиях основное внимание было уделено вопросам социально-экономического развития Кабарды в дореформенный период; на четвертой был поставлен вопрос о разработке научной истории кабардинского народа, созданию которой целиком была подчинена работа пятой сессии; на восьмой одним из главных был вопрос о добровольном присоединении Кабарды к России; на сессии 1959 г. рассматривался вопрос об этногенезе балкарцев и карачаевцев [9,36].

В 1950-х годах исследовательскую работу в научно-исследовательском институте начинают вести уже местные кадры профессиональных историков — первые кандидаты исторических наук Х-М.А. Сабанчиев, Т.Х. Кумыков, У.А. Улигов, Т.Т. Шикова, а также Р.Х. Гугов, А.К. Текуев, Е.Т. Хакуашев и др. [7,10] В 1957 г. в Москве был издан многолетний труд историков НИИ — однотомная «История Кабарды...» [12]. Балкарская же тематика с 1944-го по 1957 г. на территории Советского Союза вообще не разрабатывалась, не готовились научные кадры из числа балкарцев. Несмотря на это, «Очерки истории балкарского народа» были подготовлены и выпущены в свет уже в 1961 г. [13].

Творческие навыки и опыт, приобретенные при их создании, оказались кстати в ходе работы над двухтомной «Историей Кабардино-Балкарской АССР», вышедшей в свет в 1967 г. в Москве [14]. Ученые исторических кафедр КБГУ Т.Х. Кумыков, Х.М. Бербеков, А.Х. Касумов, И.Ф. Мужев, В.П. Крикунов, Т.Т. Шикова, Г.Х. Мамбетов принимали участие в ее написании и редактировании. В 1957 г. были изданы и первые монографические исследования Т.Х. Кумыкова, Р.Х. Гугова и У.А. Улигова. В 1960-е гг. сектор истории превращается в ведущее научное подразделение института.

В 1957 г. Кабардино-Балкарский пединститут был преобразован в государственный университет, ставший ведущим республиканским центром по подготовке специалистов с высшим образованием. С

этого времени научно-исследовательская работа в области изучения истории КБАССР стала развиваться в научно-исследовательском институте и на кафедрах истории КБГУ. В 1952/53 учебном году исторический факультет и факультет языка и литературы были объединены в один историко-филологический факультет [8,145]. Из кафедры основ марксизма-ленинизма в 1957 году выделились самостоятельные кафедра истории КПСС и кафедра философии. Исследования велись по вопросам истории создания и укрепления областной партийной организации, ее деятельности по социалистическому преобразованию экономики, становлению социалистической культуры, осуществлению ленинской национальной политики в конкретно-исторических условиях Кабардино-Балкарии.

В период «оттепели» в исторической науке шел процесс преодоления всех «недостатков, укоренившихся в годы культа личности» [10,47]. Но, несомненно, важнейшим событием этих лет стала реабилитация репрессированных народов. Появилась возможность разрабатывать и исследовать различные проблемы истории не только кабардинцев, но и восстановившего после реабилитации свою автономию балкарского народа.

Во второй половине 1960-х годов КПСС вынуждена была искать ответы на актуальные, жизнью поставленные вопросы. К теоретико-методологическим поискам подталкивала очевидная несостоятельность тезиса третьей программы партии о строительстве коммунизма как непосредственной задачи, которую в основном следовало решить к началу 1980-х годов. Для «снятия» проблемы была сконструирована концепция «развитого социализма». Вновь была подвергнута переоценке советская история, свернута критика сталинизма, преданы забвению факты массовых репрессий [15, 350-351]. Особенностью теории развитого социализма была нацеленность на проблемы современности, повышенное внимание к экономическим факторам зрелости общества. В связи с этим сотрудники сектора истории КБНИИ большое внимание уделяли разработке вопросов экономического развития республики в советское время. Были опубликованы многочисленные монографии по данной проблематике [16].

Большое влияние на развитие исторической науки в республике, как и во всей стране, оказало Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (август 1967 г.). Расширились территориальные и хронологические рамки исследований, а главное

— их тематика приблизилась к современности. Появились работы, написанные по горячим следам, в которых обобщался живой практический опыт парторганизаций [17].

Научно-исследовательская деятельность, проводившаяся на кафедрах историко-филологического факультета КБГУ, также способствовала дальнейшему развитию исторической науки в республике. Следует отметить, что почти все историки Кабардино-Балкарии, занимавшиеся на тот период научной и преподавательской деятельностью, являлись воспитанниками исторического отделения КБГУ.

НИИ за свою 40-летнюю деятельность организационно и материально окреп, существенно улучшились управление, планирование и координация научно-исследовательских работ.

Решением секции общественных наук АН СССР в 1967 г. КБНИИ был включен в состав учреждений, находящихся под научно-методическим руководством Отделения истории АН СССР. В 1970–80-е гг. историки института активно включились в разработку истории населенных пунктов Кабардино-Балкарии и составление очерков истории республики (1966–1995 гг.). Параллельно в институте оформилась ныне действующая система организации исторической науки. Проблемы истории народов Кабардино-Балкарии разрабатывались в трех секторах — истории, археологии и этнографии. За заслуги в области исторической науки и филологии, подготовке квалифицированных кадров Президиум Верховного Совета СССР Указом от 13 февраля 1976 г. наградил Кабардино-Балкарский НИИ орденом «Знак Почета» [6,122].

Историческая наука в Кабардино-Балкарии сложилась в теоретико-методологическом контексте советской версии марксизма, мировоззренческие корни которого носили не национальный, а сугубо интернациональный и социально-классовый характер [18,9]. Перемены в общественно-политической жизни страны в конце 80 — начале 90-х гг. выдвинули на первый план работы преодоление границ исторического анализа, задаваемых вплоть до этого времени марксовской схемой истории [19,4], и многочисленных перекосов в исторических исследованиях. Теперь появилась возможность свободного выбора или выработки нашим научным сообществом парадигмы или конкурирующих парадигм, способных придать исследованиям истории народов Кабардино-Балкарии оригинальный характер не только по предмету, но и по методам, по типу научного мышления и представ-

ления уникального исторического опыта наших народов и их культурного наследия [1,84]. В этом направлении уже сделаны первые шаги.

Примечания

1. Боров А.Х. Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник КБГУ. Нальчик, 1996. Вып. 2.
2. Мамбетов Г.Х. Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии // Торжество ленинской национальной политики: (материалы научной конференции). Нальчик, 1983.
3. Свирида Н.Н. Специфика исторического сознания советского общества: культурно-философский контекст // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2011. Вып. 20.
4. Наков М.К. Об идеологической работе в республике // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1947. Т. II.
5. Осьмачко С.Г. Сталинизм и история: идеологизация методологии // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2009. № 2.
6. Мамбетов Г.Х. Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии за 50 лет ее автономии // Материалы научной сессии, посвященной 50-летию советской автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.
7. Хутуев Х.И., Сабанчиев Х-М.А. Кабардино-Балкарский НИИ как центр исторической науки в республике (к 60-летию института) // Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987.
8. КБГУ — 50 лет. Нальчик, 1982.
9. Беров Х.Ж. Развитие исторической науки // 70 лет научных поисков и открытий. Нальчик, 1995
10. Берикетов Х.Г. Сорок лет институту // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1965. Т. 23.
11. Гугов Р.Х. К истории организации Кабардинского научно-исследовательского института // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1957. Т. 11.
12. История Кабарды с древнейших времен до наших дней / Под. ред. Н.А. Смирнова, З.В. Анчабадзе, Н.Е. Гуревича, В.П. Крикунова, Т.Х. Кумыкова, И.Ф. Мужева, Х-М.А. Сабанчиева. М., 1957.
13. Очерки истории балкарского народа / Под. ред. А.В. Фадеева, Т.Х. Кумыкова, В.П. Крикунова, Х.И. Хутуева. Нальчик, 1961.
14. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. М., 1967.
15. Новейшая история Отечества. XX век / Под. ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. М., 1998.
16. Гугов Р.Х. Кабардино-Балкария в первые годы социалистической

реконструкции народного хозяйства СССР. Нальчик, 1971; Хакушев Г.Т. Кабардино-Балкария в годы восстановления народного хозяйства СССР. Нальчик, 1962; Мамбетов Г.Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (II пол. XIX — 60-е годы XX в.). Нальчик, 1971 и др.; 17. Гугов Р.Х. Из истории борьбы за социалистическое преобразование сельского хозяйства в Кабардино-Балкарии 1926–1929 гг. // ССИКБ. Нальчик, 1957. Вып. 6; Текуев А.К. К вопросу о начальном этапе осуществления ленинского кооперативного плана в национальных областях Северного Кавказа // По ленинскому пути. Нальчик, 1970.

18. Логинов А.И. Коллективы коммунистического труда и их роль в строительстве коммунизма. Нальчик, 1968; Шогенцукова Л.А. Деятельность Кабардино-Балкарской партийной организации по интернациональному воспитанию трудящихся. Нальчик, 1972.

19. Боров А.Х. К обновленной концепции национальной истории: историографические итоги и перспективы // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. I.

20. Боров А.Х. Проблема синтеза в историческом кавказоведении // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VI.

КЕЛОЕВА Е.Т.
аспирант СКГМИ (ГТУ)

АНАЛИЗ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ- АЛАНИЯ

Ежегодно сотни тысяч людей во всем мире добровольно уходят из жизни, между тем на порядок выше количество покушавшихся на свою жизнь. Россия входит в число государств с наиболее неблагоприятной суицидологической обстановкой, только за последнее время (1990–2010 годы) было совершено порядка 800 тыс. самоубийств.

Суицидальное поведение включает следующие стадии: завершённое самоубийство, суицидальные попытки (покушение) и намерения (идеи). Не считается самоубийством лишение себя жизни лицом, не осознающим смысл своих действий или их последствия, также некоторые авторы относят завершённый и незавершённый суицид к различным, относительно самостоятельным феноменам, исходя из того, что в ряде случаев покушения носят шантажный характер при отсутствии умысла на реальный уход из жизни.

Самоубийство — весьма сложная проблема, в разных обществах и в разное время оно приобретало различную религиозную, нравственную и правовую оценку: от безусловного религиозного (у католиков, мусульман) и правового запрета (в дореволюционной России была предусмотрена уголовная ответственность за покушение на самоубийство) до ритуальных, социально одобряемых или же обязательных самоубийств (сати у индусов, сэппуку у японцев).

Традиционно суицидальное поведение рассматривается как разновидность девиантного поведения, поскольку не соответствует социальным нормам, противоречит им и как все виды социальных девиаций чутко реагирует на степень социальной и экономической

дифференциации населения и темпы ее изменения. Чем выше степень дифференциации, тем выше показатели суицидального поведения, особенно «самоубийственно» резкое снижение социального статуса. Автор первого фундаментального социологического труда, посвященного самоубийствам (Э. Дюркгейм), доказал, что количество и уровень самоубийств находятся в обратной корреляционной зависимости от степени интеграции, сплоченности общества и как следствие социального неблагополучия служат одним из важнейших индикаторов социального, экономического, политического, нравственного состояния общества [1,263]. Так, уровень самоубийств повышается в годы экономических кризисов, депрессий и роста безработицы. О чем может свидетельствовать проведенное исследование служб SAMHSA в Соединенных Штатах Америки в кризисный 2008 год. Согласно опубликованным данным, около 8,3 млн. — или 3,7% взрослых (в возрасте 18 лет и старше) имели серьезные мысли о самоубийстве. Из них 2,3 млн. составили план самоубийства, 1,1 млн. — на самом деле пытались покончить жизнь самоубийством. Риск суицидальных мыслей, планирование и попытки значительно варьируются между возрастными группами. Молодые люди (от 18 до 25) гораздо более склонны к самоубийству, чем в возрасте 26-49 лет (6,7% против 3,9%), и почти в три раза лиц в возрасте 50 лет и старше (2,3%) [2].

Подобную картину можно наблюдать и в России в кризисные девятые годы XX века, тогда уровень самоубийств составлял 40–42 случая суицида на 100 тыс. населения [3]. Благодаря оживлению экономики России и повышению социального положения граждан в 2010 году показатель уровня самоубийств сократился до 23,5, между тем он в 1,5 раза выше среднемирового.

Разумеется, самоубийства неравномерно распределены по территории Российской Федерации, так, уровень самоубийств на 100 тыс. населения в Республике Северная Осетия — Алания в 2010 году составил 21,4, а суицидальных попыток — 22,8. За последние три неполных года (с сентября 2009 г. по декабрь 2011 г.) произошло в общей сложности около 250 суицидов и 350 суицидальных попыток, при этом большая часть приходится на столицу Северной Осетии город Владикавказ и Пригородный район республики. Данные по суицидальному поведению во Владикавказе отражены на Рис. 1 [4].

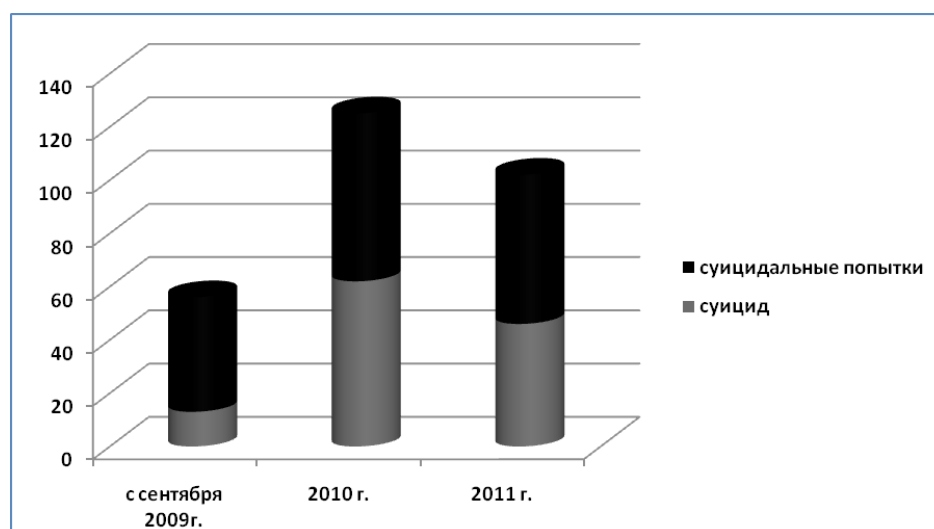

Рис.1

По результатам проведенного анализа основными причинами суицидального поведения населения Республики Северная Осетия -Алания явились: социальная необустроенность, внутрисемейные конфликты и проблемы с лицами противоположного пола. А возникают они из-за неумения строить межличностные отношения и таких индивидуально — психологических особенностей, как импульсивность, повышенная ранимость, обидчивость и т.п.

Для многих совершивших суицид или суицидальную попытку характерны: узкий круг интересов, неумение переключаться на полезную деятельность, низкая психологическая культура. Большое значение имеет педагогическая несостоятельность родителей, в части касаясь несовершеннолетних.

Способы суицидов и суицидальных попыток выбираются в зависимости от цели — лишение себя жизни или демонстрация этого намерения.

При суицидальных попытках чаще применяются: отравления; самопорезы и самоповреждения; падение с высоты; самоповешение.

Количество суицидов у мужчин составляет большую часть от общего количества, а суицидальных попыток — меньшую, то есть к демонстративно — шантажному поведению более склонны лица женского пола.

Для предупреждения суицидов, в особенности подростковых, требуется активизация комплекса профилактической работы по

предупреждению суицидов органами и учреждениями системы профилактики. Необходимо инициировать перед органами местного самоуправления создание служб помощи несовершеннолетним, оказавшимся в критической жизненной ситуации; провести проверки исполнения законодательства, регламентирующего вопросы социально-психологической и педагогической реабилитации семей и несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении; организовать проведение межведомственных совещаний с участием руководителей органов управления образования, директоров образовательных учреждений и руководителей других заинтересованных органов системы профилактики и обсудить проблемы суицида и выявленные нарушения в ходе проверок. Намечить комплекс профилактических мер, направленных на предотвращение суицидов, на усиление в общеобразовательных учреждениях индивидуальной работы с несовершеннолетними и их родителями, на совершенствование форм просветительской работы среди населения. Только общими усилиями специалистов системы здравоохранения, образования, социальных работников, работников правоохранительных органов можно снизить динамику суицидального поведения.

Примечания

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М. 1994.
2. Данные исследования Управления наркологических и психиатрических служб Соединенных Штатов Америки (The Substance Abuse and Mental Health Services Administration)
<http://www.samhsa.gov/data/2k9/165/SuicideHTML.pdf>
3. Сведения Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского.
Интервью газете ВЗГЛЯД руководителя отдела эпидемиологических и социальных проблем психического здоровья Института им. Сербского Бориса Положина. <http://vz.ru/society/2011/10/10/529082.html>
4. По материалам Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Северная Осетия-Алания.

КИРГУЕВА И. В.
ассистент кафедры СОГУ

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ

Медико-социальные проблемы старения возникли вместе с развитием общества. Они выражались в том, какую позицию общество занимало по отношению к стареющим и старым людям и какое фактическое место занимали старые люди среди других возрастных групп, какие функции в обществе они выполняли.

Социальная политика по отношению к престарелым гражданам, как и социальная политика нашего государства в целом, ее масштабы, направленность и содержание на протяжении всей истории страны определялись социально-экономическими и конкретными общественно-политическими задачами, стоявшими перед обществом на том или ином этапе его развития. Выделение в общей структуре социальной политики особого направления — геронтологической политики, касающейся благосостояния и здоровья престарелых граждан, обусловлено довольно специфическими условиями и образом жизни, особенностями их потребностей, а также уровнем развития общества в целом, его культуры.

В современных индустриальных и постиндустриальных обществах при всех различиях культурно-национального характера внимание к проблеме пожилых людей, их жизнеосуществлению стало традиционным. При этом оно воспроизводится на фоне углубляющегося анализа особенностей жизнеосуществления различных возрастных групп, изучения особенностей жизненных сил их представителей.

Для старшего поколения характерны, как правило, не только неблагоприятные сдвиги в организме, связанные с процессом старения, ухудшением здоровья и снижением работоспособности, но также значительные изменения в жизненных условиях и обстановке, в объ-

еме и структуре свободного времени, в общественных и семейных ролях, характере социальных и дружеских контактов. В период прекращения трудовой деятельности у стареющих людей резко нарушается жизненный стереотип, приспособляемость к новым условиям, нередко возникают дополнительные трудности в удовлетворении их своеобразных потребностей. И, что очень существенно, после перехода на пенсию меняются основной источник средств к существованию, экономический и правовой статус пожилого и старого человека, перестраивается весь его образ жизни.

В современной социальной науке о старости можно выделить три основных направления:

- это изучение старения как процесса в его биологическом и психологическом измерениях;
- это институциональный подход, акцентирующий проблемы социоэкономического статуса и социальных ролей престарелых;
- историко-культурологический анализ, сопоставление различных представлений о старости и социальных подходах к ее оценке.

Развитие теоретического знания о старости и престарелых предполагает разработку геронтологической парадигмы. Формирование такой парадигмы в геронтологии как социальной науке связано с неоднозначным пониманием сущности проблем, связанных с процессом и результатом старения, и различными способами их решения. Выделяют пять основных парадигм, в рамках которых осуществляется сегодня теоретическое осмысление старости. Первая из них связана с интерпретацией социальных проблем в терминах социальной патологии. С этой точки зрения, трагедия старения заключается в том, что индивид перестает отвечать критериям «нормы» (нормальности) в физиологическом, психологическом, коммуникативном, производственном и прочих отношениях. Независимо от того, каким образом исчисляются здесь нормативные критерии (на основе статистической нормы, медицинских или психосоциальных стандартов либо моральных предписаний), «патологическое» измерение социальных проблем престарелых ограничивает их решение уровнем отдельного индивида, без каких-либо рекомендаций, касающихся перестройки социальных отношений и структур.

Антиподом этой парадигмы является мораль, где точкой отсчета выступает уровень организации социального целого, степень взаимосвязи его частей [1,2,3]. Соответственно, источником социальных проблем будет здесь нарушение стройности социальной системы, ее

дезорганизация. Применительно к положению престарелых в современном обществе можно говорить о разрушении вследствие индустриализации и урбанизации традиционного образа жизни и порожденного им образа старости как синонима житейской и профессиональной мудрости. С этих позиций решение социальных проблем престарелых предполагает те или иные макроструктурные изменения.

В рамках третьей парадигмы рассматривают социальные проблемы, выступающие как явный или скрытый конфликт ценностей. Проблема старения заключается, таким образом, в неизбежности непрерывного конфликта между потребностями индустриального рынка, нуждающегося в притоке свежей рабочей силы, и стремлением стареющего индивида актуализировать ценность своего социального и личностного «я» посредством продуктивного труда. Четвертая парадигма рассматривает возникновение социальных трудностей через призму концепции девиантности [4]. Пассивность стариков, их социальное отчуждение, уход в себя и тому подобные атрибуты старости трактуются в данном случае как варианты отклоняющегося поведения. Пятая модель базируется на теории «наименования»; проблемы старости интерпретируются здесь как следствие неадекватного ее восприятия или «навешивания ярлыков» (старый, слабый, больной, бедный и т.п.) [5].

Здравоохранение для пожилых — это широкий спектр служб и услуг, включающих предоставление помощи при острых и хронических состояниях, уход, амбулаторную помощь, кратковременную и долговременную помощь, социально ориентированную персональную помощь по месту жительства.

Выделяют следующие системы служб для пожилых: информационно-образовательную, профилактическую, медицинскую помощь для амбулаторных и госпитальных пациентов, долговременную помощь, помощь на дому, социальные стационары, службы общей поддержки [6,207-209].

Гериатрическая помощь населению — это система мероприятий по оказанию долговременных медико-социальных услуг с целью сохранения или восстановления способности к самообслуживанию, частично или полностью утраченной вследствие хронических заболеваний, облегчению реинтеграции пожилых больных в общество, а также обеспечению независимого существования.

Прогнозируемые изменения в размерах и структуре популяции пожилых и старых людей показывают, что потребность в долговре-

менных формах предоставления помощи будет возрастать. Пожилые люди в 5 раз чаще нуждаются в услугах долговременной помощи (далее ДП), чем пациенты других возрастных групп.

Выделяют принципиальные подходы к развитию разнообразных видов помощи пожилым [7,169-170; 167-168].

- обеспечение преемственности различных служб (стационарных, амбулаторных, помощи на дому);
- развитие профилактических и поддерживающих услуг;
- развитие интегративных услуг на местном уровне;
- привлечение государственных и частных инвестиций для обеспечения полного спектра услуг пожилым;
- стремление к созданию экономически эффективных систем услуг, включая профилактику заболеваний, компенсацию нарушенных функций, поддержку независимой жизни дома.

Анализ доступной литературы, посвященной проблемам геронтологической ДП, позволяет выделить три основных типа предоставляемых услуг: медицинские, социальные и медико-социальные.

Долговременная помощь определяется как одна или более предоставляемых услуг для поддержания функциональных способностей хронического больного до достижения максимально возможного уровня его физического, психического и социального благополучия. Такие услуги предоставляются как на дому, так и в специализированном учреждении [8,93-105].

Одна из целей ДП — усилить способность пациента к самоуходу. Включая в себя медицинские и социальные службы, этот вид помощи предоставляет также услуги реабилитации и поддержки в течение длительного времени, насколько это возможно. ДП фокусирует свое внимание на личности больного с функциональными нарушениями, нуждающегося в усилении поддерживающих систем для удовлетворения различных видов повседневной активности — приготовления пищи, приема лекарственных препаратов, работы по дому и др.

За рубежом выделяют три ступени ДП: институциональную, по месту жительства и на дому. Первая включает реабилитацию в условиях специализированных отделений общих больниц, хоспис, уход при выздоровлении. Вторая представлена дневными стационарами (госпиталями) для реабилитации и медицинским/социальным дневным уходом. Помощь на дому представлена медицинским уходом (хоспис), а также мониторингом состояния пациентов.

Проблемы, сдерживающие рост ДП во многих странах, по мнению экспертов, включают, в частности, недостаточное финансирование, что влечет за собой снижение доступности данного вида помощи. В России вопросы ухода за пожилыми больными на дому приобретают все большее значение в связи с различными факторами — реструктуризацией системы здравоохранения и социальных служб, переориентацией первичной медико-социальной помощи населению в сторону амбулаторного звена, ростом числа пожилых людей [9,196-198].

Следует отметить, что все вышеперечисленные формы и методы работы с людьми пожилого возраста успешно применяются и действуют в Республике Северная Осетия-Алания.

По сообщениям Министерства труда и социального развития сегодня в нашей республике около 20 служб социальной направленности. Помимо комплексных центров социального обслуживания населения, центров социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, центра семьи и детей, есть еще и социальный приют, а также социальные учреждения, состоящие на районном бюджете.

В общей сложности в 2010 году их услугами воспользовались около 90 тыс. человек. Тем, кто обслуживают на дому, а таковых к концу 2010 года насчитывалось 4768 человек, доставляли продукты питания, промышленные товары первой необходимости, медикаменты. Им помогали в уборке помещений, оплате коммунальных услуг, приготовлении пищи, их посещали в больницах, сопровождали в поликлиники.

Сегодня в Ардонском, Дигорском, Пригородном районах продолжают действовать центры дневного пребывания, которые решают социально-бытовые проблемы одиноких пенсионеров и инвалидов, пожилых супружеских пар, оказывают социальные, юридические и правовые услуги.

Продолжает совершенствоваться система нестационарного обслуживания населения. При этом она ориентирована не только на повышение количественных показателей, но и на улучшение качества обслуживания.

Примечания

1. Александрова М.Д. Очерки психофизиологии старения. М. 2005.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л. 1969.
3. Карсаевская Т.В. Прогресс общества и проблемы целостного биосоциального развития современного человека. М. 1978.

4. Юнг К. Психологические типы. М. 2002.
5. Социальная геронтология: современные исследования. М. 1994.
6. Дементьева Н.Ф., Рязанов Д.П. К проблеме взаимодействия органов социальной защиты и здравоохранения в обслуживании пожилых людей на дому //Государство и общество: проблемы социальной ответственности. Материалы IX научных чтений МГСУ. — Изд. МГСУ «Союз», 2003.
7. Васильчиков В.М. Формирование социальной геронтологической политики на современном этапе развития российского общества //Государство и общество: проблемы социальной ответственности: Материалы IX научных чтений МГСУ. Изд. МГСУ «Союз», 2003.
8. Сухова Л.С. Реабилитация как составляющая ухода за больными и инвалидами пожилого возраста //Проблемы старости: духовные, медицинские и социальные аспекты. М. Изд-во «Свято-Дмитриевское училище сестер милосердия», 2003.
9. Чикарина Л.Я. Новые технологии социального обслуживания пожилых людей //Государство и общество: проблемы социальной ответственности. Материалы IX научных чтений МГСУ. Изд. МГСУ «Союз», 2003.

ДЗАДЗИЕВА Е. А.
нс СОИГСИ

**«СИМВОЛЬНАЯ ЭЛИТА»* КАК ФАКТОР
АКТУАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ.
(по материалам республиканской печати начала
1990-х гг.)**

Вхождение Осетии в состав России способствовало социально-экономическому и культурному развитию осетинского народа. Особенно большое значение в этнокультурном развитии имел период советской истории. В то же время процесс модернизации этнокультурного пространства носил далеко не однозначный характер.

Государственная национально-культурная политика, направленная на формирование единой советской идентичности и основанная на принципе унификации общественной жизни, единая образовательная система, транслирующая общегосударственные социалистические нормы и ценности, в конечном итоге привели к денационализации системы образования и языковой ассимиляции осетинского народа. Следование идеологическому принципу «социалистическая по содержанию и национальная по форме культура» на практике означало отказ от этноспецифической обрядности и традиционных религиозных верований и так же способствовало нивелированию отличительных культурно-бытовых особенностей народа.

Специфика постсоветских изменений и процесс этнического «возрождения» в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века изменили отношение к сложившейся этнокультурной ситуации, значительно политизировав при этом проблемы этнокультурного развития.

Особую актуальность приобрел вопрос оценки того пути, который был пройден в культурном развитии в советский период.

* «Символьная элита» — научная и творческая интеллигенция, тиражирующая и создающая посредством СМИ этнические ценности и символы.

Знакомство с публикуемыми материалами по этнокультурной проблематике позволяет сделать вывод, что, прежде всего, активно обсуждается ущерб нанесенный культуре осетинского народа.

Если раньше внимание национальной интеллигенции было сосредоточено исключительно на положительных аспектах государственной национально-культурной политики, то теперь в поле зрения интеллектуалов находятся, прежде всего, ее негативные последствия и факты.

Вот что говорится, например, в выступлении одного из лидеров осетинского национального движения «Адамон Цадис»: «70 лет... осетинский народ на своей исторической родине... жил аморфными идеями интернационализма, растворяя свою национальную суть, сводя на нет свой язык и свою самобытную культуру. Все эти годы осетинский народ уступал все и во всем, стараясь угодить, прислужить, не обидеть. Об историческом прошлом народа, его духовной культуре, о принципах нравственного воспитания, выработанных нашими предками и несших идеи мира и добра, любви к родной земле, к памятникам своих легендарных предков не говорилось или говорилось шепотом. Каждый повелитель по своему и с помощью угодников из нашей же среды отметал или насаждал свое толкование наших обычаев и традиций, нашей истории. Всё делалось для того, чтобы осетинский народ потерял чувство собственного «я», чувство ответственности перед будущими поколениями за судьбу своего родного Иристана» [1,15].

«Мы привыкли к тому, что политику, в том числе, и по национальной культуре, вырабатывали в Центре вместо того, чтобы проводить на местах такую политику, которая отражала бы национальные интересы», — пишет другой автор и делает вывод, — «затрудняя доступ к знаниям о собственной культуре и истории мы лишь вредили процессу интернационального воспитания» [2,65;70].

В программе одного из первых осетинских национальных движений «Адамон Цадис», в частности, говорилось: «Движение считает, что необходимо коренным образом пересмотреть существующую практику национальной политики и отвергает тезис о том, что социальный процесс с неопределенностью ведет к исчезновению национальных особенностей. Культура личности начинается с национальной традиции и формируется в единстве общечеловеческих (личностных) и национальных ценностей. Подлинный культурный процесс возникает лишь там, где человек и народ мыслятся как субъекты культуры, а не объекты «культурной политики» [3,67-68].

Этнокультурная тематика составляет большую часть этнически окрашенной информации на страницах республиканской периодической печати. По своей интенсивности она опережает даже освещение такой актуальной на тот период проблемы, как суверенитет [4].

Наиболее острое звучание имеет проблема использования осетинского языка, его статус, а также вопросы, связанные с созданием собственной национальной школы.

В публикуемых материалах по языковой ситуации, как правило, речь идет о неравноправном положении осетинского и русского языков в различных сферах общественной жизни. Приводятся многочисленные примеры сужения функций осетинского языка в общественно-политической и производственной сферах, и, наоборот, возрастания роли русского языка, превращение его из языка межнационального общения в язык внутринационального общения.

Условно содержание научных статей и многочисленной эмоционально окрашенной публицистики по языковой проблематике можно разделить на следующие темы:

1. «Неравноправное положение осетинского и русского языков», «жесткая приоритетность русского языка», «вымывание», «сужение», «потеря важнейших коммуникативных функций», «вытеснение осетинского языка».

Как следствие:

2. «Языковая ассимиляция», «деэтнизация», «угроза исчезновения языка и самой нации».

Как вывод:

3. «Жизненная необходимость срочных мер по спасению и возрождению осетинского языка».

Особую тревогу национальной интеллигенции вызывает языковая компетенция и языковое поведение титульной молодежи. В публикациях подчеркивается, что сложившаяся языковая ситуация формирует у титульной молодежи «неуважительное отношение к родному языку», «пессимистическое отношение к перспективам развития осетинской культуры и языка», «комплекс неполноценности», «боязнь того, что без знания русского языка не сделать карьеру, тогда как незнание родного языка у себя в республике считается нормальным явлением» и т.д.

Анализируются и причины сложившейся языковой ситуации, которую представители наиболее радикально настроенной интеллигенции рассматривают как результат государственной политики,

направленной на «насильственную русификацию». Мнения авторов публикаций по этому вопросу, как правило, мало чем отличаются друг от друга и сводятся к следующему: «...Утрата родного языка и вытеснение его из общественной жизни», «потеря важнейших коммуникативных функций языка» — итог политики Центра, политики КПСС, ориентированной на национальное нивелирование. Причем, как отмечают исследователи, большевистские лозунги в Северной Осетии, всегда находили благодатную почву, особенно после уничтожения в 30–40-е гг. национально мыслящей интеллигенции [5,70].

Выход из сложившейся языковой ситуации национальная интеллигенция видела в необходимости возрождения осетинского языка не только усилиями многочисленных национально-культурных организаций и обществ осетинского народа, программы которых в обязательном порядке содержали задачи «сохранения и развития родного языка», но и на государственном уровне. Проблема сохранения и развития языка тесно увязывается с необходимостью его защиты со стороны государства. Усиленное внимание к проблемам языка со стороны осетинской интеллигенции ориентировало общественное мнение на закрепление в законодательных актах равноправного статуса титульного и русского языков как государственных.

Одним из первых о необходимости проведения новой языковой политики заявило уже упоминавшееся осетинское национальное движение «Адамон Цадис». В программе движения «Адамон Цадис», в частности, говорилось, что русский язык, оставаясь языком «общегосударственным», должен использоваться как язык «международного общения», что касается осетинского языка, то за ним необходимо «конституционное признание статуса государственного» и принятия государственной программы по его сохранению и развитию. Осознавая реальную слабость позиций осетинского языка в социальной жизни, лидеры движения говорили о необходимости создания терминологической комиссии для подготовительной работы по возвращению осетинскому языку функций языка делопроизводства, науки, обучения и т.д. Движение «Адамон Цадис» поднимало вопрос и о необходимости возвращения к первоначальному осетинскому алфавиту, т.е. о переводе осетинского алфавита с кириллицы на латиницу [6, 70].

О необходимости принятия государственной программы сохранения и развития осетинского языка, всемерного расширения сферы его применения в производственной, общественной и культурной

жизни, возвращения ему функций делопроизводства, науки и обучения говорилось и на 1 и 2 съездах осетинского народа [7].

20 марта 1992 г. на страницах республиканских газет был опубликован Проект Закона Северо-Осетинской ССР «О языках народов СОССР» [8]. Проект вызвал широкую полемику в средствах массовой информации. Наибольшие разногласия, как и следовало ожидать, вызвала статья «О государственных языках», представленная в проекте двумя вариантами. Первый вариант указанной статьи гласил: «Государственными языками СОССР являются осетинский язык и русский язык». По этому поводу в прессе высказывалось мнение, что закрепление за русским языком наряду с осетинским статуса государственного языка «обязывает правительство взять на себя всестороннее обеспечение не только его функционирования, но и дальнейшего развития и научного изучения. При всем желании правительство Осетии не может обеспечить ни развития, ни научного изучения русского языка». В связи с этим предлагалась следующая редакция статьи: «Государственными языками в Северной Осетии являются осетинский язык и русский как язык межнационального общения». Это «уточнение», по мнению автора, «фиксировало» бы «функцию» русского языка, «которую он выполняет как внутри многонациональной республики, так и в сношениях республики с внешним миром» [9].

Серьезная полемика в средствах массовой информации развернулась в связи с ироно-дигорским диалектным различием осетинского языка. Языковая ситуация в республике осложнялась наличием в осетинском языке двух диалектов — иронского и дигорского, которые являются родными, соответственно, для порядка 70% и 30% осетинского населения Северной Осетии. Принятое ещё в 1934 г. руководством республики решение о введении литературного языка, в основу которого был положен иронский диалект, значительно ограничивало возможности социального функционирования дигорского диалекта и вызывало постоянное недовольство не только представителей дигорской интеллигенции, но и носителей дигорского диалекта в целом. С конца 80-х годов дигорская общественность стала активно выступать в СМИ республики с обоснованием необходимости придания дигорскому диалекту осетинского языка статуса самостоятельного языка. Особую актуальность этот вопрос приобрел в связи с публикацией Проекта Закона «О языках народов СОССР». Развернувшаяся на страницах республиканских газет острая дискуссия по

этому вопросу, по выражению Н. Джусойты, напоминала «распри непримиримых» [10].

В многочисленных публикациях дигорских авторов подчеркивалось, что «процесс искусственного стирания фактически существующего языка идет давно», «более древний язык или более древняя форма языка названа диалектом», с чем «никогда не согласятся носители языка, планомерно сталкиваемого в пропасть забвения», так как «два диалекта являются равнозначными ветвями языка некогда могущественного народа», а «дискриминационные меры по отношению к дигорскому языку вбивают клин между потомками аланов» [11].

Второй вариант статьи «О государственных языках» от имени дигорской интеллигенции был представлен известным поэтом В. Малиевым в следующей редакции: «Государственными языками являются осетинский (иронский и дигорский) язык и русский язык» [12].

Возражая против предложенного варианта другой, не менее известный поэт, доктор филологических наук Н. Джусойты писал: «... Если носители дигорского языка не согласны с его диалектной ролью (в сравнении с единым литературным языком), то должны оспорить исходную посылку... — осетины суть единая нация. И утвердить обратное: в Осетии живут два народа, исторически и этнически родственных, но все же два самостоятельных народа — иронцы и дигорцы...» [13]. Полемизируя с ним, В. Малиев подчеркивал, что ущерб консолидации осетинского народа и развитию его культуры нанесли, прежде всего, административные и политические меры, направленные против дигорского диалекта, а раскол может наступить только тогда, когда одному языку будет оказано предпочтение как государственному» [14].

Широкий резонанс вызвало заявление Северо-Осетинского республиканского общественно-политического движения «Ираф», объединяющего представителей дигорской творческой интеллигенции, в котором, в частности, было сказано: «В 30-х годах у дигорского народа жестоко были репрессированы не только его лучшие сыны, но и его имя, его язык, литература, национальное образование, воспитание, культура, морально-духовная свобода... Слова «дигорский народ» и «дигорский язык» были изжиты из лексикона властей и общественной жизни республики... Дигорский язык прозвали диалектом и лишили его всяких прав...» Авторы «Заявления» предлагали изложить теперь уже статью будущей Конституции РСО в следующей редакции:

1. «Государственными языками Республики Северная Осетия являются иронский, дигорский и русский языки;
2. Иронский и дигорский языки являются основой национально-го самосознания осетинской нации».

В этом же Заявлении был предложен и другой вариант: наименование «Северная Осетия» заменить наименованием «Республика Алания». А статью соответственно изложить следующим образом: «государственными языками Республики Алания являются аланский (иронский и дигорский) и русский» [15].

Надо сказать, что аналогичный вариант был предложен и в совместном «Заявлении» творческой и научной интеллигенции республики, в котором предлагалось во избежание осложнений в деле консолидации народа вернуть историческое название и переименовать Республику Северная Осетия в Республику Алания, соответственно «заменяв словосочетание «осетинский язык» на «аланский язык» [16].

Необходимо отметить, что в средствах массовой информации республики постоянно присутствует идея аланских предков осетин, обращение к древней истории осетинского народа, к его «корням» и прежде всего к славному аланскому прошлому. В дискуссиях по аланской проблематике активное участие принимают не только исследователи-специалисты, но и любители. Апелляции к скифо-сармато-аланскому наследию содержатся в выступлениях политических и общественных лидеров, научной и творческой интеллигенции и просто рядовых читателей [17].

Достаточно регулярно в прессе поднимается и уже упоминавшийся вопрос о самоназвании осетин, смене этнонима и переименовании республики [18].

Понятно, что в сложившейся этнополитической и этнокультурной ситуации опора на «славное историческое прошлое» приобретает особую актуальность. Отсутствие территориальной целостности Северной и Южной Осетии, наличие нескольких диалектных и конфессиональных групп, значительное сокращение сферы применения осетинского языка — все это требует некой объединяющей идеи, способной консолидировать осетинское общество. Решению этой задачи как нельзя более отвечает обращение к «аланскому наследию».

В публикуемых материалах, как правило, подчеркивается непреходящая ценность не только политического, но и культурного скифо-сармато-аланского наследия, в первую очередь его нравственно-эти-

ческое начало, способное, по мнению авторов, преодолеть моральный упадок и утрату традиционной этики [19].

Не случайно программные материалы многочисленных осетинских национальных движений и обществ («Адамон Цадис», 1989 г.; Республиканское общество «Уастырджи», 1991г.; Союз возрождения Алании, 1991г.; Общество «Возрождение», 1992 г; Фонд развития осетинской культуры «Зилахар», 1993г.; Общественное единение (общественный исполнительный орган съезда осетинского народа) «Стыр Ныхас», 1993г.; Фонд возрождения национальных традиций и обычаев, 1993г. и др.), возникших в начале 90-х годов прошлого века в качестве «одной из главных социально-культурных целей», рассматривают «возрождение, сохранение и преумножение исторических, культурных и религиозных традиций осетинского народа», а также «возрождение системы традиционного воспитания осетинской молодежи в духе национальных традиций и обычаев» [20, 74; 79; 80-81;84].

В отсутствии консолидирующей роли языка, сохранение и дальнейшее развитие нации многие известные представители осетинской интеллигенции видят в духовном возрождении на основе традиционных нравственных ценностей, этикетном поведении и традиционном празднично-ритуальном комплексе.

Содержание публикуемых прессой многочисленных материалов сводилось к осознанию того, что подлинную культуру можно построить лишь в соответствии со своим прошлым, и альтернативой этому строительству является духовная и социальная деградация этноса.

В программе движения «Адамон Цадис», например, говорилось, что «движение стремится вернуть цельность и полноту осетинской культурной и исторической традиции, исходя из убеждения, что свое будущее можно построить только на фундаменте своего прошлого» [21,68].

С проблемой сохранения осетинского языка и расширения сферы его функционирования тесно была взаимосвязана проблема национальной школы. Многочисленные публикации на страницах периодической печати свидетельствуют о болезненном восприятии национальной элитой имеющейся образовательной системы и стремлении к созданию новой школы. Вот что пишет, например, Н. Джусойты: «Чтобы остановить гибельный для народа и его национального языка процесс отмирания и обеспечить подлинное национальное возрождение необходимо вернуть родному языку его приоритетную фун-

кцию в воспитании и обучении наших детей в дошкольных учреждениях и в школе» [22].

О создании системы национального образования шла речь и в программных материалах движения «Адамон Цадис». Определяя народное образование как «базу национальной культуры», лидеры движения считали, что полноценная система национального образования в республике должна включать сеть осетинских детских дошкольных учреждений, средних школ и профессионально-технических училищ с преподаванием на осетинском языке, а также открытие отделений или групп с осетинским языком обучения в вузах и средних специальных учебных заведениях республики [23].

24 ноября 1992 г. на страницах газеты Северная Осетия был опубликован разработанный Министерством образования Проект «Концепции развития национальной школы в республике» [9].

В ходе обсуждения проекта мнения участников дискуссии разделились. Некоторые считали целесообразным перевод на национальную систему обучения только начальных классов средней общеобразовательной школы. Оспаривающие данную точку зрения представители национальной интеллигенции аргументировали свою позицию тем, что «... начальная школа не в состоянии сформировать чувство родного языка и дать его знание. Мировая психологическая наука знает также, что формирование чувства языка завершается к 14-15 годам, т.е. в том возрасте, когда учащиеся оканчивают восьмилетнюю школу. И если наши дети пройдут воспитание и обучение на родном языке в начальной и восьмилетней школах, то у них сформируется развитое чувство родного языка, знание его лексических и грамматических основ, чувство кровного родства с духовной культурой на этом языке» [25].

Не было единогласия и среди сторонников перевода на родной язык обучения восьмилетней школы. В частности, высказывалось мнение, что, например, в г. Владикавказе, где дети, как правило, не владеют языком своей национальности, эта перспектива может быть реализована только по накоплению определенных предпосылок.

Сторонники наиболее радикальной точки зрения считали возможным осуществление в ближайшей перспективе перевода на осетинский язык обучения не только полной средней школы, но также среднего специального и высшего образования. Более трезво оценивающие языковую ситуацию в республике, наоборот, придерживались мнения, что в ближайшей перспективе подобный перевод невоз-

можен: «На осетинском языке нет научно-технической, естественно-научной, историко-философской литературы. Поэтому он не сможет служить ретранслятором мирового знания... Да, это не утешительно для нашего национального чувства, но это — реальность. И высшее профессиональное образование за исключением сферы подготовки педагогических кадров для осетинской школы, бесспорно на долгое время останется на русской основе», — писал В.В. Дегоев [26]. Многие участники дискуссии подчеркивали, что важнейшим условием национальной осетинской школы должен быть культурологический компонент: «Можно перевести на родной язык все учебники, но если не произойдет встречи обучающегося с культурой своего народа, школа не станет ни национальной, ни духовной», — отмечает тот же автор [27].

При всех имеющихся разногласиях в концептуальных подходах к формированию национальной школы, сторонники ее были единодушны во мнении, что основным недостатком русскоязычной школы является образование и воспитание осетинской молодежи вне этнической культуры и этнических ценностей своего народа, и как следствие — формирование личности в духе неуважения к своей культуре.

В целом, как следует из многочисленных публикаций и научно-го, и публицистического характера, для осетинской интеллигенции было характерно понимание реформирования образования как усиления его этнической составляющей. А содержание национальной школы рассматривалось через призму сохранения нации.

Анализируя вопросы, связанные с созданием полноценной системы национального образования, Р.С. Бзаров пишет: «Осетинское национальное образование и осетинская школа — вовсе не одно и то же. Средняя общеобразовательная школа — базовое, но не единственное учреждение в полноценной системе национального образования... Возрождение осетинской школы должно носить системный характер, охватывающий всю совокупность учебных заведений и других учреждений, призванных транслировать национальную культуру. Национальная школа может быть успешной только в случае параллельного ей расширения функций осетинского языка в государственной, общественной и производственной жизни, первоочередные задачи — возобновление практики делопроизводства на родном языке и всемерная государственная поддержка» [26, 31; 68-69].

Уже первое приближение к интерпретации осетинской национальной интеллигенцией различных аспектов этнокультурной про-

блематики позволяет говорить о том, что она носит не только культурологический характер. В общественном сознании под влиянием идей, вырабатываемых интеллектуальной элитой и транслируемых СМИ, формируются установки и ценности, актуализирующие прежде всего этническое самосознание. С одной стороны, этому способствует обращение национальной элиты к ценностям языка и традиционной культуры, которые сосредоточены в максимально приближенных к человеку сферах повседневного быта и оказывают самое непосредственное влияние на формирование личностных установок и системы ценностей индивида в процессе его социализации. Играя важную консолидирующую роль, они поддерживают высокий уровень этнического самосознания. С другой стороны, внимание титульной интеллигенции сосредоточено на проблемах реформирования образовательной системы, которая представляет собой не менее значимый социализирующий фактор. Исходным положением любого образовательного процесса является освоение культурных ценностей. Акцент образовательной системы на тех или иных ценностях обусловлен социальным заказом общества: заданная программа на входе определяет конкретный результат на выходе. С этой точки зрения, национальная школа также определяет формирование установок в сознании молодого человека, направленных на актуализацию этнического самосознания.

Таким образом, происходит формирование этнического самосознания в условиях первичной социализации и его последующее закрепление в условиях вторичной.

Примечания

1. Чрезвычайная сессия Верховного Совета Северо-Осетинской АССР двенадцатого созыва. Стенографический отчёт. Владикавказ, 1990. Дзуцев Х.В. Характеристика языковой ситуации в Северной Осетии (по материалам социологических исследований) // Северная Осетия. Этнополитические процессы / Сост. и отв. ред. Л.К. Гостиева, А.Б. Дзадзиев. М., 1995. Т.1.
2. Программа движения «Адамон Цадис» // Северная Осетия. Этнополитические процессы/ Сост. и отв. ред. Л.К. Гостиева, А.Б. Дзадзиев. М., 1995.
3. Этнополитическая ситуация и межнациональные отношения в республиках Российской Федерации // Информационный бюллетень. Вып. 5. См.: табл. 5.
4. Дзуцев Х.В. Указ. раб.
5. Программа движения «Адамон Цадис»...

6. «Северная Осетия». 1991. 25 декабря; «Северная Осетия». 1993, 9 июля.
7. «Северная Осетия». 1992. 20 марта.
8. «Северная Осетия». 1992. 14 июля.
9. «Северная Осетия». 1992. 14 июля.
10. «Северная Осетия». 1992. 9 июля.
11. «Северная Осетия». 1992. 20 марта.
12. «Северная Осетия». 1992. 14 июля.
13. «Северная Осетия». 1994. 17 марта.
14. «Дигора». 1994. 19 августа.
15. «Северная Осетия». 1994. 1 сентября.
16. «Социалистическая Осетия». 1989. 22 октября; «Социалистическая Осетия». 1990. 29 августа; «Социалистическая Осетия». 1990. 8 ноября.
17. «Дигора». 1994. 19 августа; «Северная Осетия». 1994. 1 сентября; «Дзауджигкау». 1994. Сентябрь, №1.
18. «Социалистическая Осетия». 1990. 29 июня; «Социалистическая Осетия». 1990. 3 ноября.
19. «Северная Осетия». Этнополитические... Т.2.
20. Программа движения «Адамон ...».
21. «Северная Осетия». 1992. 14 июля.
22. «Северная Осетия». 1992. 24 ноября.
23. «Северная Осетия». 1992. 7 октября.
24. «Северная Осетия». 1992. 7 октября.
25. Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы.

БАГАЕВА З. Г.
аспирант СОГУ

ДИАСПОРЫ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Диаспоры современной Северной Осетии активно проявляются в международных отношениях. Это обусловлено логикой развития этнических групп, динамическим состоянием современных этнических систем и таким основополагающим признаком как стремление сохранять связи с исторической родиной или страной исхода. Жизнедеятельность диаспор представляет интерес как в научно-теоретическом, так и в политико-управленческом плане. Изучение процессов формирования и развития диаспор, мониторинг их современного состояния способствуют созданию достоверных представлений об этнодемографических, этнокультурных и этнополитических процессах в Северной Осетии, а также ее контактах с зарубежными партнерами [1;166].

Неоднократно было отмечено, что Осетию можно презентовать как лабораторию по изучению межэтнических отношений, прежде всего, диаспор.

Республика Северная Осетия–Алания позиционирует себя как многонациональное сообщество, имея на то все основания. В этническую структуру Осетии включено более 100 национальностей, многие из которых сформированы в диаспорные и этнические группы [2;3].

В октябре 1990 года в Северной Осетии было создано республиканское межнациональное общественно-политическое движение «Наша Осетия», объединившее все национально-культурные общества.

За прошедшее время все диаспоры восстановили свои структуры, включающие, как и прежде, храмы, национальные школы, в том числе воскресные, благотворительные и национально-культурные об-

щества - армянское «Эребуни», азербайджанское «Азери», греческое «Прометей», грузинское «Эртоба», еврейское «Шолом», татарское имени Г. Тукая, немецкая культурная автономия, союз поляков Северной Осетии «Дом Польский» и другие. Все диаспоры восстановили утраченные контакты с родиной, демонстрируют диаспорное поведение, активно участвуют в миротворческой деятельности, в акциях «народной дипломатии», в общественно-культурной жизни Осетии. В республиканских газетах появилась рубрика «В национально-культурных центрах». Все это говорит о многогранности этнического сообщества Северной Осетии. [2;15]

Свое исследование начнем с изучения армянской общины, которая была одной из первых с начала существования самого города. С момента возникновения крепости на Тереке (первая половина XIX века) помимо русских офицеров и осетин, переселившихся с соседних сел пришли сюда и армяне (купцы и мастеровые), которые были одними из первых жителей Владикавказа.

Армянское общество создало в 1987 году в Моздоке национальный клуб «Арарат», а в 1989 году - армянский клуб во Владикавказе «Наири», который ставил перед собой культурно-просветительские цели, популяризацию армянской культуры. В апреле 1991 года оно было преобразовано в национальное культурно-благотворительное общество «Эребуни». Главной задачей общества является рост общественно-политической, культурной и экономической активности армянского и других народов, проживающих в Осетии. Общество ставит перед собой цели консолидации армянской диаспоры, укрепления национального самосознания, создания условий для изучения родного языка, возрождения традиционной семейной и календарной обрядности [2;47].

«Эребуни» собрало уникальную библиотеку из 3000 томов, Армяне считают Осетию родным очагом, где они смогли спастись от многочисленной резни. Потомки этих беженцев – граждане современной Северной Осетии. «Эребуни» налаживает связи с правительственными экономическими организациями и учреждениями Российской Федерации, Республики Северная Осетия-Алания, Республики Армения, с Армянской Апостольской церковью [2; 48].

Еще одним интересным объектом для исследования является крепкая еврейская община. Она сохраняется во Владикавказе, где с 31 марта 1989 года действует национально-культурный центр «Шолом». В апреле 2009 года был отмечен двадцатилетний юбилей общества

«Шолом» во Владикавказе в Русском драматическом театре имени Е.Вахтангова. Одной из важнейших акций Общества стал визит летом 2011 года в Северную Америку, куда была направлена делегация, организованная по инициативе Российского еврейского конгресса, в состав которой был включен и префект Иристонского района Д. Меликов, который представлял еврейское общество Северной Осетии.

Целью данной поездки было налаживание деловых и культурных связей между странами. Актуальным вопросом было отношение к евреям в регионах Российской Федерации. Представитель Северной Осетии отметил, что в Северной Осетии, как и, в общем, на Северном Кавказе, фактов вандализма не зафиксировано, и как таковой ксенофобии в отношении представителей еврейского народа нет, о взаимодействии АМС г. Владикавказ с Северо-Осетинским еврейским культурным центром «Шолом» (возглавляемым М.Б. Петрушанским); о совместных с АМС г. Владикавказ планах и проектах еврейской общины, более двух веков живущих в Северной Осетии.

Также был подчеркнут и тот факт, что членами современного НКЦ «Шолом» в большинстве своем являются городские жители, занимающиеся интеллектуальным трудом на благо общества. Во время обсуждения перспектив сотрудничества американских и российских еврейских общин были налажены деловые и культурные связи с планами на дальнейшее развитие [3].

Главными задачами центра являются консолидация еврейского населения, особенно молодого поколения, возрождение языка, культуры и традиций еврейского народа. Местная община сохранила еврейство как комплекс этнокультурных, этнопрофессиональных и этнорелигиозных свойств [2;71].

Не можем обойти вниманием немецкий культурный центр, который не менее интересен историей своего народа.

Немецкий культурный центр был основан 8 марта 1994 года. Он ставит перед собой такие задачи, как объединение людей в рамках внутриэтнического общения, сохранение самобытной культуры, организация изучения языка и истории немецких поселений, установление контактов с исторической родиной. Представители этой группы не утратили интереса к национальной культуре и испытывают потребность в этнически окрашенной информации [2;95].

Несмотря на то, что их осталось немного – около 900 человек, тем не менее, владикавказские немцы отличаются завидной актив-

ностью. Доказательством тому является живое участие во всех мероприятиях, проводимых министерством общественных и внешних связей РСО-Алания и республиканским Домом дружбы. Отметим, что и в этом году Дни немецкой культуры прошли во Владикавказе с довольно разнообразной программой, в котором приняло участие большинство представителей немецкой диаспоры. Было отмечено активное участие молодого поколения диаспоры. Отметим, что у немецкой молодежи на сегодняшний день существует интерес, не только к своей культуре, но проявился интерес к осетинской культуре.

Совет общества организует тематические лекции, семинары, экскурсии. Организация активно работает с немецкими культурными центрами городов России. Налажена также связь с исторической родиной. При обществе работает молодежная организация, женский сектор, клуб пожилых «Синьоры», спортивный сектор, открыты курсы по изучению родного языка.

В 1999 году Немецкий культурный центр был преобразован в региональную Немецкую культурную автономию, которая является структурным подразделением Федеральной Немецкой культурной автономии. В 1999 году Немецкий культурный центр был преобразован в региональную Немецкую культурную автономию, которая является структурным подразделением Федеральной Немецкой культурной автономии. Члены совета НКА принимают активное участие в обсуждении проблем российских немцев на совещаниях, конференциях, съездах. При обществе работает молодежная организация, женский клуб. Большую работу с верующими проводит пастор Альфред Мютце, часто приезжающий из Германии. Члены совета НКА принимают активное участие в обсуждении проблем российских немцев на совещаниях, конференциях, съездах. При обществе работает молодежная организация, женский клуб. Большую работу с верующими проводит пастор Альфред Мютце, часто приезжающий из Германии [2;96].

Вышесказанное является немаловажным для налаживания внутриэтнических отношений в республике, сохранение самобытной культуры, организация изучения своего языка, проявление интереса немецкой молодежи к осетинской культуре.

В мае 1998 года во Владикавказе было учреждено греческое общество «Прометей». Оно ставило перед собой задачи возрождения национальных традиций, родного языка, народного творчества и ремесел, популяризацию культурных ценностей греческого народа, уста-

новление контактов с греческими общинами в России и за рубежом.

В августе 1990 года в Осетии был создан азербайджанский национально-культурный центр «Азери», объединивший более чем двух с половиной тысяч азербайджанцев с целью изучения истории, культуры, традиций, языка своего народа, коллективного проведения досуга. Основано также Исламская религиозная организация азербайджанцев. Общество развивает отношения с исторической родиной — Азербайджаном, с другими диаспорами азербайджанцев [2;110]. В июле 2011 года Владикавказ посетил Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской республики в Российской Федерации Паллад Бюль-Бюль-оглы. Он побывал и на праздновании 20-летия азербайджанского НКО «Азери».

Грузинская диаспора Северной Осетии — одна из наиболее многочисленных в республике. Большая ее часть проживает во Владикавказе и в населенных пунктах Балта, Чми, Ларс, расположенных вдоль Военно-Грузинской дороги. [4] Во Владикавказе активно действует грузинское национально-культурное общество «Эртоба», призванное консолидировать общину, развивать и сохранять культурные ценности грузин. Кроме того, «Эртоба» проводит многочисленные миротворческие акции.

После грузино-осетинского конфликта 1990-ых годов прогнозировался значительный отток грузинского населения из республики. Однако отток вскоре прекратился, а многие мигранты вернулись в Осетию, убедившись в толерантности людей и своей безопасности. Если в 2000 г. в республике насчитывалось чуть больше 10 тысяч, то в 2002г. их насчитывалось 10 803 человека [5]. Не наблюдается существенного оттока грузин и после августа 2008 года [2;156].

Татарская община сохранялась и в годы советской власти, не имея организованных форм коммуникации. Но в 1990 году состоялась первая учредительная конференция, где присутствовали 200 делегатов от 2000 татар, проживающих в Осетии. Был создан Татарский национально-культурный центр имени Габдуллы Тукая. Члены общества участвовали в работе II и III Всемирных Конгрессов татар в городе Казани, в праздновании тысячелетия Казани в 2005 г.

В сентябре 1997 года во Владикавказе побывала делегация из Казани во главе с мэром города Камилем Исхаковым с целью обмена опытом работы администраций двух городов. Был подписан договор между городами «О принципах сотрудничества в экономической, научно-технической и культурной областях».[6] Таким образом, татары

проявили важнейший диаспоральный признак – стремление установить связь с исторической родиной [2;172].

Во Владикавказе 27 ноября 2000 года была создана общественная организация «Союз поляков Республики Северная Осетия – Алания «Дом Польский». Общество занимается изучением забытых традиций национального искусства, народного танца, песен, костюмов, польской кухни. Выявлены польские семьи во Владикавказе, Беслане, Моздоке и станице Архонской.

«Союз поляков Республики Северная Осетия – Алания «Дом Польский» имеет свое издание «Польская газета – Алания», где публикуются материалы по истории и культуре поляков, информация о жизни общины.

«Дом Польский» является членом Конгресса поляков России, установлены контакты с польскими обществами Пятигорска, Санкт - Петербурга, Волгограда, Краснодара и Сочи. [2;182]

Заключительным этапом моей работы будет рассмотрение корейской общины. Многие корейцы, особенно старшего поколения, полиязычны. Они владеют родным языком, русским языком, многие знают узбекский или казахский язык. Следует отметить, что в последние годы у корейцев наблюдается стремление к возрождению традиций, культуры, языка. Это выражается в поддержке идеи создания национально-культурного центра, в желании обучать молодежь корейскому языку, так как из-за сложности изучения языка, он перестал быть средством общения, традиционной обрядности.

Высокая степень этнической сплоченности корейцев обусловлена этническим предпринимательством, сохранением семейно-родственных связей, а в настоящее время – и с деятельностью национально-культурного центра «Коре». [2;199]

Рассмотрев лишь один из аспектов деятельности НКЦ – контакты с исторической родиной, мы можем утверждать, что современная диаспора является существенным фактором международного сотрудничества, НКЦ значительно оптимизируют контакты Республики Северная Осетия-Алания с европейскими и азиатскими зарубежными партнерами, а также с субъектами РФ.

Примечания

1. Абдулатипов Р. Защитить прекрасное разнообразие мира // Дружба народов. 1998. №10. С.166.
2. Канукова З.В. Диаспорные группы в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ: ИПО СОИГСИ. 2009.
3. <http://www.vladikavkaz-osetia.ru/news/?news=12639>.
4. <http://www.patriarchia.ru/db/text/424671.html>.
5. Северная Осетия, 19 сентября 1997 год.
6. Данные Госкомстата, 2002 год.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

7 ноября 2011 г. в Москве, в здании Президиума РАН состоялось открытие Собрания молодых учёных РАН «**Прошлое, настоящее и будущее российской науки**», которое затем продолжилось до 11 ноября в пансионате «Звенигородский».

В заседании приняли участие Министр образования и науки РФ Андрей Фурсенко, вице-президенты РАН Сергей Алдошин и Валерий Козлов, генеральный директор Фонда «РЖС» (Федеральный фонд содействия развитию жилищного строительства) Александр Браверман, председатель Совета молодых ученых РАН Вера Мысина, представители академических Советов молодых ученых (СМУ) со всей России, а также приглашенные делегации от аналогичных объединений из Казахстана, Белоруссии, Азербайджана, Молдавии, Армении, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии. Владикавказский научный центр представлял председатель СМУ ВНЦ, председатель СМУ СОИГСИ **Борис Синанов**.

Основной целью Собрания молодых ученых явилось обсуждение наиболее острых вопросов, волнующих молодое поколение российских ученых. Среди них: проблемы финансирования науки, обеспечения молодых специалистов ставками и жильём, оптимизация структуры управления РАН и др.

Официальную часть собрания открыл вице-президент РАН Валерий Козлов, курирующий в академии работу с молодежью. Он напомнил, что каждый четвертый исследователь в РАН — молодой ученый до 35 лет. «Если к этим 13 тысячам человек добавить еще 9 тысяч аспирантов, получится вполне серьезная команда, которая может и должна активно участвовать в жизни академии», — подчеркнул вице-президент.

Между тем, еще два года назад в центральной части РАН не было структуры, объединяющей молодых ученых. Общими усилиями молодежи и старших коллег СМУ РАН был создан. За короткий срок он успел довольно много сделать. Это показало и собрание, участники которого обсуждали широкий круг проблем, решаемых при непосредственном участии совета.

В своем выступлении Вера Мысина выступила с рядом предложений, в том числе по реорганизации РАН, выделении дополнительных средств на две тысячи ставок для молодых учёных и т.д. В заключении председатель СМУ РАН озвучила социальные проблемы молодых ученых, такие как низкий уровень стипендий и жилищный вопрос.

Проблемы, заявленные на пленарном заседании, подробно обсуждались молодыми учеными в пансионате «Звенигородский» с 8 по 11 ноября.

В эти дни состоялась отчетная сессия СМУ РАН, встреча с представителями фонда «Сколково». Центральными темами заседаний также стали вопросы обеспечения жильем молодых ученых. Представители фонда «РЖС» в докладе «Как сделать жилье для молодых ученых доступным» рассказали о реализуемом в Сибирском отделении пилотном проекте «Каинская заимка». После выхода постановления правительства о порядке вступления в ЖСК, которого ждут со дня на день, подобные кооперативы начнут создаваться и в других региональных и научных центрах РАН.

Как проблемы организации жилищно-строительных кооперативов, так и проблемы ипотечного кредитования, вызвали много вопросов у молодых ученых.

В заключительный день собрание посетил академик вице-президент РАН Валерий Козлов, который в своем обращении к молодым ученым особо подчеркнул, что Совет молодых ученых РАН — лучший проект, реализуемый академией за несколько последних лет.

Вопросы, обсуждавшиеся, как на пленарном заседании, так и в остальные дни, нашли отражения в итоговой резолюции, принятой большинством голосов, после продолжительной и острой дискуссии.

С 16 по 18 ноября 2011 г. в Москве состоялась Всероссийская научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», организаторами которого выступили Институт российской истории РАН и Совет молодых ученых ИРИ РАН.

В работе школы-конференции приняли участие более 70 молодых историков, представлявших российские вузы, институты РАН, ее региональные отделения и научно-исследовательские организации 26 городов России. Кроме того, участниками школы-конференции стали молодые исследователи из Украины, Польши, Германии.

Свой доклад на конференции представил научный сотрудник СОИГСИ к.и.н., **Б.А. Синанов**, тема доклада: «Антирелигиозное воспитание и формирование новой культуры молодежи Северной Осетии в 1920-1930-е гг.».

Формат мероприятия был призван восстановить во многом утраченную в современной научной жизни связь поколений. Поэтому в ходе конференции большое внимание уделялось выступлениям известных специалистов по актуальным проблемам исторического знания. Так, в ходе пленарных заседаний выступили С.О. Шмидт (советник РАН), Ю.А. Петров (директор ИРИ РАН), Н.А. Макаров (директор ИА РАН, член-корреспондент РАН), В.П. Козлов (член-корреспондент РАН) и др.

Лекции вызвали неподдельный интерес у начинающих исследователей, воспользовавшихся возможностью получить ответы на волнующие вопросы. На секционных заседаниях уже молодые историки должны были отвечать на тонкие и каверзные вопросы старших коллег, получая свою долю профессиональной критики.

Выступая на секции «История России XX в.» Б.А. Синанов выделил комплекс вопросов, связанных с антирелигиозным воспитанием,

формированием нового мировоззрения и культуры молодежи в первые два десятилетия советской власти, показав при этом отторжение молодыми людьми многих сторон атеистической идеологии.

В декабре 2011 г. в Северо-Осетинском государственном университете им. К. Л. Хетагурова на заседании Диссертационного совета по историческим наукам при СОГУ прошли успешные **защиты кандидатских диссертаций** на соискание степени кандидата исторических наук. Среди защищавшихся были аспирант очного обучения СОИГСИ **Атаев Олег Юрьевич** (научный руководитель — доктор исторических наук Б.В.Туаева) и соискатель СОИГСИ **Корнилов Алексей Алексеевич** (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор З.В. Канукова). Желаем состоявшимся кандидатам наук достижения новых научных вершин!

9 февраля в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО–А состоялась школа-семинар молодых учёных «Современная

методология гуманитарного исследования», посвященная Дню российской академической науки.

Научное мероприятие было организовано Научно-образовательным отделом СОИГСИ. Участниками школы-семинара стали молодые учёные Института, а также студенты и аспиранты Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова и Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. Всего было заслушано более 20 докладов. Работа школы-семинара проходила по трем секциям:

- секция филологии (руководитель — доктор филологических наук, профессор Т.А. Гуриев, секретарь — кандидат филологических наук А.Б. Бритаева);

- секция этнографии (руководитель — доктор исторических наук, профессор Л.А. Чибиров, секретарь — кандидат исторических наук К.Р. Дзалаева);

- секция истории (руководитель — доктор исторических наук, профессор С.А. Айларова, секретарь — доктор исторических наук Б.В. Туаева)

Молодые учёные, представив своим коллегам результаты собственных исследований, получили возможность живого общения с признанными специалистами отечественной гуманитарной науки.

В ходе школы-семинара молодые исследователи смогли поучаствовать в дискуссиях по различным актуальным вопросам истории, этнографии и филологии, наладить профессиональные и дружеские контакты, получить оценку собственного научного уровня в процессе плодотворной работы с научными сотрудниками СОИГСИ — доктором исторических наук З.В. Кануковой, доктором филологических наук Р.Я. Фидаровой, доктором филологических наук Е.Б. Бесоловой, кандидатом филологических наук Мамиевой И.В., кандидатом филологических наук Дзуцевой Ф.С., кандидатом филологических наук Дарчиевой М.В.

Участники признали плодотворность работы школы-семинара, ставшей интеллектуальной площадкой для обсуждения новых научных подходов, исследовательских достижений и обмена опытом. Представленные на школе-семинаре доклады опубликованы в данном номере научного журнала «Известия СОИГСИ. Школа молодых учёных».

В День защитника Отечества ветераны спорта, активисты спортивных и молодежных организаций, представители научной и технической интеллигенции республики собрались на ярком культурно-массовом мероприятии, местом проведения которого стал спортивно-оздоровительный центр в Беслане.

Собравшиеся приветствовали тех, кто добился достижений в спорте, научно-прикладных исследованиях, техническом моделировании, в реализации социально-значимых молодежных проектов. Церемония награждения началась с вручения премий Главы Северной Осетии в области науки и техники.

Среди молодых специалистов, получивших премию из рук Главы Республики Таймураза Мамсурова, были молодые ученые из СКГМИ, ГГАУ, представители медицинского сообщества, и, что особенно приятно, **«За реализацию проектов и инициатив, способствующих эффективному проведению молодежной политики»** премии удостоена и аспирант СОИГСИ **Светлана Бидеева**, с чем мы поздравляем ее и желаем дальнейших творческих успехов!

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ВЫП. 7**

Научный журнал

Компьютерная верстка — *А.В. Черная*

Подписано в печать 31.03.2012
Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бум. 65 гр. Гарнитура шрифта «Minion»
Тираж 100 экз. Заказ №32. Усл.п.л. 17,41

Отпечатано в ИПО СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО–А
362040, РСО–Алания, г.Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru